Е 65
331
801-11
1070

ПОДЧИНЕННОСТЬ ЖЕНЩИНЫ

СОЧИНЕНІЕ

ДЖОНА СТЮАРТА МИЛЛЯ

ПЕРЕВОДЪ СЪ АНГЛІЙСКАГО

Съ предисловіемъ

НИК. МИХАЙЛОВСКАГО

и приложеніемъ писемъ

О. КОНТА къ Д. С. МИЛЛЮ

по женскому вопросу

XX-5491

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

Изданіе книгопродавца С. В. Звонарева

1869

ВЪ ТИПОГРАФІИ Д-РА М. ХАЦА, ВЪ БОЛОТНОЙ УЛ. Д. № 5

ПРЕДИСЛОВІЕ.

За послѣдніе годы наша переводная литература значительно обогатилась. Представители европейской мысли одинъ за другимъ являются на судъ русской читающей публики и послѣдовательно вызываютъ уваженіе и даже восторгъ съ одной стороны и строгое осужденіе съ другой. Осужденіе исходитъ изъ той части русскаго читающаго и въ особенности пишущаго люда, которой, благодаря стеченію разныхъ обстоятельствъ, присвоивается названіе публики „благонамѣренной.“ Всѣ громкія въ наукѣ или философіи западно-евро-

пейскія имена, получившія у насъ извѣстность въ пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годахъ, болѣе или менѣе удачно пристегиваются „благонамѣренною“ публикою къ дѣлу такъ называемаго нигилизма. Засуживаются естествоиспытатели, засуживаются философы, засуживаются люди, работающіе надъ изученіемъ вопросовъ общественной жизни. Среди этого поголовнаго осужденія есть однако одно громкое имя, до сихъ поръ къ суду не притянутое. Это громкое имя — Джонъ Стюартъ Милль, авторъ „Системы логики,“ „Трактата политической экономіи,“ книги „О свободѣ“ и проч. Если мыслитель этотъ и подвергался у насъ открытымъ нападеніямъ, то они исходили не изъ лагеря „благонамѣренныхъ.“ Напротивъ, онъ находился одно время въ большой опалѣ у людей, называемыхъ нигилистами. Благонамѣренные же или относятся къ нему ровно-почтительно, или въ большинствѣ случаевъ просто умалчиваютъ объ немъ. А между тѣмъ темы, развиваемыя Миллемъ, по видимому нерѣдко могли бы дать господамъ благонамѣреннымъ возможность высказать свои задушевныя убѣжденія и во имя ихъ назвать Милля и нигилистомъ, и я не знаю еще какимъ истомъ. Возможность эта предстояла, по видимому, при изданіи русскаго перевода и „Системы логики,“ и нѣкоторыхъ статей въ „Разсужденіяхъ и изслѣдованіяхъ,“

и вышедшей недавно статьи объ утилитаріанизмѣ. И однако никакихъ нападеній не послѣдовало. Обстоятельство это заслуживаетъ гораздо бо́льшаго вниманія, чѣмъ можетъ показаться съ перваго взгляда. Мы видѣли препирательства съ Боклемъ, Фогтомъ, Молешотомъ, Фейербахомъ, Бюхнеромъ, Ренаномъ, съ матеріалистами, соціалистами и т. д., но не помнимъ ни одной стычки съ Миллемъ. Это было бы очень понятно, если бы Милль былъ съ точки зрѣнія современной русской благонамѣренности совершенно безгрѣшенъ. Но на немъ лежатъ очень тяжелые грѣхи. Онъ не признаетъ врожденныхъ идей, на коихъ зиждется благонамѣренный идеализмъ; исповѣдуетъ пагубный утилитаризмъ, т. е. ставитъ принципъ пользы верховнымъ принципомъ нравственности; учитъ, — не впадая однако при этомъ въ благонамѣренный фатализмъ, —что человѣческія дѣйствія управляются не безотносительною, самоопредѣляющеюся свободною волею; въ такъ называемомъ женскомъ вопросѣ далеко переступаетъ предѣлы благонамѣренности; кое-гдѣ, правда урывками, ободряетъ и одобряетъ завѣдомо неблагонамѣренныхъ утопистовъ. Это ли не грѣхи? Почему же они не получаютъ должнаго возмездія отъ всея Россіи мыслителей и публицистовъ? Вопросъ интересный.

Обстоятельство это зависитъ во первыхъ отъ нѣко-

торыхъ индивидуальныхъ качествъ Милля, а во вторыхъ отъ общаго склада его міросозерцанія. Всѣ работы Милля исполняются въ высшей степени добросовѣстно; онъ не боится трудныхъ сторонъ подлежащаго разсмотрѣнію вопроса, не обѣгаетъ ихъ, а напротивъ, самъ ставитъ себѣ всѣ возможныя, наиболѣе полновѣсныя возраженія. Изложеніе его всегда ясно, спокойно; въ крайности онъ никогда не вдается, страстный, раздражительный тонъ проскальзываетъ въ его произведеніяхъ чрезвычайно рѣдко. Самая его, такъ сказать, литературная наружность показываетъ въ немъ мыслителя, къ подрыванію общественныхъ основъ не стремящагося и къ нигилизму пристегнутымъ быть не могущаго. Но этого было бы разумѣется недостаточно для огражденія его отъ нападеній всероссійскихъ мыслителей. На это есть иная причина, гораздо болѣе глубокая. Отсутствіе крайностей, рѣзкостей и вообще всѣхъ тѣхъ качествъ, которыя у насъ приписываются почти исключительно нигилистамъ, по видимому сближаетъ Милля съ нашими „благонамѣренными.“ Но эту близость можно найдти только при самомъ поверхностномъ взглядѣ. Въ сущности между „благонамѣренными“ и Миллемъ лежитъ гораздо болѣе глубокая пропасть, чѣмъ между тѣми же благонамѣренными и, напримѣръ, Бюхнеромъ или Молешотомъ. Я нарочно беру

рѣзкіе примѣры. Дѣло въ томъ, что у любаго изъ благонамѣренныхъ есть любопытные предметы для разговора съ Бюхнеромъ или Молешотомъ, предметы, волнующіе благонамѣреннаго до глубины души, предметы, по поводу которыхъ благонамѣренный можетъ всласть наговориться, предметы, которымъ онъ придаетъ первостепенную важность. Это вообще предметы онтологическаго свойства; вопросы о сущности вещей, о томъ не есть ли матерія ничто иное какъ духъ, или же не есть ли самый духъ ничто иное какъ тонкая матерія и многіе другіе вопросы, даже еще болѣе удаленные, какъ отъ настоящихъ предѣловъ знанія, такъ и отъ текущей дѣйствительности. По всѣмъ этимъ вопросамъ западный матеріалистъ имѣетъ весьма опредѣленныя мнѣнія, болѣе или менѣе остроумно развиваемыя и доказываемыя. Современный русскій благонамѣренный человѣкъ съ своей стороны придерживается на этотъ счетъ взглядовъ не менѣе опредѣленныхъ, хотя въ большинствѣ случаевъ діаметрально противоположныхъ. Такимъ образомъ, между западнымъ матеріалистомъ и современнымъ русскимъ благонамѣреннымъ человѣкомъ есть нѣкоторыя точки соприкосновенія, есть у нихъ общая почва, на которой разсыпаны исходные пункты для очень разнообразныхъ препирательствъ. Правда, при этомъ благонамѣренный русскій человѣкъ не всегда

вѣрно расчитываетъ свои силы, ибо вступаетъ иногда въ борьбу съ людьми, имѣющими за себя, не говоря уже о талантѣ, и массу знаній, и дѣйствительныя научныя заслуги. Но общая почва здѣсь все-таки есть. Не таково отношеніе русскаго благонамѣреннаго человѣка къ Миллю и вообще ко всей той философской школѣ, которой англійскій мыслитель можетъ считаться типическимъ представителемъ и къ которой изъ извѣстныхъ русской публикѣ именъ могутъ быть еще отчасти причислены Бокль и Спенсеръ. Ни объ одномъ изъ наиболѣе волнующихъ русскаго благонамѣреннаго человѣка вопросовъ Милль говорить не станетъ, на всѣ онтологическаго свойства вопросы отвѣтитъ скромнымъ „не знаю“ и потому дальнѣйшая бесѣда неизбѣжно прекратится за неимѣніемъ пищи. Но этого мало. Это крошечное „не знаю“ насквозь проникаетъ все умственное и нравственное существо англійскаго мыслителя, ложится въ основу его міросозерцанія, отражается на всѣхъ его взглядахъ, даже по видимому никакого отношенія не имѣющихъ къ вопросамъ о сущности вещей и о конечныхъ причинахъ. Такъ что въ концѣ концовъ выходитъ, что англійскій мыслитель и русскій благонамѣренный человѣкъ люди совершенно различной породы, люди, говорящіе на разныхъ языкахъ, причемъ даже переводъ съ одного языка на другой оказывается

невозможнымъ. Мысль ихъ тяготѣетъ къ совершенно различнымъ вопросамъ, а если имъ случится обратиться къ одному и тому же вопросу, то не только въ большинствѣ случаевъ получатся два діаметрально противоположныя рѣшенія, но всегда получатся двѣ различныя постановки вопросовъ. И вотъ въ этой-то постановкѣ все дѣло. Въ ней именно и заключается причина спасенія Милля отъ нападеній нашей печати, которое впрочемъ ничѣмъ инымъ объяснено быть не можетъ, какъ тѣмъ, что между Миллемъ и русскимъ благонамѣреннымъ человѣкомъ нѣтъ ничего общаго. Надо однако замѣтить, что философская школа, считающая Милля своимъ, почти въ такой же мѣрѣ чужда и нѣкоторымъ изъ выводовъ и положеній въ противоположномъ „благонамѣренности“ смыслѣ, которые, благодаря стеченію различныхъ очень печальныхъ обстоятельствъ, были недавно въ ходу въ нашемъ молодомъ мыслящемъ обществѣ. Но здѣсь гораздо болѣе поводовъ къ сближенію и гораздо болѣе возможности взаимнаго пониманія. Милль такъ характеризуетъ то міросозерцаніе, котораго онъ держится самъ: „Нашему знанію доступны только явленія; это знаніе явленій—относительно, не безусловно. Мы не знаемъ ни сущности, ни даже реальнаго способа возникновенія извѣстнаго факта; для насъ доступны только его отношенія къ другимъ фак-

тамъ путемъ преемствѣнности и сходства. Эти отношенія постоянны, т. е. при однихъ и тѣхъ же обстоятельствахъ они бываютъ тѣже самыя. Постоянныя сходства, связывающія нѣсколько явленій, и та или другая послѣдовательность, ставящая ихъ въ опредѣленный порядокъ—или какъ предыдущія или какъ послѣдующія въ отношеніе другъ къ другу—называются ихъ законами. Законы явленій—вотъ все, что мы знаемъ касательно явленій. Сущность ихъ природы, ихъ первичныя, дѣятельныя или конечныя причины неизвѣстны и недоступны для насъ." (Д. Г. Льюисъ и Д. С. Милль. Огюстъ Контъ и положительная философія. Спб. 1867). Чтобы оцѣнить особенности этого міровоззрѣнія, слѣдуетъ сравнить его съ другими. И вотъ какъ тотъ же Милль характеризуетъ два другіе способа мышленія: „Теологическій строй мысли есть первоначальная, самобытная форма мышленія. Сущность этого взгляда на вещи: факты вселенной регулируются не неизмѣнными законами послѣдовательности, а простою непосредственною волею существъ—дѣйствительныхъ или вымышленныхъ—существъ, обладающихъ, по этому представленію, жизнью и разумомъ." „Видъ мышленія, который Контъ обозначаетъ терминомъ „метафизическій", приписываетъ явленія не волѣ существъ земныхъ или небесныхъ, а реализированнымъ отвлеченіямъ. На этой ступени всѣ

разнообразные дѣятели природы не сводятся къ Богу, какъ ихъ причинѣ и регулятору. Эту роль исполняютъ здѣсь силы, способности, скрытыя свойства. Но на нихъ смотрятъ какъ на дѣйствительныя существованія, присущія конкретнымъ тѣламъ, хотя и отличныя отъ нихъ; эти существованія имѣютъ свое пребываніе въ конкретныхъ тѣлахъ и нѣкоторымъ образомъ одушевляютъ ихъ." (Тамъ же).

Простые и ясные тезисы положительной философіи постепенно вырабатывались путемъ вѣковыхъ размышленій при непосредственной помощи опыта и наблюденія. Но въ систему они были приведены не далѣе какъ въ тридцатыхъ годахъ великимъ французскимъ мыслителемъ Огюстомъ Контомъ, когда еще не остылъ гегелизмъ, а во Франціи царилъ въ философіи чахоточный эклектизмъ. Взгляды Конта немедленно обратили на себя вниманіе мыслящихъ людей, и въ числѣ ихъ былъ Милль, самостоятельно и до того шедшій по тому же пути положительнаго мышленія. Между Миллемъ и Контомъ завязалась оживленная переписка, въ которой, между прочимъ, затронутъ былъ и вопросъ объ общественномъ положеніи и назначеніи женщины. Письма Милля, вмѣстѣ съ другими бумагами Конта, затерялись и о содержаніи ихъ можно судить только по письмамъ Конта. Письма эти читатель найдетъ ниже, въ томъ видѣ,

какъ они напечатаны въ книгѣ Литтре „Auguste Comte et la philosophie positive“ (Paris, 1864). Откровенно говоря — да простится мнѣ это маленькое личное объясненіе — если я взялся, и взялся съ большою охотою, написать нѣсколько строкъ для предисловія къ русскому переводу „Подчиненность женщины“, то только потому, что къ этой книгѣ издатель рѣшилъ приложить письма Конта. Сама книга Милля едва ли нуждается въ какихъ либо рекомендаціяхъ или комментаріяхъ. Она представляетъ очень полный систематическій сводъ аргументовъ въ защиту такъ называемой эмансипаціи женщинъ. Она имѣетъ важное значеніе, какъ спокойное и разностороннее изслѣдованіе вопроса, который еще и теперь есть по истинѣ vexata questio нашего общества. Для нашего общества она важна и какъ произведеніе Милля, сильнаго мыслителя, до сихъ поръ въ нашемъ отечествѣ ни въ чемъ неблагонамѣренномъ не заподозрѣнаго. Въ силу этого „Подчиненность женщины“ можно напутствовать только пожеланіемъ возможно большаго успѣха. Не то съ письмами Конта. Я полагаю, что всякій, искренно сочувствующій великому дѣлу положительной философіи, былъ бы опечаленъ, если бы эти письма явились безъ всякихъ объясненій. Въ послѣднее время у насъ явился по видимому нѣкоторый интересъ къ ученію

Конта, но тѣмъ не менѣе, вообще говоря, мы знакомы съ нимъ больше по наслышкѣ или по журнальнымъ статьямъ. Сочиненія Конта у насъ, какъ извѣстно, въ продажѣ не существуютъ, хотя надо надѣяться, что по мѣрѣ того, какъ мы будемъ знакомиться съ ними хотя бы изъ вторыхъ или третьихъ рукъ, мало по малу разсѣятся предубѣжденія противъ этого мыслителя, иногда даже черезчуръ строгаго къ нѣкоторымъ опаснымъ заблужденіямъ. Жаль только, что во ожиданіи этого времени, въ скорое наступленіе котораго мы охотно вѣримъ, въ нашей публикѣ успѣютъ можетъ быть установиться совершенно превратныя понятія о характерѣ философіи Конта. Сочиненія Конта написаны тяжелымъ, неуклюжимъ слогомъ, длиннѣйшими періодами и читаются не легко. Это подаетъ поводъ нѣкоторымъ острякамъ утверждать, что сочиненія Конта были переведены на французскій языкъ его ученикомъ Литтре. Съ своей стороны мы думаемъ, что многіе люди, весьма развязно толкующіе о Контѣ, никогда его не читали или по крайней мѣрѣ не имѣли терпѣнія и силы дочитать его. Есть, напримѣръ, люди, смѣшивающіе положительную философію съ матеріализмомъ, съ атеизмомъ. Это совершенно несправедливо и относительно послѣдняго Контъ въ особенности энергически протестуетъ, какъ противъ плохаго рѣшенія не-

разрѣшимаго вопроса. Что касается до вопросовъ общественной жизни, то въ этой области Контъ не только не является поборникомъ какихъ либо опасныхъ революціонныхъ идей, но напротивъ преслѣдуетъ „революціонную метафизику“ не менѣе энергически, чѣмъ наши благонамѣренные русскіе люди. Нужно поэтому думать, что недопущеніе у насъ сочиненій Конта къ продажѣ и переводу есть только результатъ временныхъ недоразумѣній. Недоразумѣнія эти осложняются еще однимъ обстоятельствомъ. Философская дѣятельность Конта распадается на два, а пожалуй и на три періода. Въ первомъ онъ является ученикомъ Сенъ-Симона; во второмъ самостоятельнымъ мыслителемъ, творцомъ великаго „Cours de la philosophie positive;“ въ третьемъ наконецъ помѣшаннымъ создателемъ новаго культа, какимъ-то первосвященникомъ человѣчества, пишущимъ письма къ императору Николаю I (не получая - разумѣется отвѣта), придающимъ нѣкоторымъ цифрамъ мистическое значеніе, видящимъ въ догматѣ Богородицы какое-то указаніе на самостоятельность женщины путемъ безмужняго зарожденія и проч., и проч., и проч. Есть люди. настолько недобросовѣстные или лишенные смысла, что сваливаютъ всѣ эти три періода въ одну кучу и говорятъ о несчастномъ мыслителѣ что нибудь въ такомъ родѣ: основавъ, подъ вліяніемъ

Сенъ-Симона, новую философію, нѣчто въ родѣ „математическаго матеріализма“ (этотъ математическій матеріализмъ сочинилъ Гизо), затѣмъ объявилъ себя первосвященникомъ и т. д. Если прибавить къ этому, что Контъ, какъ это свойственно человѣку, даже въ пору полнаго разцвѣта своей мысли, ошибался въ нѣкоторыхъ частностяхъ; что поступательное движеніе науки послѣ его смерти измѣнило взглядъ положительной философіи на нѣкоторые второстепенные и третьестепенные вопросы; что наконецъ многія великія мысли, явившіяся у него, вслѣдствіе особыхъ обстоятельствъ, именно подъ конецъ его дѣятельности, закутаны непроницаемымъ для многихъ туманомъ нелѣпостей; — если принять все это въ соображеніе, то станутъ понятными малая извѣстность Конта и извращенныя объ немъ мнѣнія. Однако, дѣло положительной философіи, будучи дѣломъ не одного человѣка, а своего времени, все-таки подвигается впередъ. Такъ или иначе къ нему пристраивается всякая свѣжая мысль, и если ряды позитивистовъ (которые, между прочимъ, распадаются на сторонниковъ только курса философіи и на принимающихъ и позднѣйшіе взгляды Конта) не блистаютъ количествомъ, то одного Милля было бы достаточно для того, чтобы заставить глубже и внима-

тельнѣе вдуматься въ эту медленно, но прочно растущую силу.

Значеніе положительной философіи заключается не въ тѣхъ или другихъ частностяхъ, а въ общемъ складѣ міросозерцанія, въ тѣхъ основныхъ принципахъ, которые не поколеблятся, а только укрѣпятся съ дальнѣйшимъ движеніемъ науки. Поэтому, если мы встрѣчаемъ даже у самого Конта какое-либо заблужденіе, то оно можетъ быть легко исправлено при болѣе тщательномъ анализѣ фактовъ съ точки зрѣнія той же положительной философіи. Сравненіе предлагаемой книги Милля съ письмами Конта можетъ дать прекрасный образчикъ такой поправки.

Не мѣшаетъ замѣтить, что письма эти писаны незадолго до созданія „Позитивной политики“, т. е. въ такое время, когда уже готовился тотъ внутренній переворотъ, который во многихъ отношеніяхъ радикально измѣнилъ убѣжденія Конта. Отсюда и странный, мѣстами даже просто нахальный тонъ писемъ, тонъ, который былъ усвоенъ Контомъ ко времени его первосвященничества до едва вѣроятной степени.

Аргументы, приводимые Контомъ въ защиту своего мнѣнія о естественной подчиненности женщины, представляютъ едва ли не самые полновѣсные изъ всѣхъ, какіе когда либо приводились въ доказательство того же

положенія. Конечно, идея женскаго типа, какъ чего-то отличнаго отъ типа человѣческаго, нѣсколько странная. Она даже переноситъ насъ отчасти въ средніе вѣка, когда духовенство на соборахъ рѣшало вопросъ объ томъ есть ли женщина человѣкъ. (Вопросъ былъ рѣшенъ такъ: Евангеліе называетъ Іисуса Христа „сыномъ человѣческимъ“, но отецъ Его былъ Богъ, слѣдовательно прилагательное „человѣческій“ относится къ Богоматери. И такъ женщина есть человѣкъ). Затѣмъ въ письмахъ Конта есть и другія странности. Трудно, напримѣръ, догадаться на чемъ основано его мнѣніе, что современный общественный строй стремится передать въ руки мужчинъ работы, доселѣ исполнявшіяся женщинами. Такое время было, но было въ очень раннюю пору цивилизаціи. Теперь же женщинѣ и передать-то нечего мужчинамъ. Напротивъ, промышленная дѣятельность, замѣняя все болѣе и болѣе мускульный трудъ машинами, предоставляетъ женской дѣятельности болѣе чѣмъ когда нибудь широкій просторъ. Но въ нѣломъ выводы Конта заслуживаютъ нѣкотораго вниманія, чего отнюдь нельзя сказать о доказательствахъ другихъ противниковъ равенства половъ. Если бы біологія, какъ говоритъ Контъ, дѣйствительно неоспоримо доказала, что между организаціей мужчины и организаціей женщины существуетъ коренная и неизгла-

димая разница, тогда онъ былъ бы правъ, и женщина на вѣки вѣчные самою природою была бы осуждена на подчиненное и зависимое положеніе. Контъ старается доказать свой тезисъ ссылкою на „великій органическій законъ“ превосходства мужскаго пола на всѣхъ высшихъ ступеняхъ животнаго царства. Любопытно сравнить тѣ возраженія, которыя представляетъ по этому пункту Милль съ одной стороны, и тѣ возраженія, которыя могъ бы представить на этотъ счетъ благонамѣренный русскій человѣкъ съ другой. Конечно, можетъ быть и даже очень вѣроятно, что благонамѣренный русскій человѣкъ согласился бы съ Контомъ въ окончательномъ результатѣ, т. е. согласился бы, что женщина дѣйствительно должна быть хранительницей домашняго очага и проч. Но это положеніе будетъ первымъ и даже единственнымъ звѣномъ аргументаціи русскаго благонамѣреннаго человѣка, а не послѣднимъ, звѣномъ, провѣрять котораго онъ не станетъ и не можетъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ до глубины души возмутился бы логическими пріемами Конта и его способомъ постановки вопроса. Онъ возмутился бы во первыхъ ссылкой на животное царство, хотя бы даже и на высшихъ ступеняхъ онаго. Онъ возмутился бы далѣе мнѣніемъ, что природа осуждаетъ женщину на подчиненное положеніе; онъ усмотрѣлъ бы тутъ либо клевету на природу вообще,

либо клевету на природу человѣческую въ особенности. Онъ возмутился бы наконецъ словомъ „подчиненность“. И кромѣ этихъ или подобныхъ возмущеній едва ли бы какія нибудь иныя возраженія были имъ произведены на свѣтъ божій. Словомъ Контъ и благонамѣренный русскій человѣкъ оказались бы говорящими на разныхъ языкахъ, и никакого путнаго разговора между ними не произошло бы. У Милля же, исповѣдующаго ту же положительную философію, что и Контъ, возраженій находится много и возраженій сильныхъ. Суть разногласія Конта съ Миллемъ состоитъ въ томъ, что одинъ видитъ дѣло природы тамъ, гдѣ другой видитъ почти исключительно искуственное дѣло общественныхъ условій. Ни тотъ ни другой не ставятъ ни одного такого положенія, которое не подлежало бы раціональной повѣркѣ. Все дѣло въ фактѣ. Докажетъ его Милль — и Контъ вынужденъ будетъ согласиться, докажетъ Контъ — согласится Милль. Во всякомъ случаѣ, ошибается ли изъ нихъ кто нибудь самымъ упорнымъ образомъ, вслѣдствіе какихъ либо ложныхъ предвзятыхъ мнѣній, — не ошибается положительная философія, на почвѣ которой они оба стоятъ. И рѣшеніе положительной философіи клонится на сторону Милля. Положительную философію часто обвиняютъ въ эмпиризмѣ, въ раболѣпствѣ передъ фактами. Обвиненіе это часто заходитъ

слишкомъ далеко. Конечно, съ точки зрѣнія положительной философіи фактъ имѣетъ первенствующее значеніе. Но при этомъ незачѣмъ имѣть въ виду тотъ грубый эмпиризмъ, который оцѣниваетъ факты топорнымъ образомъ, по общему поверхностному взгляду, скользя анализомъ только по самой поверхности явленій. Такимъ грубымъ эмпирикомъ является въ своихъ письмахъ Контъ. Милль въ своихъ возраженіяхъ не только не сходитъ съ научно-фактической почвы и слѣдовательно не выступаетъ изъ области положительной философіи, но напротивъ вводитъ въ ея предѣлы вопросъ болѣе точнымъ образомъ. Онъ провѣряетъ тотъ опытъ исторіи, на который ссылается Контъ, и находитъ въ немъ достаточное количество фактовъ въ пользу своего рѣшенія; онъ призываетъ на помощь къ этому опыту этологическія изслѣдованія (этологіей Милль называетъ науку о вліяніи обстоятельствъ на развитіе характера); онъ находитъ, что за неимѣніемъ этого рода данныхъ, нѣкоторые отрицательные факты оставляютъ только вопросъ нерѣшеннымъ; онъ не соглашается признать имѣющіеся въ настоящее время на лице біологическіе факты достаточными для рѣшенія вопроса въ отрицательномъ смыслѣ. Онъ говоритъ: я этого не знаю, но то, что я знаю, даетъ мнѣ возможность думать такъ-то. Къ тѣмъ обильнымъ и строго обдуманнымъ доводамъ, которые

Милль приводитъ въ защиту своего мнѣнія о вліяніи организаціи и общественныхъ условій на судьбу женщинъ, намъ хочется прибавить еще нѣкоторыя соображенія.

Контъ говоритъ:

„ Вы совершенно справедливо заключаете, что современные мыслители, ратуя противъ философскихъ заблужденій прошедшаго столѣтія, нерѣдко впадаютъ въ противоположныя крайности. Такъ Галль, стараясь воздать должное вліянію органическихъ условій, слишкомъ мало оцѣнилъ вліяніе воспитанія, столь преувеличенное Гельвеціемъ. Но хотя истина безспорно находится между этими двумя крайностями, къ ней, какъ мнѣ кажется, гораздо ближе современные взгляды. Весьма естественно, что вліяніе внѣшнихъ условій, какъ болѣе выдающихся, вызвало и болѣе раннюю оцѣнку; это именно и была работа мыслителей восемнадцатаго вѣка. Но не таково, очевидно, нормальное состояніе философіи біологіи, въ которой вліянію организаціи должно быть отведено первенствующее мѣсто; ибо не среда, а организація дѣлаетъ насъ людьми, а не обезьянами илц собаками, и вообще организація въ гораздо большей мѣрѣ, чѣмъ обыкновенно полагаютъ, обусловливаетъ

наше положеніе не только въ природѣ, но и въ человѣчествѣ."

Въ сороковыхъ годахъ, когда писалъ Контъ и когда господствовало мнѣніе о постоянствѣ видовъ, такой взглядъ былъ очень естественъ. Но теперь едва ли не приходится приблизиться къ взглядамъ мыслителей XVIII вѣка въ этомъ отношеніи. Послѣ блистательныхъ доводовъ Дарвина, нѣсколько странно читать, что „организація, а не среда дѣлаетъ насъ людьми, а не обезьянами или собаками и что вообще организація обусловливаетъ наше мѣсто въ природѣ и даже въ человѣчествѣ въ гораздо большей степени, чѣмъ обыкновенно полагаютъ." Даже не соглашаясь съ предположеніемъ Дарвина, что „животныя произошли отъ небольше какъ четырехъ или пяти прародичей, а растенія отъ такого же или еще меньшаго числа предковъ" (О происхожденіи видовъ, 382)—можно однако кажется утверждать то скромное положеніе, что изслѣдованіями Дарвина, Гекели, Ляйелля и другихъ вліянію организаціи положены относительно весьма узкіе предѣлы. Скажемъ кстати нѣсколько словъ объ отношеніи теоріи Дарвина къ положительной философіи. Мы, разумѣется, не думаемъ пытаться взвѣсить здѣсь подробно и всѣ стороны этого отношенія. Мы хотимъ только указать на одну характеристическую черту положительной фи-

лософіи. Съ точки зрѣнія этой философіи, законны только тѣ гипотезы, которыя, объясняя значительное число фактовъ, допускаютъ опытно-наблюдательную повѣрку. Гипотеза Дарвина этимъ условіямъ удовлетворяетъ. Но предположимъ, что чья нибудь смѣлая мысль стала бы, такъ сказать, логически растягивать теорію Дарвина. Самъ Дарвинъ, хотя и очень осторожно, говоритъ о возможности предположенія, что всѣ когда-либо существовавшія и гдѣ либо существующія органическія формы произошли отъ одного первичнаго организма. Такимъ образомъ стирается уже давно слабое различіе между животнымъ и растительнымъ царствомъ. Необходимо крайняя простота первичнаго организма легко можетъ натолкнуть смѣлую мысль на уничтоженіе пограничной черты и между органическимъ и неорганическимъ міромъ. А отсюда остается уже одинъ шагъ къ сведенію всѣхъ единообразій послѣдовательности къ одному закону и къ отождествленію біологическихъ процесовъ съ процесами болѣе простыми. Нѣчто въ этомъ родѣ дѣлаетъ Спенсеръ, объясняя вселенную постепеннымъ усложненіемъ и дифференцированіемъ гипотетическихъ туманныхъ массъ. Но какъ бы ни была стройна и соблазнительна подобная картина, положительная философія отнесется къ ней отрицательно, по крайней мѣрѣ при настоящемъ уровнѣ нашихъ знаній,

ибо масштабъ опытно-наблюдательной повѣрки къ ней приложенъ быть не можетъ. Это теорія метафизическая, потому что „se proposer un lieu inaccessible, où l'on cherchera est toute l'histoire de la metaphysique“ (¹).

Такъ какъ возникновеніе простѣйшаго матеріальнаго атома для насъ столь же мало понятно, какъ и появленіе на землѣ первой органической клѣточки, то всякой подобной произвольной теоріи можетъ быть противопоставлено множество другихъ, столь же произвольныхъ. Да останется же это плодотворное дѣло въ рукахъ русскаго благонамѣреннаго человѣка. Для человѣческаго ума есть иное поприще, болѣе полезное и достойное.

Мнѣніе Конта о первенствующемъ значеніи организаціи и, такъ сказать, о ея самоопредѣляемости не выдерживаетъ никакой критики. Теорія Дарвина свидѣтельствуетъ о почти невѣроятныхъ приспособленіяхъ организмовъ къ условіямъ обстановки, которая способна производить въ организаціи самыя глубокія измѣненія. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно прочитать въ

(¹) Cours de phil. pos. I, préface d'un disciple XXVIII.

сочиненіи Дарвина главу объ инстинктѣ и о безполыхъ особяхъ у общественныхъ насѣкомыхъ. Когда теорія Дарвина ляжетъ въ основу психологіи вообще и Милевой этологіи въ частности, тогда мы увидимъ вѣроятно весь тотъ процесъ приспособленія, который выработалъ современный женскій типъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ откроются для насъ окончательно и тѣ пути, коими могутъ быть достигнуты противоположные результаты. Однако пути эти и теперь достаточно ясны для ближайшихъ практическихъ цѣлей. Требованіе учиться со стороны женщинъ еще не такъ дерзко, чтобы на него нельзя было теперь-же согласиться. Требованіе приложить свои способности къ дѣлу, не говоря о прочемъ, можетъ быть удовлетворено уже ради опытной повѣрки предположенія о равенствѣ половъ, хотя предположеніе это, какъ увидитъ читатель въ книгѣ Милля, и безъ того имѣетъ за себя достаточно данныхъ. Что же касается до данныхъ отрицательныхъ, то они, вообще говоря, очень слабы и наиболѣе слабы изъ нихъ тѣ, которыя на первый взглядъ наиболѣе поразительны. Когда въ Римѣ былъ изданъ законъ Воконія, сильно ограничивавшій имущественныя права женщинъ, онѣ протестовали противъ него только тайнымъ образомъ, при помощи подставныхъ наслѣдниковъ и т. д., говорятъ даже отравленія своихъ мужей и вытравленія зародышей.

Не то было при изданіи Оппіева закона, которымъ запрещалось римскимъ матронамъ носить золотыя украшенія. Женщины возстали открыто, буквально осадили сенатъ и, не смотря на энергическія усилія суроваго Катона, Оппіевъ законъ былъ вскорѣ отмѣненъ. Сравненіе этихъ двухъ случаевъ можетъ навести на очень неблагопріятныя для женщинъ размышленія. Дѣйствительно, эти матроны, не смѣющія открыто возстать для огражденія своихъ правъ и въ тоже время производящія уличную революцію изъ-за золотыхъ украшеній, — эти женщины уроды. Но не свидѣтельствуетъ-ли самая эта уродливая цѣпкость въ отстаиваніи мелочей, что она не есть продуктъ неизгладимо-естественныхъ условій? Какъ иначе объяснить это сознаніе женщинъ, что общество имѣетъ право отнять у нихъ все, кромѣ погремушекъ.

Столь-же неосновательна и ссылка Конта на „великій органическій законъ превосходства мужскаго пола на всѣхъ высшихъ ступеняхъ животнаго царства“ и на то, что для пріисканія исключеній изъ этого общаго правила надо опуститься до безпозвоночныхъ. Во первыхъ, это несовсѣмъ справедливо, а во вторыхъ, если бы и было справедливо, то ровно ничего не доказывало бы. Для того, чтобы отыскать общество, имѣющее какое нибудь подобіе съ человѣческимъ, т. е. общество съ ярко

обозначеннымъ раздѣленіемъ труда (а замѣтимъ, что и самый женскій вопросъ сводится въ концѣ концовъ къ вопросу о раздѣленіи труда), надо точно также спуститься до безпозвоночныхъ, именно до перепончатокрылыхъ насѣкомыхъ, до муравьевъ и пчелъ. Это значитъ только, что люди, муравьи и пчелы на пути своего развитія встрѣтили такія условія, которыя способствовали возникновенію у нихъ раздѣленія труда, а другія высшія и низшія животныя въ такія условія не попали. Такимъ образомъ указаніе на то, что у высшихъ животныхъ существуетъ фактъ подчиненности женскаго пола, не существующій у безпозвоночныхъ, фактъ этотъ, даже если бы справедливость его была доказана, ни къ чему человѣческое общество не обязываетъ. И безъ того есть пункты, на которыхъ оно сходится съ безпозвоночными и расходится съ нѣкоторыми высшими позвоночными.

Въ заключеніе намъ остается еще разъ пожелать книгѣ Милля полнаго успѣха. Кромѣ непосредственныхъ полезныхъ результатовъ, которые можетъ принести чтеніе ея, она дастъ вѣроятно и нѣкоторые побочные, но едва ли менѣе важные. Подобныя книги имѣютъ важное, чисто педагогическое значеніе, потому что они учатъ правильно мыслить. Логическіе пріемы и способы постановки вопросовъ, присущіе положительной философіи,

помогутъ намъ уладить ту путаницу понятій, которая царила у насъ недавно и только теперь начинаетъ мало по малу разъясняться.

Положительная философія, ставя существеннымъ условіемъ своихъ построеній возможность опытно наблюдательной провѣрки, не обязываетъ принимать ея положенія на вѣру; не обязываетъ и преклоняться предъ чѣмъ нибудь личнымъ авторитетомъ. Будучи философіей относительнаго, положительная философія пріучаетъ воспитавшуюся на ней мысль тщательно анализировать условія времени, мѣста и обстоятельствъ и не смѣшивать явленій, радикально различныхъ. А это забвеніе условій времени и мѣста и это смѣшеніе несоизмѣримыхъ явленій играли значительную роль въ нашихъ теоретическихъ разсужденіяхъ и практическихъ ошибкахъ, хоть по тому же женскому вопросу. Не говоря уже о нѣкоторыхъ крайностяхъ во взглядахъ на взаимныя отношенія половъ, крайностяхъ къ счастію не частыхъ, намъ приходитъ на память слѣдующій характеристическій случай изъ нашей практики женскаго вопроса. Мужъ имѣетъ типографію. Жена его, проникнувшись идеями эмансипаціи и женскаго труда, желаетъ работать. Для этого она, ни на волосъ не измѣняя своего образа жизни и своихъ привычекъ, занимаетъ въ типографіи своего мужа мѣсто корректора,

вслѣдствіе чего прежній корректоръ лишается мѣста. Безъ всякого сомнѣнія ничего нельзя сказать объ этой операціи особенно дурнаго, но съ точки зрѣнія женскаго вопроса она большой цѣны не имѣетъ. Въ результатѣ ея получится экономія въ нѣсколько сотъ рублей въ годъ и слѣдовательно не соотвѣтственное приращеніе благосостоянія владѣтеля типографіи и соотвѣтственное уменьшеніе благосостоянія прежняго корректора. Дѣло это, повторяемъ, совершенно въ порядкѣ вещей, дѣло очень обыкновенное, но наклеивать на него ерлыкъ женскаго вопроса не представляется никакая надобность. Женскій вопросъ, будучи вопросомъ труда и знанія, какъ таковой, есть не спеціально женскій, а просто человѣческій вопросъ. Если женскій вопросъ неизбѣжно увеличитъ на рынкѣ труда количество конкурентовъ, то эта печальная необходимость можетъ быть въ значительной степени парализирована соотвѣтственною организаціей труда. И есть нѣкоторыя основанія предполагать, что организація женскаго труда можетъ получить болѣе правильный видъ, чѣмъ существующая организація труда мужскаго. Но во всякомъ случаѣ усугублять собою существующія отношенія между трудомъ и капиталомъ — вовсе не дѣло женщинъ, дѣйствительно сочувствующихъ дѣлу женскаго вопроса.

Для женщинъ, имѣющихъ фактическую возможность такого усугубленія, есть широкое поприще, на которомъ конкуренція не страшна. Это поприще есть наука.

Ник. Михайловскій.

ПИСЬМА КОНТА КЪ МИЛЛЮ.

Парижъ, 16 іюля, 1843 г.

„...Недостатокъ времени не позволяетъ мнѣ сегодня вдаваться въ пренія по поводу весьма важнаго вопроса соціальной статики, затронутаго вами въ вашемъ письмѣ; но я оченъ радъ, что вы начали высказывать свои еретическія мнѣнія, и прошу васъ продолжать. Я думаю, что это будетъ полезно намъ обоимъ. Когда, вмѣстѣ съ дальнѣйшимъ изложеніемъ вашего воззрѣнія, ярче опредѣлится наше разногласіе по этому пункту, мнѣ представится можетъ быть возможность сдѣлать общій предварительный обзоръ тому ученію, которое будетъ въ подробности изложено во второмъ томѣ большаго сочиненія, за которое я примусь въ будущемъ году. Меня не пугаютъ эти прекаанія между двумя наиболѣе полными представителями новой философіи; я вполнѣ увѣренъ, что близкое сродство нашихъ умственныхъ путей и исповѣдываніе одного и того же дина-

мическаго ученія въ скоромъ времени сами собой уничтожатъ наше разногласіе по этому пункту общественной статики. Мнѣ кажется, разногласіе это зависитъ отъ того, что масса біологическихъ изслѣдованій, даже настоящаго времени, интересуетъ васъ и принимается вами въ соображеніе въ гораздо меньшей степени, чѣмъ изслѣдованія неорганической природы, различныя отрасли которыхъ, какъ безспорно свидѣтельствуетъ ваше сочиненіе, издавна и коротко вамъ знакомы. Какъ ни далека еще біологія отъ совершенства, но мнѣ кажется, что она и теперь уже можетъ достаточно ясно опредѣлить взаимныя отношенія мужескаго и женскаго половъ. Какъ анатомія такъ и физіологія показываютъ, что почти во всемъ животномъ царствѣ и преимущественно у человѣка организація женскаго пола находится въ состояніи совершеннаго дѣтства, что̀ ставитъ ее существенно ниже соотвѣтственныхъ органическихъ типовъ. Съ чисто соціологической точки зрѣнія современная жизнь, отличающаяся промышленною дѣятельностью и положительнымъ духомъ, необходимо должна вести къ дальнѣйшему развитію этихъ основныхъ различій, какъ развивала ихъ и древняя жизнь съ ея войнами и теологическимъ міросозерцаніемъ. Конечно, это усугубленіе основныхъ различій не можетъ имѣть въ новой исторіи того характера, какой оно имѣло въ

древней, и мы находимся теперь именно въ томъ моментѣ, когда древній характеръ различія, по видимому, исчезъ, тогда какъ новый еще не успѣлъ опредѣлиться. Идея ***королевы***, напримѣръ, не говоря уже о папессѣ, теперь почти смѣшна, — до такой степени она нуждалась въ теологической поддержкѣ; но какихъ нибудь триста лѣтъ тому назадъ дѣло стояло иначе. Что касается до неизбѣжнаго несовершенства отношеній, основанныхъ на неравенствѣ, то я съ вами вполнѣ согласенъ и потому думаю, что полное сочувствіе, къ какому способенъ человѣкъ, можетъ существовать только между двумя мужчинами, настолько сильными нравственно, чтобы эта сила могла удержать ихъ отъ соперничества. Этотъ родъ отношеній стоитъ, кажется мнѣ, неизмѣримо выше всего, что когда либо можетъ возникнуть между лицами разныхъ половъ. Но это очевидно не можетъ сдѣлаться нормальнымъ типомъ тѣхъ наиболѣе простыхъ и общихъ отношеній, въ которыхъ естественная іерархія половъ и затѣмъ возрастовъ образуетъ наиболѣе могучія узы. Смыслъ выраженія ***равенство*** слишкомъ часто извращался въ наше время, чтобы это слово могло достаточно ясно характеризовать принципъ междуличныхъ отношеній во всѣхъ человѣческихъ обществахъ. Я предпочитаю формулу ***братство***, которую здравый смыслъ всѣхъ новѣйшихъ народовъ освя-

тилъ, какъ наиболѣе пригодную для обозначенія этого принципа. Въ испанскомъ языкѣ слово это удивительно хорошо приспособлено къ выраженію іерархическихъ чувствъ...“

Бордо, 5 октября, 1843 г.

„...Чѣмъ болѣе размышляю я о нашемъ важномъ разногласіи по соціологическому и біологическому вопросу о соціальномъ положеніи и назначеніи женщины, тѣмъ оно мнѣ кажется характеристичнѣе для современной печальной умственной анархіи. Оно показываетъ какъ въ настоящее время трудно установить взаимное соглашеніе даже между избранными умами, которые тѣсно ввязаны какъ общностью симпатій, такъ и одинаковымъ основнымъ направленіемъ мысли; а между тѣмъ расходятся, хотя можетъ быть временно, по одному изъ основныхъ соціологическихъ вопросовъ, по вопросу о главномъ, элементарномъ основаніи, собственно говоря, всякой общественной іерархіи. Обстоятельство это могло бы повести, такъ сказать, къ философскому отчаянію и заставить, вслѣдъ за теологами, отказаться отъ надежды построить истинное общеніе умовъ но чисто ра-

ціональныхъ основаніяхъ. Но привычка глубоко вдумываться въ теперешнюю фазу умственнаго развитія, а отчасти и личный опытъ убѣждаютъ меня, что настоящее состояніе вашего ума есть въ этомъ отношеніи не болѣе какъ переходная ступень, послѣдній косвенный отблескъ великаго отрицательнаго періода. Мнѣ кажется, что ступень эту въ свое время перешагнулъ всякій мыслящій человѣкъ, любящій женщинъ не просто какъ хорошенькія игрушки. Что касается меня лично, то я очень хорошо помню то время, когда странное произведеніе миссъ Мери Вультонскрафтъ производило на меня сильное впечатлѣніе. Лѣтъ двадцать тому назадъ, работая надъ изысканіемъ истинныхъ основъ семейнаго строя, я безповоротно оградилъ свою мысль отъ подобныхъ вторженій чувства. Я не сомнѣваюсь, что спеціальная оцѣнка этого предмета въ сочиненіи, къ которому я готовлюсь, разсѣетъ всѣ ваши сомнѣнія, если только ваши собственныя размышленія еще ранѣе не приведутъ васъ къ такому результату. Возвращаясь къ возраженіямъ вашего послѣдняго письма, я надѣюсь, что мы не столь далеки отъ соглашенія, какъ я сначала боялся. Вы согласны, что анатомическія различія значительно удаляютъ женскій организмъ отъ великаго человѣческаго типа; но мнѣ кажется, что вы не достаточно оцѣниваете физіологическое значеніе этихъ различій и въ то же время преувеличиваете, быть можетъ, возможное вліяніе упражненія, которое прежде всего необходимо предполагаетъ соотвѣтственную организацію. Если бы по вашей гипотезѣ, нашъ мозговой аппаратъ никогда не достигалъ состоянія полной зрѣлости, то никакое упражненіе не могло бы сдѣлать его способнымъ къ тѣмъ труднымъ операціямъ, которыя онъ наконецъ исполняетъ; именно этому я приписываю гибель, въ наше время слишкомъ обыкновенную, множества несчастныхъ дѣтей, которыхъ упражняютъ въ несоотвѣтствующихъ ихъ возрасту занятіяхъ. Женщины находятся какъ разъ въ такомъ же положеніи. Къ вашей вѣрной оцѣнкѣ нормальныхъ предѣловъ ихъ способностей мнѣ будетъ трудно что нибудь прибавать; но я нахожу, что вы придаете слишкомъ мало значенія естественнымъ послѣдствіямъ такой ихъ природной слабости. Ихъ характеристическая неспособность къ отвлеченію, творческая слабость, почти совершенное безсиліе ихъ мысли выдержать напоръ страстныхъ порывовъ хотя бы, вообще говоря, ихъ страсти были лучше мужскихъ, — все это должно отдалять ихъ отъ всякаго высшаго непосредственнаго управленія человѣческими дѣлами, не только въ наукѣ или философіи, какъ и вы это признаете, но и въ области эстетической и даже въ практической жизни, какъ промы-

шленной, такъ военной, гдѣ послѣдовательность безспорно составляетъ главное условіе прочнаго успѣха. Я считаю женщинъ въ такой же мѣрѣ неспособными къ управленію какимъ нибудь большимъ торговымъ или промышленнымъ предпріятіемъ, какъ и сколько нибудь важною военною операціей; въ управленіи, даже домашнемъ, онѣ способны къ исполненію только второстепенныхъ обязанностей. Ни управителями, ни исполнителями онѣ не могутъ быть ни въ одномъ важномъ дѣлѣ; онѣ могутъ быть съ пользою употреблены въ совѣщаніяхъ и для внесенія частныхъ измѣненій, причемъ ихъ пассивное положеніе даетъ имъ возможность удобнаго примѣненія ихъ характеристической смѣтливости. Я имѣлъ случай очень близко наблюдать женскій организмъ и видѣть даже нѣкоторыя блестящія исключенія. Я могъ бы при этомъ сослаться и на свою собственную жену, которая, хотя къ счастію ничего не написала, по крайней мѣрѣ до сихъ поръ, но превосходитъ умственною силой большинство наиболѣе заслуженно прославленныхъ представительницъ ея пола. И вездѣ я встрѣчалъ однѣ и тѣ же характеристическія черты: очень слабую способность къ обобщенію, наклонность къ произвольнымъ выводамъ и перевѣсъ чувства надъ разумомъ. По моему мнѣнію, всѣ этого рода случаи слишкомъ обыкновенны и слишкомъ рѣзки, чтобы

можно было приписывать разницу результатовъ преимущественно разницѣ воспитанія; я находилъ тѣже существенныя черты даже въ тѣхъ случаяхъ, когда совокупность обстоятельствъ и вліяній должна бы была повести къ совершенно инымъ послѣдствіямъ. Наконецъ, не составляетъ ли, во многихъ отношеніяхъ, скорѣе благо чѣмъ дѣйствительное зло для женщинъ то обстоятельство, что онѣ не подвергались и не подвергаются гибельному воспитанію, построенному на словахъ и метафизическихъ понятіяхъ, которое въ современный великій переходный періодъ смѣнило собою древнее военное воспитаніе? Если взять въ особенности область искуства, то не очевидно-ли, что въ послѣднія два-три столѣтія многія женщины были въ этомъ отношеніи очень счастливо обставлены и достаточно подготовлены и тѣмъ не менѣе не произвели ничего дѣйствительно выдающагося ни въ музыкѣ, ни въ живописи, ни въ поэзіи. Мнѣ кажется, что болѣе широкій и глубокій взглядъ на существующія общественныя отношенія, столь проклинаемыя, замѣтитъ, что они представляютъ напротивъ широкій просторъ развитію женскихъ качествъ. Кромѣ материнскихъ обязанностей, женщины предназначены быть достойными помощницами всякой духовной силы, поддерживая чувствомъ практическое вліяніе разума и такимъ образомъ способствуя морализаціи естественнаго господства мате-

ріальной силы. Женщины постепенно ставятся въ условія, наиболѣе благопріятствующія такому высокому ихъ назначенію; въ этомъ отношеніи полезно даже ихъ отчужденіе отъ различныхъ практическихъ спеціальностей, ибо оно облегчаетъ имъ ихъ кроткое, умѣряющее вліяніе, причемъ ихъ собственные интересы необходимо связаны съ торжествомъ нравственнаго начала. Если бы было возможно измѣненіе этихъ условій, если бы женщины, вмѣсто того, чтобы быть подругами мужчинъ, сдѣлались равными имъ, — я думаю, что тогда справедливо приписываемыя имъ вами качества получили бы гораздо меньшее развитіе. Ихъ маленькая смѣтливость, напримѣръ, сдѣлалась бы почти безполезною, если бы онѣ перестали быть существами пасивными, но не остались бы равнодушными зрителями событій, а должны бы были направлять и управлять дѣлами, вмѣсто того, чтобы смотрѣть на нихъ только со стороны и давать только совѣты, не неся никакой серьезной отвѣтственности. Наконецъ каждый положительный мыслитель знаетъ, что наше систематическое вмѣшательство въ какія бы то ни было явленія должно ограничиваться разумною модификаціей дѣйствія естественныхъ законовъ, отнюдь не помышляя о радикальномъ ихъ измѣненіи. И мнѣ кажется, что для такого мыслителя опытъ цѣлаго человѣчества представляетъ въ этомъ отношеніи

готовое, безспорное рѣшеніе; мы знаемъ цѣну, которую здравая философія должна придавать театральнымъ декламаціямъ о пресловутомъ злоупотребленіи мужской силы. Если бы свидѣтельство анатоміи было недостаточно для яснаго доказательства органическаго превосходства человѣка надъ всѣмъ остальнымъ животнымъ міромъ, — и свидѣтельство это до послѣдняго времени было дѣйствительно недостаточно, — то физіологическое изслѣдованіе должно развѣять всѣ сомнѣнія: для этого довольно одного факта постепеннаго увеличенія власти человѣка. Въ вопросѣ о женщинахъ мы видимъ почти тоже самое, хотя и въ гораздо меньшей степени; потому что какъ вы иначе объясните постоянную общественную подчиненность женскаго пола? Въ настоящее время въ пользу женщинъ, хотя и не женщинами, устроивается странная агитація, которая впрочемъ должна будетъ окончательно подтвердить міровой опытъ; хотя временно этотъ важный моментъ нашей умственной анархіи можетъ произвести печальныя послѣдствія какъ въ частной, такъ и въ общественной жизни. Значительная часть человѣчества долго занимала въ обществѣ положеніе, гораздо болѣе подчиненное, чѣмъ то, на которомъ находятся нынѣ женщины; но оно сумѣло съ начала среднихъ вѣковъ, по крайней мѣрѣ у избранныхъ народовъ, выбиться постепенно изъ этого положенія, по-

тому что ея рабство существовало только благодаря временнымъ условіямъ древняго общественнаго строя, и между управляющими и управляемыми не было никакой органической разницы. Подчиненное положеніе женщинъ, напротивъ, необходимо будетъ тянуться неопредѣленно долго, хотя и будетъ все болѣе и болѣе морализироваться. Подчиненность ихъ коренится въ естественной ихъ слабости, которую ничто не можетъ изгладить и которая въ человѣческомъ родѣ обозначена даже ярче, чѣмъ у другихъ высшихъ животныхъ. Я убѣжденъ, что ходъ исторіи все болѣе и болѣе приближаетъ женщинъ къ ихъ истинному назначенію и что возрожденіе новаго общества окончательно привлечетъ ихъ къ домашней жизни, отъ которой неурядица переходнаго времени, кажется мнѣ, отдалила ихъ въ нѣкоторыхъ второстепенныхъ отношеніяхъ. Естественное движеніе нашей промышленности очевидно клонится къ тому, чтобы постепенно передать въ руки мужчинъ многія занятія, издавна находящіяся въ женскихъ рукахъ; и это естественное движеніе есть, по моему мнѣнію, только одна изъ сторонъ общаго и постоянно возрастающаго стремленія нашей общественности — устранить женщинъ отъ занятій, несовмѣстныхъ съ ихъ семейнымъ назначеніемъ, важность котораго будетъ все болѣе опредѣляться. Вы понимаете, что это не можетъ помѣшать

имъ имѣть великое и полезное косвенное вліяніе на ходъ общественныхъ дѣлъ, управлять которымъ онѣ никогда не могли даже въ области развитія мнѣній и нравовъ, ихъ спеціально касающихся. Всякій иной взглядъ на ихъ положеніе и слѣдовательно на ихъ обязанности и на обязанности мужчинъ въ такой же мѣрѣ противорѣчитъ ихъ собственному счастію, какъ и общественной гармоніи. Если бы мужчины перешли изъ роли покровителей женщинъ къ роли ихъ соперниковъ, женщины оказались бы, кажется мнѣ, очень несчастными, такъ какъ онѣ неизбѣжно не выдержали бы этой конкуренціи, столь несовмѣстной съ самыми условіями ихъ существованія. Поэтому я думаю, что тѣ, кто ихъ искренно любитъ и горячо желаетъ полнаго возможнаго простора свойственныхъ имъ силъ и способностей, должны желать, чтобы эти анархическія утопіи никогда не примѣнялись на практикѣ...“

Парижъ, 14 ноября 1843 г.

„Я уже принялся за свои ежедневныя занятія и потому тороплюсь отвѣчать на ваше важное письмо отъ 30 октября, прежде чѣмъ начать свое маленькое сочиненіе о политехнической школѣ; дѣло это займетъ у меня недѣли двѣ, а я не хотѣлъ бы далеко откладывать настоящій отвѣтъ, на который я смотрю, какъ на окончательный въ нашемъ біолого-соціологическомъ спорѣ. Общее впечатлѣніе, произведенное на меня вашимъ письмомъ, убѣждаетъ меня, что бесѣда наша объ этомъ предметѣ достигла уже тѣхъ предѣловъ, внутри которыхъ она можетъ быть ведена съ пользою, такъ что дальнѣйшее ея теченіе едва ли желательно; и, судя по вашимъ послѣднимъ фразамъ, мнѣ кажется, что и вы въ сущности думаете тоже самое. Различные доводы ваши не пошатнули ни одного изъ моихъ прежнихъ убѣжденій, но показали мнѣ, что рано или поздно вы

придете къ тѣмъ же основнымъ истинамъ по этому важному вопросу, которыхъ я уже давно держусь. Во всякомъ случаѣ, въ настоящую минуту мы слишкомъ расходимся какъ относительно принциповъ, такъ и относительно фактовъ, которые необходимо должны способствовать уясненію вопроса; поэтому лучше будетъ не то, чтобы окончательно прекратить пренія, но отложить ихъ на неопредѣленное время, пока съ той или другой стороны не явятся условія, благопріятныя для возобновленія бесѣды. Тѣмъ не менѣе, мнѣ хочется въ послѣдній разъ вкратцѣ пересмотрѣть главные пункты вашего письма, чтобы лучше, чѣмъ это мнѣ удавалось сдѣлать до сихъ поръ, опредѣлить существенныя стороны нашего разногласія въ оцѣнкѣ принциповъ и фактовъ.

Прежде всего, я вполнѣ раздѣляю ваше мнѣніе о значительной трудности, представляемой въ настоящее время вопросами общественной статики, сравнительно съ задачей соціальной динамики. Однако, хотя разработка послѣднихъ и достигла дѣйствительно гораздо большей зрѣлости, вмѣстѣ съ чѣмъ, къ счастію, растетъ и необходимость рѣшенія динамическихъ задачъ, но я считаю возможнымъ теперь же опредѣлить и главныя основанія статической соціологіи. Образчикъ такой разработки я надѣюсь дать въ сочиненіи, за которое примусь

въ концѣ зимы. Я думаю даже, что безъ нѣкоторыхъ предварительныхъ изысканій въ этой области не можетъ быть достаточно прочною и динамическая теорія. Что касается собственно меня, то я могу утвердительно сказать, что этотъ предварительный процесъ для меня уже конченъ, хотя до сихъ поръ я и не могъ еще придать своимъ мыслямъ, въ этомъ направленіи, достаточнаго для убѣжденія другихъ мыслителей развитія. При изученіи явленій дѣйствительности, точно опредѣлить вліяніе законовъ собственно общественной статики чрезвычайно трудно, такъ какъ нѣтъ возможности пріостановить дѣйствіе основныхъ законовъ существованія; но такое опредѣленіе не невозможно и добиться его можно, тщательно сравнивая между собою всѣ черты соціальныхъ явленій, которыя общи имъ во всѣхъ существенныхъ случаяхъ. При этомъ-же я думаю, что, не смотря на неудовлетворительное состояніе нашихъ біологическихъ познаній, нѣкоторыя данныя біологіи, очень важныя для соціологіи вообще и для занимающаго насъ вопроса въ частности, выяснены гораздо болѣе, чѣмъ вы это по видимому допускаете.

Вы совершенно справедливо заключаете, что современные мыслители, ратуя противъ философскихъ заблужденій прошедшаго столѣтія, нерѣдко впадаютъ въ противоположныя крайности. Такъ Галль, стараясь воздать должное вліянію органическихъ условій, слишкомъ мало оцѣнилъ вліяніе воспитанія, столь преувеличенное Гельвеціемъ. Но хотя истина безспорно находится между этими двумя крайностями, къ ней, какъ мнѣ кажется, гораздо ближе современные взгляды. Весьма естественно, что вліяніе внѣшнихъ условій, какъ болѣе выдающихся, вызвало и болѣе раннюю оцѣнку; это именно и была работа мыслителей восемнадцатаго вѣка. Но не таково, очевидно, нормальное состояніе философіи біологіи, въ которой вліянію организаціи должно быть отведено первенствующее мѣсто; ибо не среда, а организація дѣлаетъ насъ людьми, а не обезьянами или собаками, и вообще организація въ гораздо большей мѣрѣ, чѣмъ обыкновенно полагаютъ, обусловливаетъ наше положеніе не только въ природѣ, но и въ человѣчествѣ. Съ логической точки зрѣнія, примѣняя къ изслѣдованію методъ, такъ остроумно излагаемый въ вашемъ превосходномъ сочиненіи подъ именемъ „метода остатковъ,“ многое, кажется мнѣ, и въ особенности въ такихъ сложныхъ вопросахъ, можетъ быть выяснено послѣдовательнымъ вычитаніемъ дѣйствія причинъ, причемъ послѣдовательность вычитанія должна опредѣляться относительною важностью подлежащихъ изученію вліяній; и слѣдуя этому пути, въ большей части біологическихъ изслѣдованій придется обернуть пріемъ, который

*

вы считаете наиболѣе пригоднымъ. Мнѣ очень жаль, что многіе важные недостатки труда Галля до такой степени поразили столь методическій умъ, каковъ вашъ, что до сихъ поръ мѣшаютъ вамъ усмотрѣть несомнѣнную вѣрность его основныхъ положеній, которыхъ не должно смѣшивать съ частными заблужденіями и преждевременными выводами. Вы можетъ быть остались бы болѣе довольны его первымъ большимъ сочиненіемъ (*Analogie et physiologie du système nerveux en général et du cerveau en particulier, in* 4°), хотя въ немъ дается, кажется, слишкомъ много мѣста анатоміи, — слишкомъ много для вашей цѣли. Но тѣ же основные взгляды вы можете найдти въ лучшей логической формѣ въ болѣе систематическихъ трудахъ Шпурцгейма, именно въ *Observations sur la phrénologie*, въ *Essai philosophique sur les facultés morales et intellectuelles*, въ сочиненіяхъ о воспитаніи и умопомѣшательствѣ, что составляетъ всего на все четыре томика въ восьмую долю,—недѣля или двѣ чтенія. Собственно о взаимныхъ отношеніяхъ половъ тамъ не говорится прямо, но вопросъ о семейной іерархіи можно считать ученіемъ Галля и Шпурцгейма порѣшеннымъ, по крайней мѣрѣ на столько, на сколько онъ можетъ быть рѣшенъ силами одной біологіи. Попытка поставить этотъ принципъ на преимущественно физіологическихъ данныхъ была сдѣлана еще ранѣе философскихъ біологическихъ трудовъ Викъ д'Азира и Биша. Я говорю о маленькомъ трактатѣ доктора Русселя изъ Монпелье, озаглавленномъ *Sustème physique et morale de la femme* и явившемся въ 1775 году, подъ вліяніемъ толчка, даннаго наукѣ великимъ предшественникомъ Биша—Бордё. Книжка Русселя, не смотря на свою неизвѣстность, достойна вниманія и перечитать ее было бы можетъ быть не безполезно и теперь. Мнѣ кажется впрочемъ, что въ настоящее время сравнительная біологія не даетъ мѣста никакимъ сомнѣніямъ по этому пункту. Если прослѣдить, напримѣръ, лекціи де-Бленвилля, то хотя въ нихъ и не найдется прямаго указанія на то или другое рѣшеніе вопроса, но изъ совокупности наблюденій и изслѣдованій невозможно не усмотрѣть общаго закона превосходства мужескаго пола на всѣхъ высшихъ ступеняхъ животнаго царства. Чтобы найдти какія нибудь, и притомъ весьма рѣдкія, исключенія изъ этого великаго органическаго закона, надо спуститься до безпозвоночныхъ; и параллельно усовершенствованію организаціи мы видимъ увеличеніе разницы между полами. Я не могу не принимать въ соображеніе всѣ эти біологическія данныя, тѣмъ болѣе, что, по моему мнѣнію, даже отдѣльно взятые соціологическіе факты достаточно свидѣтель-

ствуютъ въ пользу моего положенія. Біологическія данныя должны въ этомъ случаѣ главнымъ образомъ направлять соціологическія изслѣдованія, на которыя во всѣхъ подобныхъ элементарныхъ вопросахъ я смотрю какъ на нѣчто въ родѣ философскаго продолженія великихъ біологическихъ задачъ.

Что касается до спеціально соціологической оцѣнки, то я не могу согласиться съ вашимъ мнѣніемъ будто англійская среда болѣе благопріятна для умственнаго и нравственнаго развитія женщинъ, чѣмъ французская. Я думаю напротивъ, и вы знаете, что я совершенно свободенъ отъ внушеній національнаго тщеславія, — я думаю, что во Франціи женщины могутъ развиваться удобнѣе, потому одному, что онѣ у насъ больше живутъ въ обществѣ мужчинъ. Впрочемъ, это разногласіе наше есть слѣдствіе другаго, болѣе общаго: вы полагаете, что общественное устройство настоящаго времени неблагопріятствуетъ женскому развитію, тогда какъ по моему мнѣнію оно весьма пригодно для культуры свойственныхъ женщинамъ способностей. Впрочемъ, я отнюдь не могу быть компетентнымъ судьей вашего мнѣнія объ англійскихъ порядкахъ. Но, я думаю, что, говоря о нихъ, вы недостаточно различаете простую домашнюю ***администрацію*** отъ настоящаго общаго ***управленія*** семейными дѣлами. Я думаю, что не

только въ Англіи, но и во всей западной Европѣ домашнія дѣла находятся въ рукахъ женщинъ; но точно также вездѣ, за малыми исключеніями, общими дѣлами семьи заправляютъ мужчины.

Я въ особенности не могу принять вашего сравненія положенія женщины съ какимъ бы то ни было видомъ рабства. Я указалъ на это сближеніе только для того, чтобы предупредить довольно естественное возраженіе, клонящееся къ косвенному ослабленію моего заключенія о переходѣ отъ факта къ принципу. Но, обращаясь къ прямому сравненію этихъ двухъ явленій, я нахожу, что съ основанія единобрачія, и въ особенности въ новыхъ обществахъ, было бы очень нераціонально называть общественное положеніе нашихъ милыхъ подругъ рабствомъ; поэтому я никакъ не могу допустить историческаго параллелизма въ единовременныхъ измѣненіяхъ столь несходныхъ явленій. Характеристическій признакъ всякаго рабства—купля и продажа — уже пять столѣтій какъ не имѣетъ мѣста въ исторіи западно-европейскихъ женщинъ.

Что касается до прогреса, который будто бы за послѣднее столѣтіе совершается въ эмансипаціи женщинъ, то я въ него не вѣрю, ни какъ въ фактъ, ни какъ въ принципъ. Писательницы наши, какъ мнѣ кажется, ничѣмъ въ сущности не выше г-жъ Севинье,

ла-Файетъ, Моттвиль и другихъ замѣчательныхъ женщинъ семнадцатаго вѣка. Такъ ли въ Англіи—я не знаю. Въ наше время подъ мужскимъ псевдонимомъ прославилась одна писательница, но по моему мнѣнію она далеко ниже этихъ достойныхъ женщинъ не только съ точки зрѣнія приличія, но и по отсутствію женской своеобразности. Я вижу, что число этихъ литераторшъ возрастаетъ, вижу, что возрастаетъ и ихъ плодовитость,—это предвидѣлъ Мольеръ,—но сомнѣваюсь, чтобъ тутъ былъ какой нибудь дѣйствительный прогресъ. Все это движеніе состоитъ главнымъ образомъ въ увеличеніи разнузданности, на которую я смотрю какъ на печальный, но очень естественный результатъ, или лучше сказать, какъ на одну изъ сторонъ всеобщей умственной анархіи, послѣдовавшей за паденіемъ хрупкихъ теологическихъ основъ морали и политики. Не говоря уже о томъ, что эта сторона отрицательнаго періода исторіи находила себѣ особенную поддержку въ сильныхъ страстяхъ, ей приходилось бороться съ едва ли не самымъ слабымъ пунктомъ древняго міросозерцанія; ибо что можетъ быть слабѣе семейной іерархіи, построенной на лишнемъ ребрѣ у Адама? Нѣтъ ничего удивительнаго, что такое шаткое зданіе не устояло передъ напоромъ страстной анархіи. Но паденіе его докажетъ только необходимость лучшей поста-

новки того же самаго общественнаго принципа, который имѣлся въ виду теологическимъ міросозерцаніемъ. Поднятые теперь по этому предмету споры къ несчастію уже неизбѣжны и, хотя они не имѣютъ за себя никакого логическаго оправданія, но будутъ, по крайней мѣрѣ, тѣмъ полезны, что заставятъ глубже вдуматься въ необходимость семейной іерархіи. Теперешняя агитація женщинъ, или вѣрнѣе нѣсколькихъ женщинъ, въ концѣ концовъ опытнымъ путемъ докажетъ непобѣдимую силу основнаго принципа семьи, что̀ глубоко отзовется и на всѣхъ сторонахъ общественной экономіи. Но конецъ этотъ будетъ, такимъ образомъ, купленъ цѣною многихъ общественныхъ и частныхъ несчастій, которыхъ могъ бы избѣгнуть болѣе осмысленный образъ дѣйствій, если бы только такая осмысленность была нынѣ возможна. Если бы когда нибудь осуществилось это пагубное общественное равенство обоихъ половъ, оно немедленно и глубоко потрясло бы условія существованія того самаго пола, которому хотятъ оказать услугу. Теперешнее покровительство женщинамъ, требующее только нѣкоторыхъ частныхъ улучшеній, смѣнилось бы въ такомъ случаѣ конкуренціей, выдержать которую женщины не въ силахъ. Кромѣ того, такое уравненіе имѣло бы результатомъ уничтоженіе главной прелести, влекущей насъ къ женщинамъ; влеченіе это

обусловливается какъ органическимъ различіемъ половъ, такъ и различіемъ соціальнымъ, которое возможно только при пассивномъ положеніи женщины и предоставленіи ей спекулятивной дѣятельности, и это нисколько не мѣшаетъ ей принимать участіе во всѣхъ великихъ общественныхъ симпатіяхъ. Доведя принципъ эмансипаціи до крайнихъ его логическихъ предѣловъ, я смѣло утверждаю, что онъ оказался бы задержкою дальнѣйшаго воспроизведенія нашего рода; и здѣсь мы опять возвращаемся къ біологической точкѣ зрѣнія, болѣе чѣмъ гдѣ нибудь связанной съ точкою зрѣнія соціологическою.

Все это быть можетъ покажется вамъ слишкомъ пространнымъ для спора, который я считаю по крайней мѣрѣ на время покончennымъ; но именно поэтому мнѣ хотѣлось точнѣе опредѣлить главные пункты нашего разногласія. Во всякомъ случаѣ я вамъ очень благодаренъ за начатую вами бесѣду, хотя бы она и не дала непосредственнаго результата. Переписка наша дала мнѣ почувствовать куда въ моемъ будущемъ трактатѣ должны быть направлены статическія доказательства принципа, который, не смотря на свою элементарность съ одной стороны, не смотря на глубину вашего ума и обширность познаній съ другой, встрѣчаетъ въ васъ такъ мало сочувствія. Но позвольте

мнѣ надѣяться, на основаніи моего собственнаго прошедшаго опыта, что теперешніе ваши взгляды составляютъ для васъ послѣдній откликъ современнаго отрицательнаго періода.“

Парижъ, 23 декабря, 1843 года.

„Хотя занимающій насъ въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ философскій споръ не поколебалъ вашего взгляда, который я съ своей стороны не менѣе твердо продолжаю считать ошибочнымъ и опаснымъ, но я надѣюсь, что упорство ваше само собой уступитъ вашимъ собственнымъ дальнѣйшимъ размышленіямъ. Быть можетъ, мой будущій трудъ, въ которомъ я намѣренъ спеціально заняться этимъ важнымъ вопросомъ, для васъ уже опоздаетъ. Само собою разумѣется, что мои доказательства будутъ состоять въ подробнѣйшемъ развитіи мыслей, отрывочно набросанныхъ въ моихъ послѣднихъ письмахъ, точно такъ, какъ въ свою очередь эти отрывочныя мысли въ сущности уже заключаются въ моемъ главномъ сочиненіи. Но вы лучше всякаго другого знаете какая огромная разница, какъ съ научной, такъ и въ особенности съ логической точки зрѣнія, между кое-какими побочными или отрывочными замѣтками и систематическимъ изложеніемъ при соблюденіи всѣхъ требуемыхъ случаемъ пріемовъ. Вы очень хорошо знаете, что такая непосредственная и спеціальная разработка производитъ гораздо сильнѣйшее впечатлѣніе не только на массу образованныхъ читателей, но и на наиболѣе компетентныхъ судей. По правдѣ сказать, мнѣ было бы очень прискорбно, если бы вы заранѣе были расположены встрѣтить въ моихъ будущихъ изслѣдованіяхъ исповѣдываемой вами ереси только методическій комментарій къ взглядамъ, выраженнымъ въ общихъ чертахъ въ моихъ письмахъ. Вы увидите, надѣюсь, нѣчто бо́льшее; я имѣю за себя полновѣсные доводы, которыхъ я не могъ затрагивать, такъ какъ они потребовали бы предварительныхъ объясненій, слишкомъ пространныхъ для нашей переписки. Къ сожалѣнію вы будете въ состояніи убѣдиться въ этомъ только черезъ нѣсколько лѣтъ, потому что я рѣшилъ издать свою работу всю цѣликомъ, а въ ней, какъ вы знаете, будетъ четыре части. По письмамъ моимъ тѣмъ труднѣе судить о всей совокупности моихъ аргументовъ по этому предмету, что, откровенно говоря, я писалъ къ вамъ безъ всякаго приготовленія; я писалъ ихъ прямо на-бѣло, какъ и всѣ предыдущія, подъ вліяніемъ вдохновенія минуты и бралъ различ-

ныя стороны вопроса въ томъ порядкѣ, который опредѣлялся вашими возраженіями. Можетъ быть, въ виду важности случая, мнѣ слѣдовало бы на этотъ разъ преодолѣть свое отвращеніе къ такого рода приготовленіямъ. Но я не смѣю надѣяться, чтобы это помогло мнѣ убѣдить васъ. Для васъ вѣроятно просто еще не пришло время; для такихъ умовъ какъ вашъ ничто не можетъ замѣнить самостоятельнаго открытія истины. Впрочемъ не могу не призадуматься по этому поводу, что если когда нибудь наша переписка напечатается, — а это, увы! легко можетъ случиться въ нашъ вѣкъ, когда все печатается, — то писемъ моихъ придется искать только у васъ, у меня не останется ни малѣйшаго слѣда ихъ, тогда какъ ваши письма я сохраню самымъ тщательнымъ образомъ. Что касается до предмета нашихъ дружескихъ преній, то мнѣ остается все-таки надежда, что вы согласитесь со мною раньше, чѣмъ напечатаете что нибудь по этому вопросу. Печальнымъ предзнаменованіемъ для общественнаго вліянія новой философіи было бы разногласіе ея двухъ главныхъ органовъ по столь существенному и элементарному вопросу. Зрѣлище это дало бы сильное оружіе нашимъ противникамъ, но я надѣюсь, что они этого не дождутся. Мои надежды основываются главнымъ образомъ на счастливомъ стремленіи вашего ума постоянно расширять подлежащее обсужденію явленіе и вводить въ изслѣдованіе сопредѣльные факты. Дѣйствительно, я съ радостью вижу, что пренія наши побудили васъ къ новымъ размышленіямъ не только о той отрасли соціологическихъ изслѣдованій, которую вы называете этологіей, но и о всей соціальной статикѣ, отъ которой, мнѣ кажется, этологія не можетъ быть отдѣлена безъ важныхъ научныхъ и логическихъ неудобствъ. Кромѣ того, вы уже давно знаете, что второй томъ спеціальнаго трактата соціологіи, къ которому я готовлюсь, будетъ посвященъ соціальной статистикѣ, а въ ней, какъ мы оба признаемъ, слѣдуетъ искать основныхъ истинъ новой философской общественной доктрины. Я сильно надѣюсь, что почти единовременное исполненіе нашихъ работъ, одна отъ другой независящихъ, устранитъ между нами какія бы то ни было важныя практическія разногласія и привлечетъ къ намъ всѣхъ истинныхъ мыслителей. Наконецъ я чувствую потребность засвидѣтельствовать вамъ свою благодарность за ваше послѣднее письмо, въ которомъ я нашелъ открытое и лестное для меня выраженіе вашего полнаго согласія съ моей основной теоріей развитія человѣчества. До сихъ поръ вы не имѣли случая высказать по этому поводу свое мнѣніе столь опредѣленно; я счастливъ, что нахожу въ васъ поддержку своему задушевному личному убѣжде-

нію. Чѣмъ болѣе я объ этомъ предметѣ думаю. тѣмъ очевиднѣе становится для меня, что эта теорія дѣйствительно составляетъ краеугольный камень новаго философскаго зданія. При теперешнемъ состояніи человѣческаго ума оставалось въ сущности именно только распространеніе положительнаго метода на совокупность явленій соціальнаго развитія. Послѣдній предшествовавшій мнѣ замѣчательный мыслитель, Кантъ, насколько я о немъ могу судить не читавъ его, а только догадываясь объ общемъ смыслѣ его философіи на основаніи нѣкоторыхъ очень неудовлетворительныхъ указаній, не могъ довести до конца принципы новой философіи, къ которой онъ во многихъ отношеніяхъ былъ столь близокъ, кажется мнѣ, только благодаря этому несчастному пробѣлу. Я впрочемъ думаю, что пробѣлъ этотъ могъ быть пополненъ только подъ сокровеннымъ импульсомъ великаго революціоннаго потрясенія..."

ПОДЧИНЕННОСТЬ ЖЕНЩИНЫ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Цѣль настоящаго сочиненія — изложить сколь возможно яснѣе, на чемъ основано мое мнѣніе, котораго я держусь съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ у меня сложились какія бы то ни были мнѣнія объ общественныхъ и политическихъ вопросахъ, и которое не только со временемъ не ослабло и не измѣнилось, а, напротивъ, все болѣе и болѣе укрѣплялось по мѣрѣ того, какъ мысль моя зрѣла и я пріобрѣталъ житейскую опытность — а именно: *что принципъ, которымъ управляются общественныя отношенія между обоими полами, т. е. легальная*

подчиненность одного пола другому, по самой сущности своей, ложенъ и составляетъ нынѣ одно изъ главныхъ препятствій къ прогрессу человѣчества, и что его слѣдуетъ замѣнить принципомъ полнаго равенства, не допускающимъ власти, ни преимуществъ съ одной стороны, ни воспрещеній съ другой.

Самыя слова, въ которыхъ мнѣ пришлось выразить мысль, развитіе которой я поставилъ себѣ задачею, доказываютъ, какъ трудна эта задача. Но было бы ошибочно вообразить, что трудность задачи заключается въ недостаточности или неясности раціональныхъ основаній, на которыхъ покоится мое убѣжденіе. Трудность эта та самая, которая существуетъ во всѣхъ задачахъ, требующихъ борьбы противъ огромной массы враждебнаго чувства. До тѣхъ поръ, пока мнѣніе глубоко вкоренено въ чувствахъ массы, прочность его скорѣе увеличивается, чѣмъ уменьшается, вслѣдствіе того, что разумные доводы имѣютъ громадный перевѣсъ надъ нимъ и всѣ противъ него. Дѣло въ томъ, что когда мнѣніе есть исключительно результатъ доводовъ, опроверженіе этихъ доводовъ можетъ поколебать самое мнѣніе, но, когда оно основано единственно на чувствѣ, то, чѣмъ оно оказывается менѣе состоятельнымъ въ разумномъ спорѣ, тѣмъ болѣе сторонники его убѣждаются, что чувство ихъ должно имѣть какое нибудь болѣе глубокое основаніе, до котораго разсужденіе не добирается, и до тѣхъ поръ, пока чувство сохраняется, оно постоянно подводитъ новые окопы и возвышаетъ новыя траншеи для пополненія бреши, нанесенной старымъ. Что же касается именно женскаго вопроса, то есть столько причинъ, по которымъ чувства связаны съ нимъ сильнѣе и глубже, чѣмъ съ другими старинными учрежденіями и обычаями, что неудивительно, если онъ меньше другихъ подкопанъ и разшатанъ прогрессомъ великаго современнаго умственнаго и общественнаго движенія; не должно однако воображать, что варварство, котораго люди долѣе всего придерживаются, менѣе варварство, чѣмъ то, отъ котораго они раньше освобождаются.

Трудно приходится во всѣхъ отношеніяхъ людямъ, нападающимъ на всеобщее почти мнѣніе; требуется не только много ума, но и особенное счастіе, чтобы ихъ прежде всего только выслушали. Имъ труднѣе добить-

ся суда, чѣмъ другимъ состязателямъ добиться приговора. Если они таки заставятъ себя слушать — ихъ подвергаютъ логическимъ требованіямъ совершенно другаго рода, чѣмъ тѣ, которыя налагаются на другихъ судящихся. Во всевозможныхъ препирательствахъ полагается, что представлять доказательства исключительно обязаны тѣ, которые отстаиваютъ утвердительную сторону вопроса. Если, напримѣръ, человѣка обвиняютъ въ убійствѣ,—обвиняющій его обязанъ доказать его виновность, а не онъ обязанъ доказывать свою невиновность. Если возникаетъ разница въ мнѣніяхъ на счетъ дѣйствительности, напримѣръ, какого нибудь историческаго событія, въ которомъ людскія страсти вообще не особенно заинтересованы, въ родѣ осады Трои, что ли,—то отъ людей, утверждающихъ, что событіе это дѣйствительно было, требуютъ, чтобы они предъявили свои доказательства прежде чѣмъ ихъ противники обязаны что нибудь возразить имъ, и ни въ какомъ случаѣ послѣдніе болѣе ни къ чему не обязаны, какъ только доказать, что доводы, приводимые противниками ихъ, несостоятельны. Опять таки въ практическихъ вопросахъ доказательствъ и убѣдитель-

ныхъ доводовъ требуется съ тѣхъ, которые ратуютъ противъ свободы, стоятъ за какое нибудь стѣсненіе или воспрещеніе — ограниченіе общей свободы человѣческой дѣятельности, отнятіе или неровное распредѣленіе преимуществъ одного лица или цѣлаго разряда лицъ въ сравненіи съ другими. Положеніе *a priori* ставится въ пользу свободы и безпристрастности. Полагается, что не должно быть стѣсненія тамъ, гдѣ его не требуетъ общее благо; что законъ не долженъ никому лицепріятствовать, а долженъ обращаться со всѣми равно, исключая тѣхъ случаевъ, гдѣ неравенства требуютъ уважительныя причины—справедливость или надобность. Но къ людямъ, ратующимъ за исповѣдуемыя мною мнѣнія, не примѣняютъ ни одного изъ этихъ правилъ. Напрасно я стану говорить, что поборники ученія — будто мужчины имѣютъ право повелѣвать, а женщины обязаны повиноваться, или—будто мужчины отъ самой природы одарены способностью управлять, а женщины ею не одарены, держатся утвердительной стороны вопроса, слѣдовательно обязаны предъявить положительныя доказательства въ пользу того, что они утверждаютъ, а въ противномъ случаѣ покориться от-

верженію ихъ ученія. Точно также безполезно будетъ, если я стану говорить, что люди, отрицающіе за женщинами какія бы то ни было вольности и права, справедливо дарованныя мужчинамъ, подлежатъ двойному обвиненію: въ стѣсненіи свободы и въ лицепріятіи, а потому нужно съ нихъ требовать строжайшихъ доказательствъ въ пользу проводимаго ими ученія, и если успѣхъ ихъ не будетъ до того полонъ и очевиденъ, чтобы отнять всякую возможность сомнѣваться въ ихъ правотѣ, приговоръ долженъ послѣдовать противъ нихъ. Во всякомъ другомъ вопросѣ подобные доводы признались бы основательными, но въ этомъ случаѣ таковыми не признаются. Прежде, чѣмъ я могу надѣяться произвести на слушателей какое нибудь впечатлѣніе, съ меня требуется не только, чтобы я удовлетворительно возразилъ на все, когда либо сказанное поборниками другой стороны вопроса, но еще, чтобы я представилъ неопровержимые и положительные доводы въ пользу моихъ отрицаній. Наконецъ, если бы даже удалось мнѣ все это исполнить и поставить моихъ противниковъ лицемъ къ лицу съ цѣлой ратью такихъ доводовъ, противъ которыхъ они не въ состояніи прі-

искать отвѣта, не оставивъ притомъ ни одного изъ ихъ доводовъ безъ опроверженія—и этого еще будетъ мало, потому что полагается, что дѣло, поддерживаемое съ одной стороны всемірнымъ обычаемъ, а съ другой такимъ огромнымъ перевѣсомъ народнаго чувства, имѣетъ на своей сторонѣ вѣроятія несравненно бо̀льшія всякаго убѣжденія, какое воззваніе къ одному разсудку въ силахъ поселить въ какихъ либо умахъ, исключая умовъ высшаго разряда.

Я не для того упоминаю объ этихъ трудностяхъ, чтобы на нихъ жаловаться—во первыхъ, это было бы безполезно: онѣ неразлучны со стараніемъ добраться до разсудка людей, въ разрѣзъ съ ихъ чувствами и практическими стремленіями, и по справедливости, пока разсудокъ большинства человѣчества не будетъ гораздо болѣе развитъ, чѣмъ когда либо былъ до сихъ поръ, едва ли можно требовать съ него достаточной вѣры въ собственную способность оцѣнять доводы, чтобы поступиться практическими принципами, въ которыхъ онъ рожденъ и выросъ и въ которыхъ заключается большая часть міроваго строя, при первомъ же нападеніи, потому только, что онъ не въ силахъ логиче-

ски ему сопротивляться. Я поэтому никого не браню за малую вѣру въ логическіе доводы, браню я только за излишнюю вѣру въ обычай и въ чувства массы. Одно изъ характеристическихъ предубѣжденій, свойственныхъ реакціи XIX столѣтія противъ XVIII заключается въ признаніи за неразумнымъ началомъ человѣческой природы той самой непогрѣшимости, которую XVIII столѣтіе приписывало разумнымъ ея началамъ. Апоѳеозъ Разума мы замѣнили Апоѳеозомъ Инстинкта и инстинктомъ называемъ въ себѣ все, чему не въ состояніи отыскать раціональное основаніе. Это идолопоклонство несравненно болѣе унизительно перваго; это самое зловредное изъ всѣхъ ложныхъ ученій настоящаго времени, такъ какъ въ немъ главная поддержка всѣхъ этихъ ученій, но оно продержится до тѣхъ поръ, пока не уступитъ мѣсто здравой психологіи, обнажающей настоящій корень многаго, чему теперь поклоняются какъ промыслу природы и повелѣнію Бога. Что касается собственно женскаго вопроса, я мирюсь со всѣми неблагопріятными условіями, которыми я обставленъ, благодаря предразсудкамъ. Пускай утвердившійся обычай и общее чувство сочтутся неопровержимы-

ми доводами противъ меня — если только мнѣ не удастся доказать, что этотъ обычай и это чувство, передаваясь изъ вѣка въ вѣкъ, были обязаны своимъ существованіемъ не одной своей здравости и основательности, но и другимъ, постороннимъ, причинамъ и почерпнули силу свою скорѣе изъ худшихъ, нежели изъ лучшихъ сторонъ человѣческой природы. Пускай приговоръ послѣдуетъ противъ меня — если только мнѣ не удастся доказать, что судья подкупленъ лживыми доводами. Уступка съ моей стороны можетъ быть не такъ велика, какъ кажется: доказать это — легчайшая часть моей задачи.

Общепринятость какого либо обычая во многихъ случаяхъ сильно говоритъ въ пользу того, что оно ведетъ или, по крайней мѣрѣ, когда нибудь вело къ похвальнымъ цѣлямъ. Такъ бываетъ, когда данный обычай первоначально былъ принятъ, а впослѣдствіи сохранился, какъ средство къ таковымъ цѣлямъ и основывался на испытаніи способовъ, наиболѣе помогающихъ достиженію ихъ. Если бы власть мужчины надъ женщиной при первомъ ея водвореніи была результатомъ добросовѣстнаго сличенія различныхъ способовъ уладить строй общества, — если бы по испытаніи разныхъ другихъ способовъ обществен-

ной организаціи — власти женщины надъ мужчинами, равенства между ними, или наконецъ, разныхъ комбинацій, которыхъ много можно было бы выдумать — было рѣшено на основаніи опыта, что тотъ способъ, при которомъ женщина находится вполнѣ подъ властью мужчины, не пользуясь ни малѣйшимъ участіемъ въ публичныхъ дѣлахъ и будучи въ частной жизни обязана закономъ повиноваться мужчинѣ, съ которымъ она соединила свою судьбу, болѣе всѣхъ способствуетъ къ счастію и благоденствію того и другой, — тогда еще можно было бы съ нѣкоторымъ основаніемъ признать общее принятіе этого способа за доказательство, что во время принятія его, онъ былъ лучшимъ изъ всѣхъ, хотя и тогда даже соображенія, говорящія въ пользу его, могли, подобно столькимъ другимъ первобытнымъ общественнымъ фактамъ первой важности, впослѣдствіи, въ теченіи вѣковъ, перестать существовать. Но женскій вопросъ во всѣхъ отношеніяхъ поставленъ какъ разъ на оборотъ. Во первыхъ, мнѣніе въ пользу существующей системы, вполнѣ подчиняющей слабѣйшій полъ сильнѣйшему, основано на одной теоріи, потому что никогда не было испытано никакой другой системы, такъ что опытность,

въ томъ смыслѣ, въ какомъ она обыкновенно противопоставляется теоріи, ужъ никакимъ образомъ не участвовала въ приговорѣ. Во вторыхъ, принятіе этой системы неравенства никогда не было результатомъ обсужденія, предусмотрительности, или какихъ либо соціальныхъ идей, или понятій насчетъ того, что̀ всего лучше можетъ повести къ пользѣ человѣчества или благоустройству общества. Система эта возникла просто на просто изъ того факта, что съ самой ранней, доисторической поры человѣческаго общества, каждая женщина (вслѣдствіе цѣны, придаваемой ей мужчиной, въ соединеніи съ ея меньшей физической силой) оказывалась въ рабскомъ состояніи относительно какого нибудь мужчины. Законы и политическія системы всегда начинаютъ съ того, что признаютъ тѣ отношенія, которыя застаютъ уже существующими между личностями. Они превращаютъ то, что было простымъ фактомъ, въ легальное право, освящаютъ этотъ фактъ отъ имени общества и главнымъ образомъ стремятся замѣнить неправильное и безправное столкновеніе физическихъ силъ общественными, организованными средствами къ отстаиванію и охраненію тѣхъ же самыхъ правъ. Такимъ обра-

зомъ личность, находившаяся въ подчиненіи только фактически, обязывалась къ нему легально. Невольничество, бывшее просто вопросомъ силы между господиномъ и невольникомъ, сдѣлалось вопросомъ правильнаго взаимнаго договора между господами, которые, вступивъ въ союзъ для общей обороны, гарантировали своими коллективными силами личное имущество каждаго, включая въ это имущество и невольниковъ. Въ весьма раннюю пору значительное большинство мужчинъ были рабами и всѣ женщины рабынями. Прошло много вѣковъ, въ томъ числѣ нѣсколько вѣковъ, ознаменованныхъ высшей цивилизаціей, прежде чѣмъ нашелся мыслитель, достаточно смѣлый для того, чтобы подвергнуть вопросу законность и абсолютную необходимость того или другаго вида рабства. Мало по малу, однако, такіе мыслители стали возникать и, съ помощію прогресса общества, рабство мужскаго пола было наконецъ отмѣнено во всѣхъ земляхъ, по крайней мѣрѣ христіанской Европы (хотя въ одной изъ нихъ не далѣе какъ въ послѣдніе годы), а рабство женскаго пола постепенно перешло въ болѣе мягкую форму зависимости. Но эта зависимость, въ томъ видѣ, въ какомъ она су-

ществуетъ теперь, не есть своеобразное учрежденіе, вызванное новыми соображеніями о правосудіи и общественной надобности: это—просто продолженіе первобытнаго состоянія рабства, перешедшаго цѣлый рядъ смягченій и измѣненій, вызванныхъ тѣми же причинами, которыя вообще смягчили нравы и подвели всѣ людскія отношенія болѣе или менѣе подъ мѣрку правосудія и вліяніе человѣчности. Самое учрежденіе однако не избавилось отъ пятна, наложеннаго на него его грубымъ происхожденіемъ. Слѣдовательно фактъ существованія его не говоритъ ровно ничего. Если послѣ этого еще можно предположить, что имѣется что нибудь въ пользу его, то это „что нибудь“ должно быть основано единственно на томъ, что учрежденіе это продержалось до сихъ поръ, тогда какъ столько другихъ, переданныхъ намъ изъ того же нечистаго источника, давнымъ давно устранены. Слѣдовательно, вотъ почему такъ странно поверхностному слушателю, когда ему говорятъ, что неравенство между правами мужчины и женщины не имѣетъ другаго источника кромѣ права сильнѣйшаго.

Что это положеніе кажется парадоксальнымъ—отчасти

служитъ къ чести прогресса цивилизаціи и доказываетъ, какъ далеко ушли противъ прежняго нравственныя понятія человѣчества. Мы теперь живемъ, или, вѣрнѣе сказать, двѣ-три изъ наиболѣе развитыхъ націй міра живутъ теперь въ такомъ состояніи, при которомъ право сильнѣйшаго, по видимому, уже не входитъ въ число началъ, управляющихъ общественнымъ строемъ. Никто не исповѣдуетъ его и, на сколько касается взаимныхъ отношеній между людьми, никому нельзя пользоваться имъ, а если кому нибудь и удастся, то это бываетъ только подъ прикрытіемъ какого либо предлога, дающаго ему по крайней мѣрѣ видъ, будто на его сторонѣ общій интересъ общества. Вслѣдствіе этого кажущагося положенія дѣлъ люди вообще льстятъ себя увѣренностью, что владычество грубой силы кончено, что законъ сильнѣйшаго не можетъ служить основаніемъ чего либо существующаго въ полномъ цвѣтѣ до настоящаго времени. Съ чего бы ни начались существующія нынѣ учрежденія, полагаютъ эти оптимисты, онѣ могли сохраниться до настоящей поры передовой цивилизаціи только вслѣдствіе вполнѣ разумнаго сознанія, что онѣ подходятъ къ человѣческой природѣ и ведутъ къ об-

щему благу. Они не понимаютъ какъ велика жизненная сила и прочность учрежденій, ставящихъ право на сторону силы; какъ упорно люди придерживаются такихъ учрежденій; до какой степени въ сохраненіи ихъ заинтересованы какъ хорошія, такъ равно и дурныя наклонности власть имущихъ; какъ туго уступаютъ эти порочныя учрежденія прогрессу—по одиночкѣ, начиная съ слабѣйшихъ, съ тѣхъ, которыя наименѣе тѣсно связаны съ привычками обыденной жизни, наконецъ, какъ рѣдко учрежденія, получившія законную власть только потому, что уже пользовались фактической властью, теряли свою власть, пока физическая сила не переходила на другую сторону. Такого перехода во всякомъ случаѣ не совершалось въ вопросѣ о женщинахъ, и этотъ фактъ, въ соединеніи со всѣми характеристичными чертами и особенностями именно этого вопроса, удостовѣряетъ съ перваго же взгляда, что эта отрасль системы права, основаннаго на силѣ, хотя она ранѣе многихъ другихъ смягчилась въ своихъ безчеловѣчныхъ проявленіяхъ, позже всѣхъ остальныхъ уничтожится. Этотъ примѣръ общественныхъ отношеній, основанныхъ на силѣ, неминуемо долженъ былъ невредимо пройдти чрезъ всѣ

поколѣнія учрежденій, основанныхъ на равныхъ, справедливыхъ началахъ, представляясь почти единственнымъ исключеніемъ изъ общаго характера прочихъ законовъ и обычаевъ, и до тѣхъ поръ, пока не обнаружится его происхожденіе и не выведется наружу, посредствомъ открытаго обсужденія, его истинный характеръ, этотъ порядокъ вообще нисколько не хуже уживается съ новѣйшей цивилизаціей, чѣмъ невольничество у грековъ уживалось съ ихъ понятіемъ о самихъ себѣ, какъ о свободномъ народѣ.

Дѣло въ томъ, что люди нынѣшняго поколѣнія и послѣднихъ двухъ-трехъ поколѣній совершенно утратили практическое пониманіе первобытнаго состоянія человѣчества и только тѣ немногіе изъ нихъ, которые тщательно и основательно изучили исторію или много бывали въ частяхъ свѣта, обитаемыхъ живыми представителями давно прошедшихъ для насъ вѣковъ, могутъ составить въ умѣ своемъ картину, сколько нибудь похожую на то, какимъ общество дѣйствительно было. Люди совсѣмъ не постигаютъ, до какой степени, въ прежнія времена, жизнь вполнѣ, исключительно управлялась закономъ превосходства силы, до какой степени

публично и открыто законъ этотъ признавался — не скажу цинически или безстыдно, потому что эти слова предполагаютъ сознаніе, что есть чего стыдиться, а подобное сознаніе не могло имѣть мѣста въ умственныхъ способностяхъ человѣка тѣхъ вѣковъ, развѣ только философа или святаго. Исторія научаетъ невеселому взгляду на человѣческую природу, доказывая, какъ часто уваженіе къ жизни, къ собственности и вообще благоденствію какого либо разряда лицъ соразмѣрялось съ тѣмъ, на сколько лица эти были въ силахъ вынуждать это уваженіе; какъ не только законъ силы, но и всѣ другіе законы и всѣ понятія объ общественныхъ обязанностяхъ были противъ всѣхъ, сопротивлявшихся властямъ, имѣвшихъ въ рукахъ оружіе, какъ бы ужасно ни было угнетеніе, вызвавшее сопротивленіе, и какъ эти лица въ глазахъ властей, которымъ они сопротивлялись, были не только виновны въ преступленіи, но въ найгнуснѣйшемъ изъ всѣхъ преступленій, заслуживающемъ жесточайшаго наказанія, какому можетъ человѣкъ подвергнуть другаго человѣка. Первый легкій признакъ появленія понятія объ обязанности начальника признать кое-какія права за своими подчиненными, на-

чался, когда ему пришлось изъ за какихъ нибудь своихъ видовъ обѣщать имъ что нибудь. Хотя обѣщанія эти, даже скрѣпляемыя торжественными клятвами, въ теченіи многихъ вѣковъ брались назадъ или нарушались при первомъ искушеніи, однако это дѣлалось вѣроятно не безъ нѣкотораго угрызенія совѣсти, по крайней мѣрѣ людьми, стоящими не ниже средняго нравственнаго уровня. Древнія республики, по большей части основанныя съ самаго начала своего существованія на чемъ-то въ родѣ взаимнаго договора и во всякомъ случаѣ состоявшія изъ лицъ, почти одинаково сильныхъ, представляютъ первый примѣръ человѣческихъ отношеній, огороженныхъ и поставленныхъ подъ владычество другаго закона, чѣмъ законъ сильнѣйшаго. И хотя этотъ первобытный законъ оставался въ полной силѣ въ ихъ отношеніяхъ къ рабамъ ихъ, и даже въ отношеніяхъ между республикой и ея подданными или другой независимой республикой, исключая случаевъ, выговоренныхъ особыми договорами, однако, отстраненіе этого первобытнаго закона, даже съ такой тѣсной области, все-таки было началомъ возрожденія человѣческой природы, потому что породило понятія, непзмѣ-

римая польза которыхъ, даже для матеріальныхъ интересовъ, вскорѣ была доказана опытомъ; наконецъ большой шагъ былъ сдѣланъ тѣмъ, что понятія эти приходилось уже только расширять и развивать, а не создавать. Хотя невольники не принимались въ составъ государства, однако въ свободныхъ государствахъ въ первый разъ начали сознавать, что и они имѣютъ нѣкоторыя права, какъ человѣческія существа. Стоики, если не ошибаюсь, были первыми (хотя еврейскій законъ отчасти составляетъ исключеніе), которые стали проводить въ своемъ ученіи, что люди имѣютъ нравственныя обязательства относительно своихъ невольниковъ. Послѣ того, какъ утвердилось господство христіанъ, никто въ теоріи не могъ отпереться отъ этой аксіомы, а съ тѣхъ поръ, какъ возникла католическая церковь, никогда не было недостатка въ поборникахъ этой теоріи. И при всемъ томъ христіанству не встрѣчалось болѣе трудной задачи, какъ приведеніе въ дѣйствіе именно этой теоріи. Въ теченіе тысячи слишкомъ лѣтъ церковь поддерживала борьбу почти безъ малѣйшаго замѣтнаго успѣха и это было вовсе не вслѣдствіе того, чтобы церковь не имѣла достаточной власти надъ ума-

ми. Она, напротивъ, имѣла власть колосальную. Она могла заставить королей и вельможъ отказаться отъ своихъ самыхъ цѣнныхъ имуществъ, чтобы обогатить ими церковь. Она могла заставить тысячи людей въ цвѣтѣ лѣтъ и въ полномъ блескѣ пользованія всѣми мірскими благами, запереться въ монастыри, чтобы достигнуть спасенія души путемъ бѣдности, поста и молитвы. Она могла отправлять сотни тысячъ за моря и горы, за Европу, въ Азію, и заставлять ихъ класть жизнь за избавленіе Гроба Господня; она могла заставлять королей отказываться отъ женъ страстно любимыхъ, потому только, что церковь объявляла, что между ними оказывается родство въ седьмомъ колѣнѣ. Все это церковь могла дѣлать и дѣлала; но она не могла мѣшать людямъ драться другъ съ другомъ, жестоко тѣснить своихъ крѣпостныхъ и даже, когда представлялась къ этому возможность, городскую буржуазію; однимъ словомъ, она не могла заставить ихъ отказаться отъ пользованія своей силой, и ничто другое не могло ихъ къ этому принудить, пока наконецъ не сдѣлала этого высшая историческая сила. Только возрастающая власть королей положила конецъ междоусобицамъ и прекратила всѣ

вооруженныя состязанія, кромѣ состязаній между королями или кандидатами на престолъ. Только развитіе богатой и воинственной буржуазіи въ укрѣпленныхъ городахъ и учрежденіе плебейской пѣхоты, оказавшейся сильнѣе на войнѣ, чѣмъ не дисциплинированныя рыцарскія дружины, положили нѣкоторые предѣлы надменному тиранствованію вельможъ надъ буржуазіей и крестьянами. Они упорствовали въ насиліи не только до тѣхъ поръ, пока угнетенные сами обзавелись силой, давшей имъ возможность весьма часто отмѣнно отплачивать за обиды, но еще долго послѣ того, а на европейскомъ материкѣ эта система въ значительной мѣрѣ продержалась до самой французской революціи, хотя въ Англіи послѣдовавшая раньше и въ лучшемъ видѣ организація демократическихъ сословій положила ей конецъ раньше, учредивъ равенство въ законахъ и свободные національные порядки.

Если люди по большей части пребываютъ въ такомъ невѣденіи о томъ, до какой степени, съ самаго существованія нашего рода, право сильнѣйшаго было единственнымъ общепризнаннымъ, а всякій другой законъ былъ исключеніемъ и послѣдствіемъ особыхъ отношеній,

и какъ недавно еще общественные порядки стали управляться, даже номинально, какимъ нибудь чисто нравственнымъ закономъ, то конечно не понимаютъ и не соображаютъ того, какимъ образомъ учрежденія и обычаи, никогда неимѣвшіе другаго основанія, кромѣ права сильнѣйшаго, могутъ держаться въ такихъ вѣкахъ и при такомъ состояніи общественнаго мнѣнія, которыя никогда не допустили бы имъ за-ново учредиться. Менѣе сорока лѣтъ тому назадъ законъ давалъ англичанамъ право держать людей въ рабствѣ какъ собственность, могущую быть покупаемой и продаваемой; еще въ настоящемъ столѣтіи они могли похищать ихъ изъ родины, увозить и буквально заваливать работой до смерти. Это крайнее проявленіе права сильнѣйшаго, порицаемое людьми, терпящими почти всякое другое проявленіе личнаго произвола, и представляющее черты наиболѣе возмутительныя для чувства каждаго человѣка, безпристрастно относящагося къ вопросу, имѣли силу закона въ цивилизованной христіанской Англіи на памяти нынѣ живущихъ людей. А въ цѣлой половинѣ англосаксонской Америки, три—четыре года тому назадъ невольничество не только существовало, но тор-

говля невольниками и разведеніе невольниковъ для торговыхъ цѣлей производились правильно и открыто во всѣхъ невольничьихъ штатахъ. Между тѣмъ, общественное чувство не только было, по большей части, противъ этой торговли, но, по крайней мѣрѣ, въ Англіи сумма сочувствія въ пользу его оказалась гораздо меньше, чѣмъ въ пользу любаго изъ другихъ, вошедшихъ въ обычай, злоупотребленій силы; это объясняется тѣмъ, что тутъ побужденіемъ была чистая и прямая корысть и въ барышахъ оставалась сравнительно незначительная часть жителей страны, тогда какъ всѣ, не заинтересованные въ вопросѣ лично, относились къ нему съ полнѣйшимъ отвращеніемъ. Такой крайній примѣръ почти дѣлаетъ излишнимъ приведеніе всякаго другаго примѣра. Возьмемъ, однако, абсолютную монархическую власть. Въ Англіи въ настоящее время господствуетъ всеобщее убѣжденіе, что военный деспотизмъ есть проявленіе права сильнѣйшаго, не имѣющее никакого строгонаучнаго оправданія. Между тѣмъ во всѣхъ другихъ великихъ европейскихъ націяхъ, кромѣ Англіи, эта форма правленія еще существуетъ или только что перестала существовать, и во всякомъ случаѣ имѣетъ въ поль-

зу свою сильныя партіи во всѣхъ сословіяхъ народа, особенно между людьми, пользующимися извѣстнымъ положеніемъ въ свѣтѣ и вліяніемъ. Такова сила установившейся системы, даже и не всемірной, и даже когда не только въ каждой исторической эпохѣ были великіе и извѣстные примѣры противоположной системы, но примѣры эти почти неизмѣнно представлялись въ высшей степени развитыми и благоденствующими обществами. Наконецъ, въ этомъ случаѣ заинтересованы съ одной стороны только одно лице, а съ другой всѣ остальныя лица. Какая разница между этими примѣрами и властью мужчины надъ женщиною? Я не предрѣшаю вопроса объ оправданіи этой власти; я только показываю, что она не могла не быть гораздо болѣе прочной, если даже и нѣтъ ей оправданія, чѣмъ многія другія господства, продолжавшіяся однако до нашихъ временъ. Несомнѣнно лестно для гордости обладать властью и выгодно лично пользоваться ею, и это удовольствіе, эта выгода въ этомъ случаѣ не ограничиваются однимъ какимъ нибудь классомъ людей, а простираются на всю мужскую половину человѣчества. Это не то, что политическія цѣли, о которыхъ обык-

новенно спорятъ партіи, и которыя важны главнымъ образомъ отвлеченно и представляютъ мало личнаго интереса всѣмъ, кромѣ вождямъ партій — этотъ вопросъ касается личности и домашняго очага каждаго мужчины, главы семейства или имѣющаго въ виду сдѣлаться главой семейства. Послѣдній мужикъ пользовался и будетъ пользоваться своей долею власти наравнѣ съ первымъ вельможей. Наконецъ, вопросъ касается именно тѣхъ отношеній, въ которыхъ болѣе всего хочется власти: вѣдь каждому, кому власти хочется, хочется имѣть ее надъ людьми наиболѣе близкими къ нему, съ которыми проходитъ жизнь его, съ которыми у него наиболѣе общихъ дѣлъ и въ которыхъ независимость отъ его авторитета всего чаще можетъ мѣшать его личнымъ вкусамъ. Если въ приведенныхъ выше случаяхъ власть, очевидно основанная единственно на силѣ, имѣющая далеко не такія опоры, все-таки такъ медленно и съ такимъ трудомъ искореняется, — тѣмъ медленнѣе и тѣмъ съ бо̀льшимъ трудомъ должна искореняться эта власть, хотя и не имѣющая лучшихъ основаній. Нужно кромѣ того принять въ соображеніе, что обладатели этой власти болѣе всѣхъ власть иму-

щихъ имѣютъ возможность препятствовать возмущенію противъ нея. Тутъ подчиненное лице живетъ подъ собственными глазами, почти, такъ сказать, въ собственныхъ рукахъ одного изъ властелиновъ, въ болѣе близкихъ, короткихъ отношеніяхъ съ нимъ, чѣмъ съ другими подчиненными же, лишено всякой возможности соединиться съ другими противъ него или лично побороть его и, съ другой стороны, имѣетъ сильнѣйшіе поводы заискивать милости его и не подавать ему повода къ неудовольствію. Въ борьбахъ о политической эмансипаціи, каждый знаетъ какъ часто поборники свободы позволяютъ себя подкупить или застращать; въ женскомъ же вопросѣ каждый членъ подчиненнаго сословія безпрестанно подвергается вліянію смѣси подкупа и застращанія. Водружая знамя возстанія, большинство вождей и особенно послѣдователей должны бы вполнѣ пожертвовать всѣми удобствами и льготами собственной личной доли. Ни одна система господствованія съ одной стороны и принудительной покорности съ другой не наложила такъ плотно ярма своего на шею тѣхъ, которыхъ она держитъ въ повиновеніи. Я еще не доказалъ, что это дурная система, но каждый, способный

подумать объ этомъ предметѣ, долженъ самъ видѣть, что если она и дурна, все таки она неминуемо должна была пережить всѣ остальныя виды несправедливой власти. И въ то время, какъ нѣкоторые изъ другихъ грубѣйшихъ видовъ такой власти еще существуютъ во многихъ цивилизованныхъ государствахъ, и только весьма недавно устранены въ другихъ, странно было бы, если бы этотъ видъ ея, имѣющій наиболѣе глубокіе корни изъ всѣхъ, былъ замѣтно поколебленъ гдѣ бы то ни было. Скорѣе можно подивиться тому, что было сдѣлано уже столько, и такихъ полновѣсныхъ протестовъ и обличеній противъ нея.

Нѣкоторые мнѣ возразятъ, что несовсѣмъ ловко проводить сравненіе между властью мужскаго пола надъ женскимъ и другими видами несправедливой власти, приводимыми мною въ примѣръ, потому что эти виды суть произвольныя послѣдствія узурпаціи, тогда какъ мужская власть, напротивъ, есть власть естественная. Но развѣ бывала когда-нибудь власть, казавшаяся неестественною тѣмъ, которые владѣли ею? Вѣдь было же время, когда раздѣленіе человѣческаго рода на два разряда—на малочисленный разрядъ господъ и многочи-

сленный разрядъ рабовъ—казался, даже наиболѣе развитымъ умамъ, не только естественнымъ, но единственнымъ естественнымъ состояніемъ человѣческаго рода! Самъ Аристотель, столько способствовавшій развитію человѣческой мысли — и тотъ исповѣдывалъ это ученіе безъ малѣйшаго сомнѣнія или колебанія и основывалъ его на тѣхъ самыхъ началахъ, на которыхъ обыкновенно основывается точно такое же разсужденіе относительно господства мужчины надъ женщиною, а именно на томъ, что у людей бываютъ двоякого рода натура: натура свободная и натура рабская, что греки имѣли натуру свободную, а всѣ варварскія племена: фригійцы, азійцы и проч.—рабскую. Но къ чему мнѣ искать такъ далеко? Развѣ рабовладѣльцы южныхъ штатовъ не отстаивали тѣже самыя учрежденія со всѣмъ фанатизмомъ, съ какимъ люди защищаютъ теоріи, которыя оправдываютъ ихъ страсти и узакониваютъ ихъ личные интересы? Развѣ они не призывали небо и землю въ свидѣтели, что владычество бѣлаго надъ чернымъ естественно, что черная раса отъ природы неспособна къ свободѣ и создана для рабства? И развѣ нѣкоторые не доходили до того, что увѣряли, что если будутъ свободны дюди, работающіе своими руками, это будетъ неестественный порядокъ вещей? Наконецъ, поборники теоріи абсолютной монархіи постоянно утверждали, что это единственная и естественная форма правленія, проистекающая изъ патріархальнаго правленія, т. е. первобытнаго, непосредственнаго общественнаго порядка; снимокъ съ отеческой власти, которая предшествовала существованію самаго общества, какъ увѣряютъ они, изъ всѣхъ властей есть самая естественная. Наконецъ и этого мало: самое право сильнѣйшаго всегда казалось всѣмъ, которые не могли сослаться ни на какое другое право, самымъ естественнымъ изъ всѣхъ основаній для пользованія властью. Завоевательныя расы увѣрены, что сама природа постановила, чтобы завоеванные повиновались завоевателямъ или, какъ они красиво парафразируютъ свою теорію, чтобы наиболѣе слабыя и невоинственныя расы покорялись наиболѣе храбрымъ и мужественнымъ. Малѣйшее ознакомленіе съ общественнымъ бытомъ въ средніе вѣка показываетъ какою естественною феодальная власть надъ людьми низшаго сословія казалась самой властвующей знати и какою неестественною представлялась имъ самая мысль о

томъ, чтобы личности, принадлежавшія къ низшему сословію, могли заявлять притязанія на равенство съ ними или даже пользоваться властью надъ ними. Такое понятіе казалось почти не менѣе неестественнымъ и самому подчиненному сословію. Освобожденные крѣпостные и мѣщане (bourgeois) даже въ самыхъ неистовыхъ борьбахъ не заявляли притязанія на долю власти, а только требовали большаго или меньшаго ограниченія права феодаловъ тиранствовать надъ ними. Факты эти доказываютъ, что слово: ***неестественно*** обыкновенно переводится на другое: ***„такъ не водится“*** и что все то, что ***„такъ водится“*** непремѣнно кажется естественнымъ. Такъ какъ подчиненность женщинъ мужчинамъ есть съ незапамятныхъ временъ всемірный обычай, то всякое уклоненіе отъ него совершенно естественно кажется неестественнымъ. Но до какой степени, даже въ настоящемъ случаѣ, чувство массы зависитъ отъ привычки, вполнѣ доказывается опытомъ. Ничто такъ не удивляетъ жителей отдаленныхъ частей свѣта, когда они впервые узнаютъ о существованіи Англіи, какъ то, что Англія управляется королевой. Это кажется имъ до того неестественнымъ, что

даже не вѣрится имъ; англичанамъ это вовсе не кажется неестественнымъ потому, что они къ этому привыкли, но имъ кажется въ высшей степени неестественнымъ, чтобы женщина была солдатомъ или членомъ парламента. Въ феодальные вѣка напротивъ, война и политика не считались неестественными занятіями для женщинъ, потому что въ этихъ занятіяхъ не было ничего необычайнаго; казалось совершенно естественнымъ, чтобы женщины привилегированныхъ сословій были мужественнаго характера и уступали своимъ мужьямъ и отцамъ только въ отношеніи физической силы. Независимость женщины грекамъ казалась не совсѣмъ такой неестественной какъ другимъ древнимъ народамъ, по милости басни объ амазонкахъ, которую они считали за историческую правду, и примѣра отчасти представляемаго спартанскими женщинами, такъ какъ онѣ, хотя закономъ не болѣе увольнялись отъ зависимости, чѣмъ женщины въ другихъ греческихъ государствахъ, однако на практикѣ были болѣе свободны и, будучи обучаемы тѣлеснымъ упражненіямъ наравнѣ съ мужчинами, блистательно доказали, что онѣ вовсе неспособны къ нимъ. Почти нельзя сомнѣваться, что примѣръ

Спарты навелъ Платона, въ числѣ другихъ ученій, и на ученіе объ общественномъ и политическомъ равенствѣ обоихъ половъ.

Но, скажутъ мнѣ на это, владычество мужчины надъ женщиной тѣмъ разнится отъ всѣхъ вышеприведенныхъ владычествъ, что оно основано не на силѣ, а принимается добровольно, что женщины не жалуются, а вполнѣ согласны на него. Во первыхъ, весьма многія женщины вовсе не принимаютъ его добровольно. Съ тѣхъ поръ, какъ явились женщины, способныя проводить свои мысли и чувства въ своихъ сочиненіяхъ (единственный способъ гласности, дозволяемый имъ обществомъ), постоянно возрастаетъ число женщинъ, протестующихъ противъ своего настоящаго общественнаго положенія, и недавно еще нѣсколько тысячъ женщинъ, имѣя во главѣ наиболѣе замѣчательныхъ изъ всѣхъ женщинъ извѣстныхъ публикѣ, представили парламенту прошеніе о дарованіи имъ избирательнаго голоса. Требованіе женщинъ, чтобы имъ давали такое же основательное образованіе и по тѣмъ же отраслямъ знанія какъ и мужчинамъ, предъявляется все съ большей силой и съ большимъ вѣроятіемъ на успѣхъ; требованіе ихъ, чтобы

ихъ допускали къ профессіямъ и занятіямъ до сихъ поръ закрытымъ для нихъ, тоже съ каждымъ годомъ усиливается. Хотя нѣтъ у насъ, какъ въ Соединенныхъ Штатахъ, періодическихъ собраній и организованной партіи для агитированія вопроса о женскихъ правахъ, въ Англіи есть многочисленныя и дѣятельныя общества, организованныя и управляемыя женщинами съ болѣе скромною цѣлію—добиться хотя политической равноправности. И не только въ Англіи и въ Америкѣ женщины начинаютъ протестовать болѣе или менѣе коллективно противъ стѣсненій, которымъ онѣ подвергаются—Франція, Италія, Швейцарія и Россія теперь представляютъ примѣры такого же протеста. Сколько есть еще женщинъ, которыя молча лѣлѣютъ въ душѣ подобныя же стремленія, никому невозможно знать; но по множеству признаковъ можно судить, сколько женщинъ ихъ лѣлѣяли бы, если бы ихъ не такъ старательно учили подавлять въ себѣ такія поползновенія, какъ неприличныя ихъ полу. Нужно сверхъ того помнить, что никакое порабощенное сословіе никогда сразу не требовало полной свободы. Когда Симонъ де Монфортъ въ первый разъ пригласилъ депутатовъ отъ средняго со-

словія засѣдать въ парламентѣ, приходило ли кому нибудь изъ нихъ въ голову, даже во снѣ, требовать, чтобы собраніе, выбранное народомъ, получило право создавать и низвергать министерства и предписывать королю какъ ему поступать въ государственныхъ дѣлахъ? Подобная мысль не представлялась воображенію даже наичестолюбивѣйшихъ изъ нихъ. Дворянство въ то время уже заявляло подобное притязаніе; среднее же сословіе ничего не домогалось, кромѣ изъятія отъ произвольнаго наложенія налоговъ и грубаго личнаго притѣсненія со стороны королевскихъ чиновниковъ. Въ природѣ есть политическій законъ, въ силу котораго лица, находящіяся подъ гнетомъ какой либо власти древняго происхожденія, никогда не начинаютъ съ жалобъ на самую власть, а только на притѣснительное примѣненіе ея. Нѣтъ никогда недостатка въ женщинахъ, жалующихся на дурное обращеніе съ ними мужчинъ; было бы несравненно больше такихъ женщинъ, если бы жалобы не вызывали непремѣнно усугубленіе и повтореніе дурнаго обращенія. Вотъ это-то и дѣлаетъ тщетнымъ всѣ попытки сохранить самую власть, но защитить женщину отъ ея злоупотребленія. Ни въ какомъ другомъ

случаѣ (за исключеніемъ дѣтей) лице, о которомъ судебнымъ порядкомъ доказано, что оно обижено, не ставится снова подъ физическую власть обидчика. Поэтому жены, даже въ случаѣ постояннаго нанесенія жесточайшихъ побоевъ, почти никогда не рѣшаются воспользоваться закономъ, созданнымъ для ихъ защиты, а если въ минуту непреоборимаго негодованія, или уступая вмѣшательству знакомыхъ, онѣ и рѣшаются на это, дѣло кончается обыкновенно тѣмъ, что предъ судомъ онѣ употребляютъ всѣ усилія, чтобы разсказать какъ можно меньше и спасти своего тирана отъ заслуженнаго наказанія.

По всѣмъ возможнымъ причинамъ, естественнымъ и общественнымъ, нѣтъ никакого вѣроятія, чтобы женщины коллективно возмутились противъ мужской власти. Онѣ находятся въ положеніи различномъ отъ положенія всѣхъ другихъ подчиненныхъ сословій, въ томъ отношеніи, что ихъ повелители требуютъ отъ нихъ не одной матеріальной службы. Мужчины требуютъ отъ женщины не только, чтобы она ему повиновалась, но еще чтобы она отдала ему всю свою душу. Всѣ мужчины, кромѣ настоящихъ скотовъ, желаютъ имѣть въ

женщинѣ, наиболѣе близкой къ нимъ изъ всѣхъ, рабыню, служащую имъ не по принужденію, а по доброй волѣ, и не только рабыню, но и фаворитку. Поэтому они и сдѣлали все возможное, чтобы поработить въ женщинѣ умъ. Всѣ другіе рабовладѣльцы расчитываютъ для сохраненія повиновенія на страхъ—или на личный страхъ предъ ними самими, или на религіозный страхъ передъ небеснымъ гнѣвомъ; — но женовладѣльцы всегда требовали отъ женщинъ болѣе чѣмъ простаго повиновенія и обратили всю силу воспитанія къ достиженію этой цѣли. Всѣхъ женщинъ съ самыхъ раннихъ лѣтъ воспитываютъ въ вѣрѣ, что идеалъ женскаго характера есть противоположность мужскаго; что для нихъ идеалъ заключается не въ томъ, чтобы имѣть собственную волю, не въ томъ, чтобы управлять собою и распоряжаться своими поступками, а въ покорности и уступчивости посторонней власти. Всѣ нравственныя правила, которымъ ихъ учатъ, внушаютъ имъ, что долгъ женщины и притомъ природное душевное влеченіе ея—жить для другихъ, предаться полному самоотреченію и не имѣть жизни, кромѣ въ своихъ привязанностяхъ—а подъ „своими привязанностями“ разумѣютъ

только тѣ привязанности, которыя имъ позволяютъ имѣть — привязанность къ мужчинамъ, которымъ онѣ близки или къ дѣтямъ, которыя составляютъ положительную и несокрушимую связь между ними и однимъ мужчиной. Если принять въ соображеніе эти три вещи: 1) естественное влеченіе половъ другъ къ другу; 2) совершенную зависимость жены отъ мужа, такъ какъ каждое право, которымъ она пользуется, есть его даръ, во всякомъ случаѣ принадлежитъ ей единственно съ его разрѣшенія, и 3) что главныя цѣли, которыхъ домогается человѣкъ: уваженіе другихъ и удовлетвореніе всякаго рода честолюбія, могутъ вообще быть достигнуты ею только чрезъ него, было бы положительно чудомъ, если бы наука нравиться мужчинамъ не сдѣлалась полярной звѣздой женскаго воспитанія и женскаго характера. Послѣ пріобрѣтенія этого сильнаго средства къ вліянію надъ женскими умами, эгоистическій инстинктъ научилъ мужчину воспользоваться имъ до крайности, какъ средствомъ держать женщинъ въ подчиненіи, представляя имъ кротость, покорность и отдачу собственной воли въ руки одного мужчины какъ непремѣнное условіе привлекательности ихъ пола. Можно

ли сомнѣваться въ томъ, что всѣ другія ярмы, которыя удалось человѣчеству сломать, существовали бы до сихъ поръ, если бы имѣлись и также тщательно употреблялись тѣ же средства къ подчиненію умовъ. Если бы было поставлено каждому молодому плебею цѣлью жизни заслужить милость какого нибудь патриція, каждому молодому крѣпостному — пріобрѣсти благосклонность своего господина, если бы домашній обиходъ съ этимъ господиномъ и доля его личной привязанности представлялись ему въ видѣ высшей награды, которой ему слѣдуетъ домогаться, причемъ наиболѣе даровитый могъ бы надѣяться на лучшую награду, и если бы по полученіи этой награды онъ былъ бы отгороженъ какъ бы каменной стѣной отъ всѣхъ интересовъ, не имѣющихъ своего сосредоточія въ немъ, отъ всѣхъ чувствъ и желаній, кромѣ чувствъ и желаній ими раздѣляемыхъ или внушаемыхъ — развѣ между крѣпостными и ихъ владѣльцами, плебеями и патриціями не было бы по сіе время такого же громаднаго различія, какое существуетъ между мужчинами и женщинами, и развѣ, за исключеніемъ какого нибудь мыслителя, всѣ не вѣрили бы свято, что это различіе есть основный и неизмѣн-

ный фактъ, существующій въ самой человѣческой природѣ?

Предыдущихъ разсужденій болѣе чѣмъ достаточно, чтобы доказать, что обычай, какъ онъ ни всемірно распространенъ, въ этомъ случаѣ не представляетъ никакихъ данныхъ и не долженъ создать никакого предразсудка въ пользу порядка, ставящаго женщину въ общественное и политическое положеніе, подчиненное мужчинѣ. Но я могу идти дальше и доказать, что ходъ исторіи и прогрессивное стремленіе человѣческаго общества не только не представляютъ данныхъ въ пользу этой системы неравноправности, но представляютъ сильнѣйшія данныя противъ нея, и что, на сколько весь ходъ человѣческаго совершенствованія до нашего времени, все теченіе современныхъ стремленій даютъ право дѣлать выводъ по этому предмету, выводъ этотъ заключается въ томъ, что этотъ остатокъ прошлаго не ладитъ съ будущимъ и необходимо долженъ исчезнуть.

Въ самомъ дѣлѣ, въ чемъ главная особенность новѣйшаго міра, различіе, главнымъ образомъ отличающее современныя общественныя учрежденія, самую со-

временную жизнь отъ учрежденій, идей и жизни давно-минувшихъ временъ? Въ томъ, что люди уже не рождаются на такое или такое мѣсто въ жизни, не приковываются болѣе неразрывными оковами къ мѣсту, на которомъ они родились, но могутъ свободно употреблять свои способности и представляющіеся имъ благопріятные случаи для достиженія той цѣли, которая кажется имъ всего желательнѣе. Въ старину человѣческое общество было устроено на весьма различныхъ основаніяхъ. Всѣ рождались въ извѣстномъ общественномъ положеніи и по большей части приковывались къ нему закономъ, съ воспрещеніемъ, какими бы то ни было средствами, выйдти изъ него. Какъ нѣкоторые люди рождаются бѣлыми или черными, такъ нѣкоторые рождались рабами и безправными, а другіе свободными и гражданами; одни рождались патриціями, другіе плебеями; одни рождались феодальными дворянами, другіе членами средняго сословія, или roturiers. Рабъ или крѣпостной никогда не могъ освободить себя, или получить свободу иначе, какъ по волѣ своего господина. Въ большей части европейскихъ странъ только къ концу среднихъ вѣковъ члены средняго сословія стали полу-

чать дворянское достоинство, и то это было послѣдствіемъ возрастанія королевской власти. Даже между дворянами старшій сынъ рождался наслѣдникомъ отцовскаго имущества, за исключеніемъ другихъ дѣтей, и прошло долгое время, прежде чѣмъ за отцомъ было признано право лишить его наслѣдства. Въ промышленномъ сословіи только тѣ, которые рождались членами какой нибудь гильдіи или были допускаемы въ гильдію ея членами, могли законнымъ образомъ упражняться въ своей профессіи и то только въ положенныхъ мѣстныхъ предѣлахъ, и никто не могъ упражняться въ профессіи, считаемой поважнѣе, иначе какъ легальнымъ способомъ, по извѣстнымъ формуламъ, предписаннымъ властями. Мануфактурщики ставили у позорнаго столба, за то только, что дерзали вести свое дѣло по новымъ усовершенствованнымъ методамъ. Въ новѣйшей Европѣ, и всего болѣе въ тѣхъ частяхъ ея, которыя въ наибольшихъ размѣрахъ участвовали во всѣхъ другихъ современныхъ улучшеніяхъ, теперь господствуетъ какъ разъ противоположное ученіе. Законъ и правительство не берутъ на себя предписывать, кто долженъ завѣдывать какою нибудь общественною или

промышленною операціей и какіе способы завѣдыванія его должны считаться законными. Эти вопросы предоставляются свободному выбору личности. Даже законъ, требовавшій, чтобы мастеровой пробылъ извѣстное время въ ученьи, исчезъ, потому что имѣется болѣе чѣмъ достаточное ручательство, что вездѣ, гдѣ ученіе необходимо, по самой своей необходимости оно будетъ существовать. По старинной теоріи выбору личности нужно было предоставлять какъ можно меньше простору; всѣ поступки ея должны были по возможности быть предначертаны ей высшей премудростью. Личность, предоставленная сама себѣ, должна была непремѣнно заблуждаться. По новѣйшему убѣжденію, плоду тысячелѣтняго опыта, всѣ дѣла, въ которыхъ личность прямо заинтересована, никогда нейдутъ хорошо, если онѣ не предоставлены ея собственному усмотрѣнію, и подчиненіе ихъ правиламъ, сочиненнымъ властями, далѣе того, что требуется для охраненія правъ другихъ, дѣйствуетъ непремѣнно вредно. Этотъ выводъ, медленно достигнутый и принятый только послѣ испробованія почти всѣхъ возможныхъ видовъ противоположной теоріи съ самыми плачевными результатами, теперь господствуетъ, по про-

мышленной части, во всѣхъ наиболѣе просвѣщенныхъ странахъ, и въ большой степени вводится во всѣхъ странахъ, претендующихъ на нѣкоторую прогрессивность. Это не потому, чтобы всѣ способы считались одинаково хорошими, а всѣ личности одинаково годными на все. Но теперь извѣстно, что ничто кромѣ свободы личнаго выбора не можетъ привести къ принятію наилучшихъ способовъ, и что только этимъ путемъ каждое дѣло попадаетъ въ руки лицъ наиболѣе годныхъ къ нему. Никто не считаетъ нужнымъ издать законъ о томъ, чтобы кузнецомъ могъ быть только человѣкъ съ сильными мускулами. Свободы и конкуренціи достаточно, чтобы только люди съ сильными мускулами шли въ кузнецы, потому что слабый человѣкъ можетъ заработать больше, принимаясь за занятіе, къ которому онъ болѣе годенъ. Согласно съ этимъ ученіемъ признано превышеніемъ настоящихъ предѣловъ власти опредѣленіе заранѣе, на основаніи какихъ нибудь общихъ предположеній, что извѣстныя лица не годятся на извѣстныя дѣла. Теперь вполнѣ извѣстно и признано, что если существуютъ нѣкоторыя подобныя предположенія, то ни одно изъ нихъ не непогрѣшимо. Даже

если оно, въ большинствѣ случаевъ, имѣетъ уважительныя основанія, что едва ли можетъ быть, то все таки окажутся меньшинство или исключенія, въ примѣненіи къ которымъ оно будетъ несостоятельнымъ, а въ отношеніи къ этому меньшинству будетъ несправедливостью къ личностямъ и убыткомъ обществу, если ему поставятъ преграды, мѣшающія ему употреблять свои способности для собственной пользы и пользы другихъ. Съ другой стороны тамъ, гдѣ въ самомъ дѣлѣ личность къ какому нибудь дѣлу не годится, самыхъ простыхъ побужденій, руководствующихъ человѣческими дѣйствіями, будетъ достаточно, чтобы помѣшать некомпетентнымъ лицамъ браться за него или, взявшись, упорствовать въ немъ.

Если этотъ общій принципъ общественно-экономической науки невѣренъ; если личности, съ такой помощью, какую можетъ доставить имъ мнѣніе людей коротко ихъ знающихъ, не лучше закона и правительства могутъ судить о собственныхъ способностяхъ и призваніи, то, разумѣется, слѣдуетъ какъ можно скорѣе бросить этотъ принципъ, и воротиться къ древней системѣ стѣсненій и разрѣшеній. Но если принципъ вѣренъ,

то мы должны дѣйствовать согласно съ нашей вѣрой въ него и не постановлять, что одно рожденіе—мальчикомъ или дѣвочкой (все равно какъ рожденіе чернымъ или бѣлымъ, мѣщаниномъ или дворяниномъ) рѣшаетъ положеніе личности на всю ея жизнь, и отрѣзываетъ ей путь ко всякому возвышенному, самостоятельному общественному положенію и почти всѣмъ почетнымъ занятіямъ. Если бы даже мы согласились съ самыми крайними доводами, когда либо приводимыми въ доказательство высшей годности мужчинъ на всѣ должности, нынѣ предоставленныя исключительно имъ, то и тутъ подойдетъ тотъ же доводъ, въ силу котораго не требуется легальныхъ условій, чтобы быть членомъ парламента. Если разъ въ двѣнадцать лѣтъ, въ силу этихъ условій, будетъ отстранено отъ парламента годное лице, то это будетъ истиннымъ убыткомъ, тогда какъ отстраненіе тысячи негодныхъ лицъ не есть выгода, потому что если избирательное общество, по своему составу, склонно выбирать негодныхъ лицъ, — въ такихъ лицахъ, обладающихъ впрочемъ всѣми нужными легальными условіями, никогда не будетъ недостатка. Во всякомъ дѣлѣ, сколько нибудь трудномъ и важномъ, лицъ, мо-

гущихъ исполнить его хорошо, меньше чѣмъ нужно, даже при самомъ неограниченномъ просторѣ выбора, и каждое лишнее ограниченіе круга выбора лишаетъ общество нѣсколькихъ лишнихъ шансовъ имѣть компетентныхъ служителей, но никогда не спасаетъ его отъ некомпетентныхъ.

Въ настоящее время, въ наиболѣе просвѣщенныхъ странахъ, судьба женщинъ — единственный случай, за исключеніемъ еще одного, въ которомъ законъ и учрежденія налагаютъ свою руку на личность, съ самаго рожденія и повелѣваютъ, что личности этой никогда, во всю ея жизнь, не будетъ дозволено домогаться извѣстныхъ вещей. Другое исключеніе касается лицъ царственнаго происхожденія. Люди до сихъ поръ еще родятся на престолѣ: никто непринадлежащій къ царственному дому не можетъ занять престола, и ни одинъ членъ даже этого дома не можетъ сѣсть на него иначе, какъ по порядку права престолонаслѣдія. Всѣ другія званія и общественныя преимущества открыты и доступны всему мужскому полу. Многія изъ этихъ званій и преимуществъ, правда, достижимы только при помощи богатства; но богатства при извѣстныхъ усло-

віяхъ можетъ достигнуть каждый, и мы постоянно видимъ, что его достигаютъ люди самаго убогаго происхожденія. Для большинства людей трудности тутъ, дѣйствительно, непреодолимы безъ помощи счастливыхъ случайностей, но ни одно существо мужскаго пола, не стѣснено по крайней мѣрѣ закономъ. Ни законъ, ни общественное мнѣніе, не прибавляютъ искуственныхъ препятствій къ естественнымъ. Лица царственнаго происхожденія составляютъ исключеніе, но въ этомъ случаѣ каждый сознаетъ, что это исключеніе—аномалія въ современномъ мірѣ, представляющая рѣзкій контрастъ съ его обычаями и началами и оправдываемая только чрезвычайными государственными соображеніями, которыя, хотя личности и націи различно цѣнятъ ихъ, однако, безспорно и дѣйствительно существуютъ. Но въ этомъ исключительномъ случаѣ, въ которомъ высокое общественное званіе даруется по важнымъ причинамъ рожденію, а не достигается компетиціею, многія націи умудряются въ сущности придерживаться принципа, отъ котораго онѣ номинально отступаютъ; онѣ обставляютъ это высокое званіе условіями, завѣдомо имѣющими цѣлью препятствовать лицамъ, пользующимся имъ по ви-

димому, пользоваться имъ въ дѣйствительности, между тѣмъ какъ лице, исполняющее на самомъ дѣлѣ должность, сопряженную съ этимъ званіемъ,—отвѣтственный министръ—достигаетъ своего мѣста посредствомъ компетиціи, отъ которой не исключенъ ни одинъ совершеннолѣтній гражданинъ мужскаго пола. Поэтому стѣсненіе, которому женщины подвергаются исключительно вслѣдствіе ихъ рожденія, представляетъ исключительный примѣръ подобнаго рода въ новѣйшемъ законодательствѣ. Ни въ какомъ случаѣ, кромѣ этого, обнимающаго половину человѣческаго рода, высшія общественныя должности не закрыты ни отъ кого роковымъ обстоятельствомъ рожденія, которое не можетъ быть уничтожено никакими усиліями и никакими обстоятельствами, потому что даже религіозныя стѣсненія (не говоря уже о томъ, что въ Англіи и Европѣ онѣ на практикѣ уже не существуютъ) не закрываютъ никакой карьеры, въ случаѣ обращенія личности въ другую религію. Общественная подчиненность женщины слѣдовательно выдѣляется какъ изолированный фактъ изъ современныхъ общественныхъ учрежденій. Она представляется единственнымъ нарушеніемъ того, что стало

ихъ основнымъ закономъ, единственнымъ остаткомъ стараго міра, отжившаго во всемъ другомъ, но сохраненнаго въ этомъ единственномъ всемірномъ вопросѣ. Это все равно, что если бы исполинскій друидскій дольменъ или обширный храмъ Юпитера Олимпійскаго занималъ въ Лондонѣ мѣсто собора Св. Павла, и если бы каждый день къ нему стекались на поклоненіе, а въ христіанскіе храмы ходили бы только по праздникамъ и въ постъ. Такой совершенный разладъ между однимъ общественнымъ фактомъ и всѣми другими, и радикальная противоположность его сущности съ прогрессивнымъ движеніемъ, которымъ хвалится новѣйшій міръ и которое постепенно унесло всѣ остальные подобные порядки, ужъ конечно представляетъ добросовѣстному наблюдателю человѣческихъ стремленій серьезный матеріалъ къ размышленію. Такой разладъ съ перваго взгляда предполагаетъ данныя противъ самаго факта, сильно перетягивающія всѣ данныя, созданныя обычаемъ въ пользу его, и слѣдовало бы по крайней мѣрѣ признать этотъ вопросъ, какъ выборъ между республикой и монархіей, за вопросъ нерѣшенный.

Можно ужъ во всякомъ случаѣ требовать, чтобы во-

просъ не считался предрѣшеннымъ существующими фактами и мнѣніями, а считался подлежащимъ обсужденію по двумъ пунктамъ: справедливости и надобности, съ тѣмъ, чтобы рѣшеніе какъ и во всякомъ другомъ вопросѣ, касающемся общественнаго порядка, зависѣло отъ того, что̀ послѣ просвѣщенной провѣрки основаній его и послѣдствій будетъ признано наиболѣе выгоднымъ для человѣчества вообще, безъ различія пола. И нужно, чтобы обсужденіе это было обсужденіемъ настоящимъ, нисходящимъ до самыхъ фундаментовъ вопроса, неудовлетворяющимся поверхностными неопредѣленными общими мѣстами. Такъ, напримѣръ, мало объявить въ общихъ выраженіяхъ, что опытъ человѣчества рѣшилъ въ пользу существующей системы. Опытъ ни въ какомъ случаѣ не могъ рѣшить вопроса о выборѣ между двумя путями, пока былъ испытанъ только одинъ. Если скажутъ, что ученіе равенства половъ основано только на теоріи, то нужно помнить, что и противное ученіе тоже не имѣетъ никакого основанія кромѣ теоріи. Все, что доказано въ его пользу дѣйствительнымъ опытомъ, это то, что человѣчество при этой системѣ могло существовать и достичь степени усовершенствованія и

благоденствія, которую мы нынѣ видимъ. Но раньше ли достигнуто это благоденствіе и значительнѣе ли оно теперь, чѣмъ было бы при другой системѣ — этого опытъ не говоритъ. Съ другой стороны, опытъ положительно показываетъ, что каждый шагъ къ улучшенію неизмѣнно сопровождался шагомъ къ возвышенію общественнаго положенія женщины, такъ, что историки и философы пришли къ тому, что возвышеніе или униженіе этого положенія приняли за вѣрнѣйшее и точнѣйшее мѣрило цивилизаціи какого нибудь народа или вѣка. Чрезъ всѣ періоды исторіи человѣчества мы видимъ, что положеніе женщины постоянно на практикѣ подходило ближе къ равенству съ мужчиной. Этого одного недостаточно, чтобы доказать, что это движеніе должно непремѣнно привести къ полному равенству, но это несомнѣнно представляетъ нѣкоторыя данныя въ пользу предположенія, что дѣйствительно такъ должно быть.

Такъ точно недостаточно сказать, что природа обоихъ половъ приспособляетъ ихъ именно къ ихъ настоящимъ должностямъ и положенію и дѣлаетъ эти должности и положеніе единственными, годными для нихъ.

*

Становясь на почву здраваго смысла и основываясь на устройствѣ человѣческаго ума, я отрицаю, чтобы кто нибудь зналъ или могъ знать природу обоихъ половъ до тѣхъ поръ, пока ихъ видѣли только въ ихъ настоящемъ положеніи въ отношеніи другъ къ другу. Если бы когда нибудь существовало общество мужчинъ безъ женщинъ или женщинъ безъ мужчинъ, или существовало бы общество мужчинъ и женщинъ, въ которомъ женщины не были бы подвластны мужчинамъ — тогда можно было бы узнать что нибудь положительное на счетъ умственныхъ и нравственныхъ различій, можетъ быть, врожденныхъ каждому полу. То, что теперь называется природою женщины, вообще въ высшей степени искуственный результатъ принудительнаго стѣсненія въ нѣкоторыхъ направленіяхъ, неестественнаго подстрекательства въ другихъ. Можно, не задумываясь, утвердительно сказать, что ни у одного другаго сословія зависимыхъ лицъ характеръ не былъ до такой степени искаженъ и отклоненъ отъ своего естественнаго развитія отношеніями къ его повелителямъ. Если завоеванныя и порабощенныя расы въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ были болѣе угнѣтаемы, за то все, что не

придавливалось въ нихъ желѣзнымъ каблукомъ побѣдителя, обыкновенно вовсе не трогалось и, лишь только получало сколько нибудь свободы развиться, развивалось согласно съ собственными законами; но въ отношеніи къ женщинамъ спокон вѣку соблюдалась оранжерейная и тепличная система разработыванія нѣкоторыхъ способностей ихъ для пользы и удобства ихъ повелителей, въ ущербъ всѣмъ остальнымъ. Затѣмъ, потому что извѣстные продукты общей жизненной силы роскошно произрастаютъ и достигаютъ наибольшаго развитія въ этой искуственной сферѣ и при дѣятельной системѣ поливанія и ухаживанія, между тѣмъ какъ другіе ростки отъ того же корня, оставленные внѣ теплицы, на морозѣ, и преднамѣренно обкладываемые льдомъ, развиваются туго, а еще другіе отжигаются огнемъ, чтобы ихъ и слѣда не оставалось, мужчины, съ той неспособностью признать дѣло собственныхъ рукъ, которою отличается умъ, не упражняющійся въ анализѣ, преспокойно убѣждены, что растеніе само собою растетъ въ томъ видѣ, въ которомъ заставляютъ его расти, и что оно непремѣнно погибло бы, если бы по-

ловину его не держали въ парникѣ, а другую въ снѣгу.

Изъ всѣхъ трудностей, препятствующихъ прогрессу мысли и развитію на здоровыхъ основаніяхъ мнѣній о жизни и общественныхъ порядкахъ, величайшая въ настоящее время заключается въ неизрѣченномъ невѣжествѣ и невнимательности человѣчества относительно вліяній, развивающихъ человѣческій характеръ. Чѣмъ бы ни была какая нибудь часть человѣческаго рода, или чѣмъ бы ни казалась она, такъ и предполагается, что она имѣетъ къ тому естественную склонность, даже когда самое первобытное знаніе обстоятельствъ, которыми она была обставлена, ясно указываетъ на причины, сдѣлавшія ее таковою, какова она есть. Потому что арендаторъ, глубоко задолжавшій землевладѣльцу, нетрудолюбивъ, есть люди, которые увѣрены, что ирландцы отъ природы лѣнивы. Потому, что греки обманывали турокъ, а турки только грабили грековъ, есть люди, которые полагаютъ, что турки отъ природы болѣе искренны, и потому что женщины, какъ часто было сказано, не интересуются политикой иначе какъ лично, полагаютъ, что общее благо отъ природы менѣе интересуетъ женщинъ, чѣмъ мужчинъ. Исторія, которую теперь понимаютъ несравненно лучше, чѣмъ прежде, научаетъ насъ совсѣмъ другому, хотя бы только тѣмъ, что доказываетъ чрезвычайную податливость человѣческой природы внѣшнимъ вліяніямъ и чрезвычайную измѣнчивость тѣхъ проявленій, которыя по общему предположенію наиболѣе всемірны и одинаковы. Но изучая исторію, какъ и во время путешествія, люди обыкновенно видятъ только то, что у нихъ уже прежде засѣло въ головѣ, и немногіе съ прокомъ занимаются исторіей, если не принимаются за изученіе ея съ хорошей предварительной подготовкой. По всѣмъ этимъ причинамъ, возвращаясь къ этому труднѣйшему изъ вопросовъ: ***въ чемъ естественное различіе между обоими полами?*** (предметъ, о которомъ при существующемъ состояніи общества невозможно добыть вѣрныя и положительныя свѣденія) — всѣ почти разсуждаютъ о немъ, но почти всѣ пренебрегаютъ единственнымъ средствомъ, которое можетъ, хотя отчасти, просвѣтить насчетъ его. Средство это—аналитическое изученіе главнѣйшаго изъ отдѣловъ психологіи: ***законовъ вліянія обстоятельствъ на характеръ.*** Какъ ни

велики и, по видимому, неискоренимы нравственныя и умственныя различія между мужчиной и женщиной, доказательства въ томъ, что эти различія естественны, имѣются только отрицательныя. Естественными можно считать только тѣ различія, которыя никоимъ образомъ не могутъ быть искуственны, т. е. которыя остаются по устраненіи каждой особенности того или другаго пола, могущей быть объясненной воспитаніемъ или внѣшними обстоятельствами. Нужно глубочайшее знаніе законовъ развитія характера, чтобы имѣть право утверждать даже, что есть ***какая нибудь*** разница, тѣмъ болѣе ***въ чемъ*** разница, между обоими полами, смотря на нихъ какъ на разумныя и нравственныя существа. А такъ какъ никто еще не имѣетъ этого знанія (потому что нѣтъ предмета, который, въ сравненіи съ его важностію, такъ мало изучался), никто до сихъ поръ не имѣетъ права заявлять положительное мнѣніе объ этомъ предметѣ. Можно дѣлать догадки—больше ничего—догадки болѣе или менѣе вѣроятныя, смотря потому, болѣе или менѣе основаны онѣ на тѣхъ свѣденіяхъ, которыя мы покуда имѣемъ о законахъ психологіи въ примѣненіи къ развитію характера.

Даже предварительныя знанія: въ чемъ различіе между полами заключается ***теперь***, помимо всякаго вопроса о томъ, какимъ образомъ женщины сдѣланы тѣмъ, что онѣ есть, находятся въ самомъ неразработанномъ и неполномъ видѣ. Доктора и физіологи до нѣкоторой степени узнали различія физическія и это конечно важная подмога психологіи. Но доктора почти никогда не бываютъ психологами. Относительно умственныхъ способностей женщины, ихъ наблюденія не имѣютъ болѣе цѣны, чѣмъ наблюденія обыкновенныхъ смертныхъ. Это такой предметъ, о которомъ окончательнаго ничего не можетъ быть извѣстно до тѣхъ поръ, пока тѣ, которыя однѣ могутъ въ самомъ дѣлѣ знать его, т. е. сами женщины, дали весьма мало показаній, да и тѣ по большей части подкупленныя. Распознать глупую женщину отъ умной очень легко. Глупость почти одинакова на всемъ земномъ шарѣ. Понятія и чувства глупой личности можно съ увѣренностію вывести изъ понятій и чувствъ, господствующихъ въ томъ кругу, которымъ она обставлена. Этого нельзя сказать о тѣхъ личностяхъ, мнѣнія и чувства которыхъ суть плодъ ихъ собственной природы и способно-

стей. Весьма рѣдко попадается мужчина порядочно знающій характеръ женщинъ, даже изъ собственной семьи. Я не говорю объ ихъ способностяхъ: способностей ихъ никто не знаетъ, начиная съ нихъ самихъ, потому что большая часть никогда не были вызваны наружу; я говорю о существующихъ въ настоящее время мысляхъ ихъ и чувствахъ. Многіе мужчины воображаютъ, что они вполнѣ понимаютъ женщинъ, потому что у нихъ были любовныя связи съ нѣсколькими, а можетъ быть и со многими. Если такой мужчина хорошій наблюдатель, и его опытность простирается не только на многихъ по количеству женщинъ, но и на различныхъ по качествамъ, онъ могъ научиться кое-чему, но только по части одного, и то тѣснаго, отдѣла женской природы, хотя и важнаго, безъ сомнѣнія. Обо всей остальной природѣ женщины рѣдко кто знаетъ менѣе подобнаго мужчины, потому что рѣдко отъ кого она такъ тщательно скрывается. Самый удобный субъектъ для наблюденія надъ женскимъ характеромъ обыкновенно представляется мужчинѣ въ лицѣ его жены, потому что она доставляетъ ему больше случаевъ, удобствъ къ наблюденію да и полное сочувствіе тутъ не такая рѣдкость. Въ сущности это единственный источникъ, изъ котораго вытекали сколько нибудь цѣнныя свѣденія объ этомъ предметѣ. Но бо́льшая часть мужчинъ не имѣетъ въ жизни больше одного случая къ подобному изученію, вслѣдствіе чего почти до смѣшнаго легко узнать, какая у мужчины жена, изъ его мнѣній о женщинахъ вообще. Чтобы даже этотъ случай далъ какой нибудь результатъ, нужно, чтобы женщина стоила изученія, и чтобы мужчина былъ не только компетентнымъ судьей, но имѣлъ такой симпатичный самъ по себѣ характеръ и такъ хорошо принаровленный къ ея характеру, чтобы онъ могъ читать въ ея умѣ симпатичнымъ чутьемъ, и чтобы не было въ немъ ничего, заставляющаго ее бояться высказывать себя. Едва ли, мнѣ кажется, есть что нибудь болѣе рѣдкое подобнаго стеченія качествъ. Часто встрѣчается полнѣйшее единство мнѣній и общность интересовъ по всѣмъ внѣшнимъ предметамъ и при этомъ каждый изъ супруговъ также мало допущенъ во внутреннюю жизнь другаго, какъ будто они были простыми знакомыми, и хотя они, быть можетъ, ничего умышленно не скрываютъ, но многаго не показываютъ. Въ весьма сходныхъ съ этими отношеніями,

отношеніяхъ родителей къ дѣтямъ, каждый замѣчалъ подобное же явленіе. Какъ часто бываетъ, что отецъ, не смотря на искреннюю обоюдную привязанность, очевидно для всѣхъ, не знаетъ, даже не подозрѣваетъ разныхъ сторонъ характера сына, знакомыхъ его товарищамъ! Дѣло въ томъ, что чрезвычайно неблагопріятно для полной откровенности такое положеніе, въ которомъ одна сторона относится къ другому съ особеннымъ почтеніемъ. Страхъ повредить себѣ въ мнѣніи или чувствахъ почитаемаго лица такъ силенъ, что даже въ честномъ характерѣ порождаетъ безсознательную наклонность выказывать только лучшую свою сторону или ту сторону, которая, хотя и не лучше другихъ, но больше нравится этому лицу, и можно съ увѣренностью сказать, что полнаго знанія другъ друга почти никогда не бываетъ, иначе какъ между лицами, не только коротко знакомыми, но и равными между собою. Сколько же еще сильнѣе все это должно проявляться тамъ, гдѣ одна личность не только находится подъ властью другой, но гдѣ ей внушается, какъ обязанность, чтобы она все остальное считала второстепеннымъ въ сравненіи съ удобствомъ и удовольствіемъ этой личности и не выказывала

бы ей ничего, кромѣ того, что ей пріятно! Всѣ эти затрудненія препятствуютъ мужчинѣ вполнѣ узнать даже ту, вообще единственную женщину, которую онъ имѣетъ достаточно случаевъ изучить. Если мы далѣе сообразимъ, что понимать одну женщину не значитъ непремѣнно понимать и другую—не только всѣхъ другихъ,— что если бы даже мужчина имѣлъ возможность изучать многихъ женщинъ одного званія и одной національности, изъ этого не слѣдовало бы, что онъ понялъ бы женщинъ другихъ званій и другихъ національностей, а если бы даже онъ понималъ и тѣхъ, то все-таки это были бы женщины одного историческаго періода—мы можемъ, съ полной увѣренностью, утвердительно сказать, что свѣденія, которыя мужчина можетъ добыть о женщинахъ, такими какія онѣ были и суть теперь, не принимая въ соображеніе того, какими онѣ могли бы быть, въ высшей степени поверхностны и несовершенны и всегда будутъ таковыми, пока сами женщины не выскажутъ всего, что онѣ имѣютъ сказать.

Это время еще не пришло, и придетъ оно не иначе какъ постепенно. Давно ли женщины получили возможность, благодаря своему литературному таланту и раз-

рѣшенію общества, высказать что нибудь публикѣ? Еще весьма немногія изъ нихъ осмѣливаются что нибудь высказать, что было бы непріятно выслушивать мужчинамъ, отъ которыхъ зависитъ ихъ литературный успѣхъ. Вспомнимъ, какъ обыкновенно принимались до весьма недавняго времени, даже и теперь еще отчасти принимаются, выраженія недюжинныхъ, или, такъ называемыхъ, эксцентричныхъ мнѣній, высказываемыхъ даже мужчинами — и мы можемъ себѣ составить хотя слабое понятіе о томъ, какія препятствія встрѣчаетъ женщина, воспитанная въ убѣжденіи, что обычай и мнѣніе имѣютъ надъ нею верховное право, когда она пытается выразить въ книгахъ что нибудь, извлеченное изъ глубины ея собственной природы. Величайшая изъ писательницъ, оставившая сочиненія достаточныя, чтобы дать ей высокое мѣсто въ литературѣ ея отечества, сочла нужнымъ предпослать, въ видѣ эпиграфа, самой смѣлой изъ своихъ книгъ, слѣдующую аксіому: — „Un homme peut braver l'opinion; une femme doit s'y soumettre“ (1). Большею частью то,

(1) Мужчина можетъ идти на перекоръ общественному мнѣнію, женщина должна покориться ему (Эпиграфъ къ роману M-me de Staël: «Delphine»).

что женщины пишутъ, есть ничто иное какъ подобострастное подслуживаніе мужчинамъ. Когда пишетъ женщина незамужняя, она точно старается заслужить мужа своими сочиненіями. Многія замужнія и незамужнія пересаливаютъ и стараются внушить такое раболѣпство, котораго не требуетъ и не любитъ ни одинъ мужчина, исключая самаго дюжиннаго, самаго пошлаго. Впрочемъ это теперь уже случается не такъ часто, какъ случалось еще въ весьма недавнее время. Писательницы начинаютъ высказываться свободнѣе и охотнѣе высказываютъ свои настоящія мнѣнія. Къ несчастію, онѣ сами, въ особенности въ Англіи, такіе искуственные продукты, что мнѣнія ихъ состоятъ изъ весьма малой доли личнаго наблюденія и сознанія и огромной доли заученаго. Это конечно будетъ постепенно исчезать, но останется въ значительной степени до тѣхъ поръ, пока общественныя учрежденія не дадутъ женщинамъ такой же возможности, какъ мужчинамъ, свободно развить собственную, своеобразную личность. Когда настанетъ это время, но не раньше, мы увидимъ, не только услышимъ, все, что намъ нужно для познанія природы женщины и какъ къ ней примѣняться.

Я такъ долго распространился о трудностяхъ, въ настоящее время мѣшающихъ мужчинамъ пріобрѣтать важныя познанія о дѣйствительной природѣ женщинъ, потому что тутъ, какъ и во многихъ другихъ предметахъ „Opinio copiae inter maximas causas inopiae est“ (мнѣніе массы—одна изъ главныхъ причинъ нелѣпостей), и существуетъ весьма мало возможности къ раціональному мышленію по этому вопросу, пока люди льстятъ себя увѣренностью, что они вполнѣ понимаютъ его, тогда какъ по большей части не имѣютъ о немъ ни малѣйшаго понятія, да и невозможно въ настоящее время ни отдѣльнымъ личностямъ изъ мужчинъ, ни всѣмъ мужчинамъ вмѣстѣ, имѣть достаточнаго знанія о немъ, чтобы имѣть право предписывать женщинамъ, путемъ закона, въ чемъ ихъ призваніе и въ чемъ нѣтъ. Къ счастію такое знаніе не нужно для практическаго рѣшенія вопроса о положеніи женщины въ отношеніи къ обществу и къ жизни. По всѣмъ принципамъ, руководствующимъ современными общественными вопросами, это должно быть предоставлено рѣшить самимъ женщинамъ, и женщины должны рѣшить собственнымъ опытомъ и примѣненіемъ собственныхъ способностей. Нѣтъ никакого

средства убѣдиться, что̀ могутъ сдѣлать одинъ человѣкъ или нѣсколько человѣкъ иначе, какъ испытавъ, и, нѣтъ никакого средства, при помощи котораго можно было бы открыть и постановить безошибочно, что̀ женщинамъ слѣдуетъ дѣлать и чего не слѣдуетъ имъ дѣлать ради собственной ихъ пользы.

Въ одномъ мы можемъ совершенно быть увѣрены, а именно въ томъ, что ничто никогда не заставитъ женщину дѣлать то, что̀ противно ея природѣ, только потому, что ей будетъ предоставлена полная воля и просторъ. Непремѣнное желаніе мужской половины человѣческаго рода вмѣшиваться во все и помогать природѣ, изъ опасенія, чтобы сама природа не съумѣла сдѣлать свое дѣло—забота совершенно ненужная. Излишне запрещать женщинамъ дѣлать то, чего онѣ отъ природы ***не могутъ*** дѣлать. Отъ того, что онѣ могутъ дѣлать не такъ хорошо какъ мужчины, одной конкуренціи достаточно, чтобы отвадить ихъ, такъ какъ никто не требуетъ особыхъ правъ и привилегій въ пользу женщинъ, а требуютъ только отмѣны существующихъ правъ и привилегій въ пользу мужчинъ. Если у женщинъ больше природной склонности къ одному, чѣмъ къ другому,

нѣтъ надобности въ законахъ или общественныхъ нравоученіяхъ, чтобы заставить большинство ихъ дѣлать именно то, а не другое. Свобода конкуренціи лучше всего въ мірѣ будетъ побуждать ихъ пускаться именно на то, на что̀ онѣ всего нужнѣе, а всего нужнѣе онѣ, само собою разумѣется, на то, на что̀ онѣ всего болѣе годны. Предоставленіемъ имъ свободной дѣятельности, коллективныя способности обоихъ половъ съ наибольшею пользою будутъ примѣнены ко всей суммѣ человѣческой дѣятельности.

Предполагается, что мужчины вообще такого мнѣнія, что природное призваніе женщины—быть женою и матерью. Я говорю ***предполагается***, потому что, судя по дѣйствіямъ, по всему существующему устройству общества, можно бы заключить, что мнѣніе ихъ какъ разъ противоположное. Скорѣе можно подумать, что мужчины убѣждены, что призваніе, признанное ими за природное въ женщинахъ, изъ всего на свѣтѣ наиболѣе противно ихъ природѣ, и что, если дать имъ волю дѣлать что̀ либо другое, если открыть имъ доступъ къ какимъ либо другимъ средствамъ пропитанія, къ какимъ либо другимъ способамъ занять свое

время и способности, сколько нибудь соблазнительнымъ для нихъ—то не будетъ достаточнаго числа женщинъ, желающихъ вступить въ то положеніе, которое, какъ увѣряютъ, есть ихъ природное призваніе. Если мужчины въ душѣ держатся этого мнѣнія, то ужъ лучше бы они высказывали его прямо. Хотѣлось бы мнѣ послушать, какъ кто нибудь сталъ бы открыто излагать ученіе такого рода (хотя во многомъ, что пишется объ этомъ предметѣ, это ученіе ясно проглядываетъ между строкъ): —„Для общества необходимо, чтобы женщины выходили замужъ и рожали дѣтей. Онѣ ни замужъ выходить, ни дѣтей рожать не станутъ иначе, какъ по принужденію. Слѣдовательно необходимо ихъ къ этому принуждать“. — Тогда по крайней мѣрѣ дѣло было бы опредѣленно и ясно. Это было бы совершенно подъ стать тому, что говорили рабовладѣльцы въ Южной Каролинѣ и Луизіанѣ: — „Необходимо разводить хлопокъ и сахарный тростникъ. Бѣлые не могутъ разводить ихъ, а негры ни за какое жалованье, которое намъ угодно давать имъ, не хотятъ. Слѣдовательно—ихъ нужно принуждать“. Еще ближе къ дѣлу будетъ привести принудительную вербовку матросовъ. „Матро-

совъ необходимо нужно имѣть для защиты отечества. Часто случается, что они добровольно не вербуются — стало быть нужно имѣть право заставлять ихъ". Какъ часто пускалась въ ходъ подобная логика! И если бы въ ней не было одной погрѣшности, она вѣроятно процвѣтала бы и до нынѣ. Но на нее можно возразить слѣдующее: „Прежде заплатите матросамъ то, что по чести слѣдуетъ имъ за ихъ труды; когда они увидятъ, что стоитъ служить вамъ, точно также какъ работать для другихъ,—вамъ не труднѣе будетъ, чѣмъ другимъ, залучить ихъ въ свою службу". На это нѣтъ другаго логическаго отвѣта, какъ сказать: „не хочу"; а такъ какъ люди нынѣ не только стыдятся, но и въ самомъ дѣлѣ не желаютъ отжиливать у работниковъ задѣльную плату, то никто уже не стоитъ за принудительную вербовку. Люди, старающіеся принудить женщину выходить замужъ тѣмъ, что закрываютъ ей всѣ другія двери, подлежатъ подобному же возраженію. Если они говорятъ то, что думаютъ, они очевидно того мнѣнія, что мужчины не дѣлаютъ супружество на столько пріятнымъ для женщинъ, чтобы онѣ имѣли поводъ вступать въ него ради его собственныхъ прелестей.

Если человѣкъ предлагаетъ что нибудь и въ тоже время не предоставляетъ другаго выбора, а говоритъ: „бери это, или ничего не получишь",—это не показываетъ, чтобы онъ былъ особенно высокаго мнѣнія о томъ, что даритъ. Въ этомъ, мнѣ кажется, и есть ключъ къ мнѣніямъ тѣхъ мужчинъ, которые имѣютъ искреннюю антипатію къ равноправности женщинъ. Они, мнѣ кажется, боятся не того, чтобы женщины не захотѣли замужъ выходить,—потому что не думаю, чтобы кто нибудь въ самомъ дѣлѣ питалъ подобное опасеніе,— но боятся, какъ бы женщины не стали требовать равныхъ условій въ супружествѣ; боятся, чтобы каждая способная, даровитая и самостоятельная женщина не предпочла почти все на свѣтѣ, не унизительное въ ея глазахъ, выходу замужъ, когда выходить замужъ значитъ—взять себѣ повелителя, поступить въ кабалу къ человѣку, который дѣлается господиномъ не только надъ ея личностью, но и надъ всѣмъ ея имуществомъ (1).

(1) Само собою разумѣется, что все, что авторъ говоритъ о правѣ мужа надъ женинымъ имуществомъ, непримѣнимо къ Россіи, гдѣ женщина самостоятельно пользуется и управляетъ своимъ имуществомъ, т. е. *по закону;* но мы не

Дѣйствительно, если въ этомъ заключается непремѣнное условіе брака, опасенія ихъ, пожалуй, не лишены основанія. Я съ ними согласенъ, что весьма немногія женщины, способныя къ чему нибудь другому, выбрали бы себѣ подобную долю иначе, какъ подъ вліяніемъ непреодолимаго увлеченія, ослѣпляющаго ихъ на время ко всему прочему, если бы для нихъ были доступны другія средства занять почетное мѣсто въ жизни. И если ужъ мужчины непремѣнно рѣшили, чтобы законъ о бракѣ былъ закономъ деспотическимъ, они вполнѣ правы съ своей точки зрѣнія, не предоставляя женщинамъ другаго исхода. Но въ такомъ случаѣ все, что сдѣлано въ новѣйшемъ мірѣ для ослабленія оковъ, тяготящихъ на умахъ женщинъ, есть величайшая ошибка. Имъ ни подъ какимъ видомъ не слѣдовало давать

сочли нужнымъ выкинуть всего, что Милль въ теченіи своей книги говоритъ объ этомъ предметѣ, потому что женскій вопросъ по своей обширности не принадлежитъ исключительно тому или другому государству; чтобы въ одномъ могли выработаться вѣрныя понятія и ясные взгляды, нужно знать все, касающееся вопроса и въ другихъ государствахъ.

Примѣч. Перев.

литературнаго образованія. Женщины читающія, а тѣмъ болѣе женщины пишущія—суть несообразность и элементъ вѣчныхъ смутъ при существующемъ порядкѣ вещей, и не слѣдовало бы воспитывать въ женщинахъ никакихъ талантовъ, кромѣ талантовъ одалиски и служанки.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Не худо будетъ начать подробное обсужденіе предмета съ той самой отрасли его, къ которой предыдущія страницы само собою привели насъ, а именно съ условій, которыми законы Англіи и многихъ другихъ странъ обставляютъ брачный договоръ. Такъ какъ общество положило, что бракъ—единственное назначеніе женщинъ, цѣль, для которой онѣ воспитываются, которой всѣ онѣ должны домогаться, кромѣ тѣхъ, которыя недовольно привлекательны, чтобы мужчины выбрали ихъ себѣ въ подруги, можно было бы предположить, что будутъ приложены всѣ старанія, чтобы это положеніе представляло имъ по возможности болѣе выгодъ и пріятности, и чтобы онѣ не имѣли причинъ сожалѣть о томъ, что имъ не предоставлено другаго выбора. Но въ этомъ, какъ и во всемъ другомъ, обще-

ство предпочло дѣйствовать силою. Впрочемъ, это единственный случай, въ которомъ оно не отступило отъ этого первобытнаго способа и по сіе время. Въ старину женщинъ брали силою или ихъ просто на-просто отецъ продавалъ мужу. До весьма поздняго времени европейской исторіи, отецъ имѣлъ право располагать дочерью своей по собственной волѣ и усмотрѣнію, нисколько не принимая въ соображеніе ея желанія. Церковь, правда, на столько оставалась вѣрною болѣе возвышенной нравственности, что требовала формальнаго заявленія согласія со стороны женщины при брачномъ обрядѣ. Но не было никакого доказательства, что согласіе ея было невынужденное и дѣвушкѣ на практикѣ было совершенно невозможно отказаться, если отецъ упорствовалъ въ своей волѣ—развѣ только оставалось ей прибѣгнуть подъ охрану церкви, заявивъ положительное намѣреніе постричься въ монахини. Послѣ брака, мужчина въ древности (впрочемъ до введенія христіанства) имѣлъ право жизни и смерти надъ женой. Она не могла обратиться къ закону противъ него—онъ былъ для нея единственнымъ закономъ и судомъ. Долгое время онъ могъ разводиться съ нею, но она не имѣла того же

права относительно его. По старымъ англійскимъ законамъ мужъ назывался повелителемъ жены (lord). На него буквально смотрѣли какъ на ея личнаго государя, и убійство мужа женой называлось ***измѣной*** (только ***малой***,— *petty treason*—въ различіе отъ ***высшей***, *high treason*, или государственной измѣны) и наказывалось болѣе жестоко, чѣмъ обыкновенно наказывалась государственная измѣна, потому что за такое убійство казнью полагалось сожженіе на кострѣ. Оттого, что эти безобразія вышли изъ употребленія (большая часть изъ нихъ никогда не были отмѣнены или были отмѣнены долгое время послѣ того, какъ прекратились на практикѣ) мужчины воображаютъ, что теперь все обстоитъ благополучно относительно брачнаго договора. Намъ безпрестанно твердятъ, что цивилизація и христіанство возвратили женщинѣ ея права; между тѣмъ жена въ полномъ смыслѣ невольница мужа — нисколько не менѣе невольница, относительно легальной обязанности, чѣмъ настоящіе купленные рабы. Она предъ олтаремъ клянется въ пожизненномъ повиновеніи и законъ обязываетъ ее до гроба соблюдать эту клятву. Казуисты, пожалуй, говорятъ, что обязательное повиновеніе прекращается, когда мужъ требуетъ ея участія въ преступленіи, но другаго исключенія положительно нѣтъ никакого. Она не можетъ дѣлать ничего иначе, какъ по его разрѣшенію. Она не можетъ пріобрѣтать собственность иначе, какъ для него. Въ ту минуту, какъ собственность поступаетъ въ ея руки, хотя бы по наслѣдству, она переходитъ въ его власть. Въ этомъ отношеніи положеніе женщины по англійскимъ законамъ хуже положенія невольника. По законамъ многихъ странъ, напримѣръ по римскому закону, невольникъ могъ имѣть свои деньги, которыя законъ до извѣстной степени обезпечивалъ ему для его исключительнаго употребленія. Высшіе классы Англіи доставили нѣчто подобное женщинамъ изъ ихъ круга, посредствомъ особыхъ контрактовъ, обходящихъ законъ, потому что родительское чувство оказалось сильнѣе въ отцахъ, чѣмъ сословное мужское чувство, и отецъ обыкновенно предпочитаетъ родную дочь зятю — постороннему человѣку. Помощію брачныхъ контрактовъ богатые люди обыкновенно отнимаютъ часть наслѣдственной собственности жены или всю эту собственность изъ-подъ власти мужа, но все-таки не могутъ предоставить ей право распоря-

жаться своею собственностью. Самое большое — они могутъ помѣшать мужу растратить ее, въ тоже время лишая и законную владѣтельницу права пользоваться ею. Собственность остается неприкосновенной для обоихъ. Что же касается дохода съ нея, то форма контракта наиболѣе благопріятная женѣ (такъ называемая *„для ея личнаго употребленія“*) только лишаетъ мужа права получать доходъ вмѣсто нея. Онъ долженъ пройдти чрезъ ея руки, но если мужъ отниметъ его у нея личнымъ насиліемъ, его нельзя ни наказать, ни заставить возвратить отнятое. Вотъ и все обезпеченіе, которое при англійскихъ законахъ самый могущественный вельможа можетъ доставить родной дочери относительно ея мужа. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ вовсе не дѣлается брачнаго контракта и поглощеніе всѣхъ правъ, всякой собственности, всякой свободы дѣйствія совершается сполна и безпрепятственно. Мужа и жену называютъ „однимъ лицемъ предъ закономъ“, въ томъ слыслѣ, что все что̀ принадлежитъ ей, принадлежитъ ему, но никакъ не въ обратномъ смыслѣ. Правило это примѣняется къ мужу только на столько, что онъ отвѣтственъ относительно третьихъ лицъ за дѣйствія жены,

какъ каждый хозяинъ отвѣтственъ за дѣйствія своихъ собакъ, лошадей, рогатаго скота или невольниковъ. Я вовсе не говорю, чтобы съ женами вообще обращались не лучше, чѣмъ съ невольниками, но ни одинъ невольникъ *легально* не лишенъ своей воли въ такомъ полномъ смыслѣ и въ такихъ страшныхъ размѣрахъ, какъ жена; ни одинъ почти невольникъ, кромѣ такого, который находится въ непосредственномъ услуженіи своему господину, не жертвуетъ своей волей каждый часъ и каждую минуту дня и ночи; у него вообще, какъ и у солдата, положенный урокъ и когда онъ урокъ этотъ исполнилъ, или когда онъ не дежуритъ, онъ въ извѣстныхъ предѣлахъ располагаетъ своимъ временемъ и имѣетъ свою семейную жизнь, въ которую господинъ его рѣдко входитъ. Дядя Томъ у своего перваго господина имѣлъ домашнюю жизнь въ своей хижинѣ почти столько же, какъ и всякій мужчина, который уходитъ изъ дома на работу, можетъ имѣть ее въ своемъ семействѣ. Жена — другое дѣло. Къ какому скоту мужу ни была бы она прикована, хотя бы она знала, что онъ ее ненавидитъ, хотя бы онъ каждый день доставлялъ себѣ наслажденіе истязать ее, хотя бы она чувствова-

ла что ей невозможно отнестись къ нему иначе, какъ съ отвращеніемъ — этотъ скотъ-мужъ имѣетъ право требовать отъ нея того, что̀ всего болѣе унизительно для человѣческаго существа — чтобы она сдѣлалась орудіемъ животнаго отправленія, противнаго ея склонности. Находясь лично въ этомъ ужаснѣйшемъ изъ всѣхъ рабствъ, какое положеніе занимаетъ она относительно дѣтей, въ которыхъ она и повелитель ея равно заинтересованы? Они по закону *его* дѣти. Онъ одинъ имѣетъ надъ ними легальное право; она не можетъ совершить ни одного дѣйствія относительно ихъ иначе, какъ по его разрѣшенію и повелѣнію. Даже послѣ его смерти она не дѣлается ихъ законной опекуншей, если онъ не назначитъ ее опекуншей въ своемъ духовномъ завѣщаніи. Онъ даже могъ услать ихъ отъ нея и лишить ее возможности видѣться или переписываться съ ними, пока это право не было отчасти ограничено парламентскимъ актомъ. Вотъ каково легальное положеніе женщины, и изъ этого положенія она не имѣетъ никакихъ средствъ выйдти. Если она оставитъ мужа, она не можетъ взять съ собою ни дѣтей, ни собственности, принадлежащей ей по всѣмъ правамъ. Если онъ желаетъ, онъ можетъ

принудить ее возвратиться къ нему путемъ закона или физической силой, или можетъ удовольствоваться отбираніемъ у ней въ свою пользу всего, что̀ она заработаетъ или что̀ дадутъ ей ея родные. Только разойдясь легально по приговору суда, она получаетъ право жить сама по себѣ и не возвращаться къ ожесточенному противъ нея тюремщику или распоряжаться своимъ заработкомъ, не опасаясь, чтобы человѣкъ, котораго она не видѣла можетъ быть лѣтъ двадцать, нагрянулъ на нее въ одинъ прекрасный день и все бы у нее растащилъ. Разводъ, до самаго позднѣйшаго времени, давался судомъ только при такихъ издержкахъ, которыя дѣлали его недоступнымъ для всѣхъ, кромѣ высшаго сословія. Даже и теперь онъ дается только когда одинъ изъ супруговъ броситъ другаго или когда жестокость дойдетъ до крайнихъ предѣловъ, и все-таки жалуются, что онъ дается слишкомъ легко. И по истинѣ, если женщинѣ воспрещается всякая другая доля въ жизни, кромѣ рабы-супруги того или другаго деспота, и если для нея все зависитъ отъ того, чтобы нашелся такой повелитель, который заблагоразсудилъ бы сдѣлать изъ нея не только работницу, но и фаво-

ритку, — черезчуръ уже несправедливо, что ей дозволяется попытать счастье лишь однажды. Естественнымъ послѣдствіемъ такого порядка является, чтобы ей, если ужъ вся жизнь ея зависитъ отъ того, найдетъ ли она добраго господина, позволено было смѣнять ихъ, пока она найдетъ таковаго. Я не говорю, чтобы слѣдовало даровать ей это право. Это совсѣмъ другой вопросъ. Вопросъ о разводѣ съ правомъ снова вступить въ бракъ въ настоящее время вовсе не входитъ въ мой планъ. Я теперь говорю одно, что для лицъ, которымъ не предоставляется ничего кромѣ неволи, свободный выборъ—у кого быть въ неволѣ, есть единственное, хотя и недостаточное, облегченіе. Отказывая въ этомъ выборѣ женѣ, ее окончательно уподобляютъ невольнику, да еще невольнику, состоящему въ самомъ строгомъ видѣ невольничества, потому что въ нѣкоторыхъ невольничьихъ законодательствахъ были законы, по которымъ невольникъ, при извѣстныхъ условіяхъ, могъ легальнымъ образомъ заставить своего господина продать его. Никакое дурное обращеніе, никакіе побои, если къ нимъ не прибавляется еще прелюбодѣйство, въ Англіи не освобождаютъ жены отъ ея мучителя.

Я вовсе не желаю преувеличивать, да и самый вопросъ не нуждается въ преувеличеніи. Я изложилъ легальное положеніе жены, а не дѣйствительную ея жизнь. Въ большинствѣ странъ законы хуже чѣмъ люди, исполняющіе ихъ, и многіе изъ нихъ потому только и остаются законами, что ихъ рѣдко или никогда не приходится примѣнять къ дѣлу. Если бы супружество было въ полномъ смыслѣ тѣмъ, чѣмъ оно *могло бы быть*, судя по однимъ законамъ—общество было бы адомъ на землѣ. Къ счастію, есть чувства и интересы, которые въ многихъ мужчинахъ совершенно истребляютъ, а въ большинствѣ ихъ значительно умѣряютъ, склонность къ тиранству, а изъ этихъ чувствъ связь, соединяющая мужчину съ женою есть, при нормальномъ состояніи, самая сильная изъ всѣхъ. Единственная другая связь, сколько нибудь подходящая къ этой—связь между супругами и ихъ дѣтьми—во всѣхъ случаяхъ, кромѣ исключительныхъ, еще скрѣпляетъ первую, а не ослабляетъ ея. Что же? потому что жизнь на практикѣ большей частью сносна, потому что мужчины, вообще, не наносятъ женамъ, а жены не терпятъ всѣхъ бѣдствій, которыя могли бы наноситься и терпѣться, если

бы поступать вполнѣ согласно съ огромной тираническою властью, которою мужчина облеченъ закономъ; — защитники существующаго порядка полагаютъ, что нечестивость его вполнѣ этимъ оправдывается и что жаловаться на него—значитъ только сѣтовать на малую долю зла, которымъ покупается всякое великое благо. Между тѣмъ, практическое смягченіе, совмѣстное съ сохраненіемъ въ полной легальной силѣ того или другаго рода тиранства, не только не оправдываетъ деспотизма, а, напротивъ того, только доказываетъ, какая кроется въ человѣческой природѣ сила реакціи противъ злоупотребленій и съ какой изумительной жизненной силой добрыя сѣмена, также какъ и злыя, распространяются и произрастаютъ. Нельзя сказать ни одного слова въ пользу семейнаго деспотизма, котораго нельзя было бы сказать и въ пользу политическаго деспотизма. Какой государь, не стѣсненный конституціей, сидитъ у окна, наслаждаясь стенаніями своихъ истязуемыхъ подданныхъ, или раздѣваетъ ихъ до гола и любуется, какъ они мерзнутъ на улицѣ? Деспотизмъ Лудовика XVI вовсе не походилъ на деспотизмъ Филиппа Краснваго или Надиръ-Шаха или Калигулы, но

онъ былъ все еще достаточно зловреденъ, чтобы имъ оправдывалась французская революція и чтобы даже ужасы ея являлись извинительными. Переходя къ глубокой привязанности, существующей между женами и мужьями, можно сказать совершенно тоже и о домашнемъ невольничествѣ. Въ Греціи и въ Римѣ заурядъ бывали случаи, что невольники терпѣли пытку и смерть скорѣе, чѣмъ измѣнить своимъ господамъ. Въ политическихъ отношеніяхъ временъ римскихъ междоусобныхъ войнъ было замѣчено, что жены и невольники оставались вѣрными до геройства, а сыновья очень часто оказывались измѣнниками; однако мы знаемъ, какъ жестоко многіе римляне обращались съ своими невольниками. Но на самомъ дѣлѣ подобное сильное личное чувство нигдѣ не развивается въ такой удивительной степени, какъ при самыхъ безчеловѣчныхъ учрежденіяхъ. Сильнѣйшее чувство преданности и благодарности, на которое способна человѣческая природа, какъ на смѣхъ, обнаруживается въ людяхъ въ отношеніи къ тѣмъ, которые, имѣя право и возможность совершенно раздавить ихъ существованіе, добровольно отказываютъ себѣ въ пользованіи этимъ правомъ. Тяжело было бы

изслѣдовать насколько сильно это чувство въ большинствѣ людей и на сколько входитъ оно даже въ религіозное чувство. Мы постоянно видимъ, какъ сильно признательность къ Небу подстрекается созерцаніемъ ближнихъ, съ которыми оно обошлось не такъ милосердно, какъ съ ними.

Каждый разъ какъ дѣло идетъ о защитѣ какого нибудь несправедливаго учрежденія — невольничества или политическаго деспотизма или деспотизма главы семейства,—съ насъ всегда требуютъ, чтобы мы судили о немъ по лучшимъ примѣрамъ и представляютъ намъ картину нѣжной попечительности власти съ одной стороны, любви и добродѣтельной покорности съ другой, высшей премудрости, распоряжающейся всѣмъ для блага подчиненныхъ, вознаграждаемой ихъ улыбками и благословеніями. Все это было бы такъ, если бы кто нибудь вздумалъ увѣрять, что нѣтъ на свѣтѣ хорошихъ людей. Кто сомнѣвается въ томъ, что можетъ существовать величайшее счастіе, любовь и справедливость подъ неограниченной властью хорошаго человѣка; но дѣло въ томъ, что законы и учрежденія должны быть принаровлены не къ хорошимъ людямъ, а именно

къ дурнымъ. Бракъ не назначается для нѣсколькихъ избранниковъ; съ мужчинъ не требуется, какъ предварительное условіе обряда, чтобы они предъявляли аттестатъ въ томъ, что имъ можно безопасно довѣрить неограниченную власть. Чувства любви и долга относительно жены и дѣтей чрезвычайно сильны въ людяхъ, въ которыхъ сильны, такъ сказать, общественныя чувства, и во многихъ людяхъ, не признающихъ никакихъ другихъ общественныхъ обязанностей. Но тутъ есть всѣ степени чувства и безчувственности, точно также какъ въ людяхъ есть всѣ степени добра и зла, кончая такими людьми, которыхъ не стѣсняетъ никакая связь и на которыхъ общество не имѣетъ вліянія иначе, какъ своимъ послѣднимъ словомъ—наказаніемъ, постановленнымъ закономъ. На всѣхъ ступеняхъ этой лѣстницы есть люди, которымъ ввѣрена вся легальная власть мужа. Къ самому низкому злодѣю прикована какая нибудь несчастная женщина, съ которой онъ можетъ сдѣлать всякое безчеловѣчіе, если не убьетъ ее, да и убить-то ее можетъ, если онъ сколько нибудь ловокъ, безъ всякой опасности потерпѣть наказаніе отъ закона. Сколько есть тысячъ людей въ низшихъ классахъ, которые

не будучи въ легальномъ смыслѣ преступниками, потому что вездѣ, кромѣ семьи, ихъ нападки встрѣчаютъ сопротивленіе, каждый день колотятъ до увѣчья свою бѣдную жену, потому что она одна изъ взрослыхъ людей не можетъ ни защищаться, ни уйдти отъ нихъ, и вполнѣ зависимое положеніе ея внушаетъ ихъ свирѣпой, подлой натурѣ не благодушное, нѣжное чувство, поставляющее долгомъ чести хорошо обращаться съ существомъ, жизнь котораго исключительно ввѣрена ихъ ласкѣ, добротѣ, а напротивъ того понятіе, что законъ далъ ее имъ какъ вещь, которой они могутъ играть по своему усмотрѣнію, и что съ нихъ не требуется относительно ея той осторожности, которая требуется въ сношеніяхъ со всѣми другими людьми. Законъ до весьма недавняго времени, оставлявшій даже подобныя крайнія домашнія тиранства ненаказанными, въ послѣдніе немногіе годы сдѣлалъ нѣсколько слабыхъ попытокъ къ устраненію ихъ. Но эти попытки весьма мало помогли, да и не могло быть иначе, потому что противно всякой логикѣ предположеніе, что можно въ самомъ дѣлѣ обуздать звѣрство бездушнаго человѣка, оставляя жертву во власти палача. До тѣхъ поръ, пока приговоръ суда

за личное насиліе лишь въ случаѣ вторичнаго такого приговора даетъ право женщинѣ на разводъ, — попытка остановить нанесеніе побоевъ путемъ закона останется безплодною, по неимѣнію обвинителей или свидѣтелей.

Если сообразить какъ громадно во всякой странѣ число мужчинъ, стоящихъ немного выше скотовъ и въ тоже время сообразить, что это никогда не мѣшаетъ имъ пріобрѣсти себѣ жертву въ силу законовъ о бракѣ, то ужасъ и глубина бѣдствій и страданій, причиняемыхъ однимъ этимъ учрежденіемъ, вслѣдствіе присущихъ ему злоупотребленій, является чѣмъ-то положительно страшнымъ. А между тѣмъ это только крайность. Это—самая глубокая бездна порока и страданій. Но прежде чѣмъ достичь до этой бездны, есть долгая нисходящая лѣстница. Въ домашнемъ какъ и въ политическомъ тиранствѣ похожденія положительныхъ чудовищъ полезны главнымъ образомъ тѣмъ, что онѣ показываютъ учрежденіе въ полномъ блескѣ его ужаса, доказывая наглядно, что нѣтъ почти того, чего деспотъ не могъ бы сдѣлать, если ему угодно, и такимъ образомъ озаряя сильнымъ свѣтомъ то, что постоянно дѣлается, только не въ такихъ ужасныхъ размѣрахъ. Де-

моны такая же рѣдкость, какъ и ангелы—быть можетъ еще бо́льшая. Злые, суровые люди, съ проявляющимся иногда проблескомъ человѣчности, напротивъ того, попадаются чрезвычайно часто,—а сколько есть въ обширномъ промежуткѣ, отдѣляющемъ такихъ людей отъ истинно достойныхъ представителей человѣчества, разныхъ видовъ и степеней скотства, звѣрства, эгоизма, часто скрывающагося подъ внѣшнимъ лоскомъ цивилизаціи, даже образованности, живущаго въ ладахъ съ закономъ, сохраняющаго вполнѣ почтен.. наружность для всѣхъ, кромѣ существъ подвластныхъ себѣ, но достаточнаго, чтобы сдѣлать жизнь всѣхъ этихъ подвластныхъ существъ мученіемъ и тягостью! Скучно повторять общія мѣста о томъ, что на людей вообще власть дѣйствуетъ вредно, такъ какъ послѣ политическихъ преній, продолжавшихся цѣлыми вѣками, каждый знаетъ ихъ наизустъ. Но приходится повторять ихъ, потому, что рѣдко кому приходитъ въ голову примѣнить эти правила именно къ тому, къ чему онѣ всего болѣе примѣнимы: къ власти, ввѣренной не одному человѣку изъ милліоновъ, а каждому совершеннолѣтнему мужчинѣ, не исключая самаго низкаго, злаго и безчеловѣчнаго.

Изъ того, что человѣкъ завѣдомо не нарушилъ ни одной изъ десяти заповѣдей, или, что онъ сохраняетъ порядочную репутацію въ своихъ сношеніяхъ съ людьми, которыхъ онъ не можетъ принудить имѣть съ нимъ дѣло, или, что онъ не выходитъ изъ себя противъ людей, не обязанныхъ терпѣть его вспышекъ, еще нельзя составить себѣ понятія, какъ онъ ведетъ себя въ халатной безцеремонности домашняго быта. Даже самый дюжинный человѣкъ бережетъ сердитую, мрачную, эгоистическую сторо .своего характера для тѣхъ, которые не имѣютъ возможности сопротивляться ему. Отношенія людей къ своимъ подчиненнымъ есть разсадникъ этихъ пороковъ, которые, гдѣ бы они ни проявлялись, обыкновенно являются избыткомъ тѣхъ же отношеній, переливающихся черезъ край. Человѣкъ нелюдимый и сердитый съ равными себѣ навѣрное когда нибудь жилъ среди подчиненныхъ ему людей, покорность которыхъ онъ могъ вынудить посредствомъ стращанія и всякихъ притѣсненій. Если семейство въ своихъ лучшихъ видахъ есть, какъ часто говорится, школа любви, нѣжности, самоотверженія, оно еще чаще бываетъ, по крайней мѣрѣ для главы семейства, школой своенравія, за-

носчивости, безграничнаго себялюбія и идеализированнаго лицемѣрнаго эгоизма, котораго самопожертвованіе есть только особое проявленіе: забота о женѣ и дѣтяхъ потому только и существуетъ, что они суть принадлежность мужчины, часть его интересовъ, но ихъ личное благосостояніе во всевозможныхъ видахъ приносится въ жертву его малѣйшей прихоти. Чего же и требовать лучшаго при существующей формѣ брачныхъ учрежденій? Мы знаемъ очень хорошо, что дурныя склонности человѣческой природы удерживаются въ должныхъ предѣлахъ только тогда, когда имъ не дается простора; мы знаемъ, что отъ привычки и наклонности, если не отъ необдуманнаго предумышленія, почти каждый человѣкъ, которому другіе уступаютъ, все болѣе и болѣе посягаетъ на ихъ личность, пока не дойдетъ до такой степени, что они вынуждены сопротивляться ему. Если ужъ такова общая склонность человѣческой природы, то безграничная почти власть, которую существующія общественныя учрежденія даютъ каждому мужчинѣ, по крайней мѣрѣ, надъ однимъ человѣческимъ существомъ, съ которымъ онъ живетъ и которое у него всегда предъ глазами,—эта власть, говорю я, выискиваетъ и вызы-

ваетъ кроющіеся въ немъ зачатки эгоизма въ самыхъ отдаленныхъ изгибахъ его натуры, раздуваетъ въ пламя малѣйшую искру и тлѣющіеся угольки этихъ качествъ, даютъ законный исходъ чертамъ его характера, который во всякихъ другихъ сношеніяхъ ему пришлось бы по неволѣ скрывать и заглушать въ себѣ такъ, что это современемъ сдѣлалось бы его второю природою. Я знаю, что вопросъ имѣетъ еще и другія стороны. Я соглашаюсь, съ тѣмъ, что жена, если она не можетъ на дѣлѣ сопротивляться, можетъ по крайней мѣрѣ отплачивать своему мучителю. Она со своей стороны можетъ дѣлать жизнь мужа крайне непріятною и это даетъ ей возможность ставить на своемъ во многомъ, въ чемъ слѣдуетъ, но и во многомъ, въ чемъ не слѣдовало бы. Но это оружіе самосохраненія, которое можно назвать, пожалуй, силой бранчливой женщины, имѣетъ то несчастное свойство, что оно всего болѣе дѣйствительно противъ наименѣе деспотическихъ мужей и въ пользу наименѣе достойныхъ женъ. Это—оружіе раздражительныхъ, своенравныхъ женщинъ, тѣхъ женщинъ, которыя хуже всѣхъ распорядились бы властью, если бы имѣли ее, и даже ту власть, которою пользуются *de facto*, употребляютъ

вообще для дурныхъ цѣлей. Хорошая, кроткая женщина не способна прибѣгнуть къ подобному оружію; женщина съ благородными чувствами презираетъ его. Съ другой стороны оно съ наибольшимъ успѣхомъ употребляется именно противъ самыхъ добрыхъ и безвредныхъ изъ мужей, противъ тѣхъ, которые, даже имѣя къ тому поводъ, неспособны прибѣгнуть къ строгому употребленію власти. Умѣнье женщины отравлять жизнь обыкновенно только создаетъ такъ сказать контртиранію, жертвами которой оказываются именно тѣ мужья, которые сами всего менѣе склонны быть тиранами.

Что же, наконецъ, въ самомъ дѣлѣ умѣряетъ развращающее дѣйствіе власти и дѣлаетъ ее совмѣстною съ тѣмъ количествомъ добра, которое, что ни говори, мы теперь видимъ? Однѣ женскія ласки и ублаженія, хотя въ отдѣльныхъ случаяхъ имѣютъ большой успѣхъ, весьма мало измѣняютъ общія черты дѣла, потому что сила ихъ продолжается только до тѣхъ поръ, пока женщина молода и хороша собою,—часто даже только до тѣхъ поръ, пока прелесть ея нова и еще не приглядѣлась, а на многихъ мужчинъ ласки и ублаженія никогда особенно не дѣйствуютъ. Настоящіе смягчающіе элементы,

это—личная привязанность, которая порождается временемъ, на сколько натура мужчины способна къ ней, а характеръ женщины сроденъ съ его характеромъ,—ихъ общіе интересы относительно дѣтей и общность ихъ интересовъ относительно третьихъ лицъ (хотя далеко небезусловно), необходимость жены для обыденныхъ наслажденій и удобства жизни мужа и цѣна, которую онъ придаетъ ей вслѣдствіе этого ради самаго себя, что въ человѣкѣ способномъ привязываться, служитъ основой къ заботѣ о женѣ, ради ея самой,—наконецъ, вліяніе, которое естественно пріобрѣтается надъ каждымъ человѣкомъ лицами близкими къ нему (если лица эти не положительно противны ему), такъ что, прямыми просьбами, или заразительностью своихъ чувствъ и склонностей, они часто—если не противодѣйствуютъ имъ другія, одинаково сильныя, личныя вліянія,—достигаютъ чрезвычайной власти надъ дѣйствіями номинальнаго главы семейства. Чрезъ эти различныя средства жена нерѣдко забираетъ даже чрезмѣрную власть надъ мужемъ и можетъ вліять на его дѣйствія, даже въ такихъ вещахъ, въ которыхъ вліяніе ея не можетъ принести хорошихъ результатовъ, будучи не только не-

просвѣщеннымъ, но употребляемо въ пользу нравственно несправедливой стороны дѣла, такъ что мужъ поступилъ бы лучше, если бы былъ предоставленъ самъ себѣ. Но въ семейныхъ дѣлахъ, какъ и въ дѣлахъ государственныхъ, власть еще не есть достаточное вознагражденіе за лишеніе свободы. Власть женщины часто даетъ ей то, на что она не имѣетъ права, но все-таки не даетъ ей возможности добыть того, на что она имѣетъ его. Любимая невольница султана сама имѣетъ невольницъ и тиранитъ ихъ; но желательно было бы, чтобы ни она не имѣла невольницъ, ни сама не была невольницей. Утопивъ совершенно свое существованіе въ существованіи своего мужа, не имѣя или увѣряя его, что она не имѣетъ воли, кромѣ его воли во всемъ, что касается ихъ общихъ отношеній, и ставя себѣ цѣлью жизни дѣйствовать на его чувства и мнѣнія, жена можетъ доставить себѣ удовольствіе имѣть вліяніе и, весьма вѣроятно, вліяніе дурное, на его дѣйствія, на тѣ изъ его внѣшнихъ отношеній, для обсужденія которыхъ она не имѣетъ нужной подготовки, или на счетъ которыхъ она сама вполнѣ подлежитъ вліянію личнаго пристрастія или предразсудка. И такъ, при

существующемъ порядкѣ вещей, на мужей, наилучше и наиласковѣе обращающихся съ женами, женино вліяніе если иногда бываетъ полезно, за то весьма часто бываетъ и вредно, когда дѣло идетъ объ интересахъ, простирающихся за предѣлы семьи. Ей внушаютъ, что нѣтъ ей дѣла до всего, что выходитъ изъ семейнаго круга. Вслѣдствіе этого она рѣдко составляетъ себѣ честное и добросовѣстное мнѣніе о такихъ вещахъ, и потому никогда почти не вмѣшивается въ нихъ ради какой-нибудь законной цѣли, а развѣ ради корыстной. Она не знаетъ, да и знать не хочетъ, которая правая сторона въ политикѣ, но знаетъ очень хорошо, что доставитъ семьѣ деньги, приглашенія, что дастъ мужу ея титулы, сыну ея мѣсто или поможетъ дочери сдѣлать хорошую партію.

Но какъ же, спросятъ меня, обществу существовать безъ правительства? Въ семьѣ, какъ и въ государствѣ, надо, чтобы какое-нибудь одно лице было признано правителемъ. Кто же рѣшитъ вопросъ, когда между супругами водворится разногласіе? Оба не могутъ сдѣлать по своему, а прійдти къ какому-нибудь рѣшенію нужно.

Вовсе неправда, что во всякой добросовѣстной ассоціаціи между двумя лицами одному изъ нихъ должно быть безусловнымъ хозяиномъ. Еще менѣе правда то, будто дѣло закона постановить, которое изъ нихъ будетъ хозяиномъ. Личная ассоціація помимо брака чаще всего встрѣчается въ видѣ товарищества по торговымъ дѣламъ и никто до сихъ поръ не ощущалъ надобности въ законѣ, постановляющемъ, чтобы въ каждомъ такомъ товариществѣ одинъ изъ членовъ фирмы пользовался полной властью во всѣхъ дѣлахъ, а другіе были обязаны повиноваться ему. Никто не вступилъ бы въ товарищество на условіяхъ, подвергающихъ его такой же отвѣтственности, какъ и главнаго члена фирмы, но дающихъ ему права и преимущества не больше правъ и преимуществъ простаго агента или конторщика. Если бы законъ относился къ торговымъ ассоціаціямъ такъ, какъ онъ относится къ брачному договору, онъ постановилъ бы, чтобы одинъ членъ фирмы управлялъ общими дѣлами, какъ будто они были исключительно его личными дѣлами; чтобы другіе члены могли дѣйствовать только по его довѣренности; и чтобы этотъ глава фирмы былъ назначенъ въ силу какого-нибудь

общаго положенія, или закона,—ну хоть, пожалуй, по старшинству лѣтъ. Законъ никогда ничего подобнаго не дѣлалъ и опытъ вовсе не доказываетъ необходимости существованія какой-то теоретической неравноправности между членами одной фирмы или другихъ условій товарищества, кромѣ условій, которыми сами товарищи свяжутъ себя по контракту. Между тѣмъ исключительная властъ въ этомъ случаѣ была бы менѣе опасна для правъ и интересовъ подчиненнаго, чѣмъ въ брачномъ товариществѣ, потому что члены торговой фирмы все-таки сохранили бы право свободнаго выхода изъ ассоціаціи; жена же этого права не имѣетъ, а если бы и имѣла — почти всегда желательно, чтобы она испробовала всякія другія мѣры, прежде чѣмъ прибѣгнуть къ этой.

Совершенно справедливо, что вещи, которыя должны рѣшаться каждый день и не могутъ улаживаться постепенно или дожидаться соглашенія, должны зависѣть отъ одной воли, что ими должно распоряжаться одно лице. Но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы неизмѣнно распоряжалось ими ***одно и тоже*** лице. Самое естественное устройство, это—дѣленіе власти между

обоими супругами, такъ, чтобы каждый пользовался неограниченной исполнительной властью по своей части, и чтобы для всякой перемѣны системы или принципа требовалось согласіе обоихъ. Дѣленіе же это не можетъ быть и не должно быть предопредѣлено закономъ, потому что должно зависѣть отъ личныхъ способностей супруговъ. Если бы они пожелали, они могли бы впередъ рѣшить этотъ вопросъ путемъ брачнаго контракта, такъ точно какъ теперь часто рѣшаются денежные вопросы. Рѣдко возникли бы затрудненія въ рѣшеніи подобныхъ вопросовъ обоюднымъ согласіемъ, кромѣ такихъ случаевъ, когда бракъ оказывается однимъ изъ тѣхъ злополучнѣйшихъ союзовъ, при которыхъ каждая мелочь дѣлается поводомъ къ спорамъ и раздору. Дѣленіе правъ само собой послѣдовало бы за дѣленіемъ обязанностей и должностей; а это дѣленіе уже состоялось обоюднымъ согласіемъ во всякомъ случаѣ не по опредѣленію закона, а по общему обычаю, измѣняемому и подлежащему дальнѣйшимъ измѣненіямъ по благоусмотрѣнію заинтересованныхъ лицъ.

Практическое рѣшеніе всякихъ дѣлъ, которому бы изъ супруговъ ни была вручена легальная власть, въ

весьма значительной степени должно зависѣть, какъ и теперь зависитъ, отъ сравнительныхъ способностей каждаго. Тотъ фактъ уже, что мужъ обыкновенно старшій по лѣтамъ, въ большинствѣ случаевъ, дастъ ему перевѣсъ, по крайней мѣрѣ, до тѣхъ поръ, пока оба достигнутъ такой жизненной поры, въ которую различіе въ возрастѣ сглаживается. Кромѣ этого перевѣсъ естественно на сторонѣ того изъ супруговъ, который вноситъ въ хозяйство средства къ пропитанію. Неравенство, истекающее изъ этого обстоятельства, зависитъ вовсе не отъ законовъ о бракѣ, но отъ общихъ условій, которыми управляется общество при его настоящемъ устройствѣ. Вліяніе умственнаго превосходства, общаго или по какой нибудь спеціальности, и большей рѣшительности характера тоже непремѣнно будетъ весьма значительно. Мы это видимъ и теперь, и этотъ фактъ доказываетъ, какъ мало основаній имѣется къ опасенію, чтобы власть и отвѣтственность товарищей по браку, точно также, какъ товарищей по фирмѣ, не могли быть удовлетворительно распредѣлены по взаимному между ними договору. Въ сущности эта власть и отвѣтственность всегда распредѣляются отлично, исклю-

чая совершенно неудачные браки. Дѣло никогда не доходитъ до безусловнаго пользованія властью съ одной стороны и безусловнаго повиновенія съ другой, иначе какъ въ тѣхъ случаяхъ, когда супружество оказалось совершеннымъ промахомъ и когда для обоихъ супруговъ было бы великимъ счастіемъ избавиться отъ него. Нѣкоторые скажутъ, что полюбовное разрѣшеніе разногласій возможно именно вслѣдствіе сознанія, что въ крайнемъ случаѣ имѣется въ запасѣ принудительная легальная власть, такъ точно какъ люди покоряются приговору третейскаго суда потому, что про запасъ есть законный судъ, которому они знаютъ, что могутъ быть вынуждены повиноваться. Но чтобы провести тутъ вѣрную параллель, нужно предположить, что дѣло суда—не разсудить дѣло, а произнести приговоръ всегда въ пользу одной и той же стороны, хотя бы, напр. отвѣтчика. Въ такомъ случаѣ обязанность покориться приговору конечно побудила бы истца согласиться на какой угодно третейскій судъ, но на отвѣтчика имѣло бы какъ разъ противоположное дѣйствіе. Деспотическая власть, которую законъ даетъ мужу, можетъ быть достаточною причиною, чтобы за-

ставить жену согласиться на какую угодно сдѣлку, при помощи которой власть на практикѣ дѣлится между ею и мужемъ; но этой побудительной причины не можетъ существовать для мужа. Слѣдовательно фактъ, что между болѣе или менѣе порядочными людьми на практикѣ всегда существуетъ такая сдѣлка, хотя для одной изъ сторонъ не представляется ни физической, ни нравственной необходимости вступать въ нея, доказываетъ то, что, кромѣ самыхъ исключительно неблагопріятныхъ случаевъ, въ цѣломъ преобладаетъ естественное побужденіе, ведущее къ добровольному улаживанію совокупной жизни двухъ личностей такъ, чтобы обѣимъ было хорошо. Дѣло ужъ конечно не выигрываетъ отъ того, что постановляется закономъ, чтобы зданіе свободнаго управленія воздвигалось непремѣнно на легальномъ фундаментѣ, состоящемъ изъ деспотизма съ одной стороны и полной подчиненности съ другой, и чтобы каждая уступка, которую дѣлаетъ законный деспотъ, могла быть по одному его желанію и безъ всякихъ формальностей взята назадъ. Кромѣ того, что свобода не имѣетъ большой цѣны, когда ею владѣютъ на такихъ шаткихъ основаніяхъ, условія,

которыми она обставлена, едва ли будутъ отличаться особой справедливостью, когда законъ кладетъ такую тяжелую гирю на одну сторону вѣсовъ, когда сдѣлка заключается между двумя личностями, изъ которыхъ одной дается закономъ право на все, а другой не только не дается право ни на что, иначе какъ по доброй волѣ и усмотрѣнію первой, но кромѣ того внушается, какъ сильнѣйшее нравственное и религіозное обязательство — не возмущаться, какъ бы тяжко ни угнетали ее.

Упорный противникъ свободы, доведенный до крайности, быть можетъ скажетъ, что мужья вполнѣ готовы быть умѣренными въ своихъ требованіяхъ и дѣлать всевозможныя уступки своимъ подругамъ, безъ всякаго къ тому принужденія, но что жены-то не раздѣляютъ этой готовности; что если дать имъ собственныя права, онѣ не признаютъ никакихъ правъ за другой стороной и никогда ни въ чемъ не уступятъ мужчинамъ иначе, какъ если мужчины властью своей могутъ принудить ихъ уступить во всемъ. Многіе сказали бы это нѣсколько поколѣній тому назадъ, когда сатиры на женщинъ были въ такой модѣ и мужчины считали признакомъ остроумія ругать женщинъ за то, что

онѣ такія, какими сдѣлали ихъ сами мужчины, но въ наше время не скажетъ этого никто, заслуживающій вниманія и возраженія. Въ наше время уже не въ ходу ученіе, будто женщины менѣе мужчинъ способны къ благороднымъ чувствамъ, къ деликатности и вниманію къ тѣмъ, съ которыми онѣ соединены тѣснѣйшими узами. Напротивъ того, намъ безпрестанно твердятъ, что женщины лучше мужчинъ, и твердятъ намъ это тѣ самые люди, которые положительно несогласны, чтобы законъ отнесся къ нимъ какъ къ существамъ равно достойнымъ, такъ что заявленіе о превосходствѣ женщинъ перешло въ пошлое, общее мѣсто, имѣющее цѣлью подсластить обиду комплиментомъ и весьма похожее на превозношеніе царской милости и мягкосердія, которое, по словамъ Гулливера, царь Лиллипутовъ предпосылалъ своимъ самымъ кровожаднымъ указамъ. Если женщины дѣйствительно чѣмъ нибудь лучше мужчинъ, то это именно способностью къ личному самопожертвованію ради членовъ своей семьи. Но я этому качеству не придаю особенной цѣны до тѣхъ поръ, пока имъ со всѣхъ сторонъ внушаютъ и твердятъ, что онѣ рождены и созданы исключительно для самопожертвованія.

Я полагаю, что равноправіе поуменьшило бы чрезмѣрное, преувеличенное самоотреченіе, составляющее нынѣшній искуственный идеалъ женскаго совершенства и что хорошая женщина сдѣлалась бы не болѣе способной къ самопожертвованію, чѣмъ хорошій мужчина. Но съ другой стороны, мужчины-то сдѣлались бы менѣе себялюбивыми и болѣе способными къ самопожертвованію, чѣмъ теперь, потому что ихъ тогда не учили бы поклоняться собственной волѣ, какъ будто эта воля нѣчто до такой степени прекрасное и великое, что по всѣмъ правамъ должна быть закономъ для другаго разумнаго существа. Мужчины ничему такъ легко не научаются, какъ подобному самообоготворенію: это -- черта, свойственная всѣмъ привелигированнымъ личностямъ, какъ и всѣмъ привелигированнымъ сословіямъ. Чѣмъ ниже спускаемся мы по лѣстницѣ человѣчества, тѣмъ въ сильнѣйшей степени находимъ это чувство, которое всего неистовѣе проявляется въ мужчинахъ, не имѣющихъ никакой надежды когда нибудь стать выше кого бы то ни было, кромѣ несчастныхъ жены и дѣтей. Исключеній тутъ сравнительно меньше, чѣмъ относительно всякой другой человѣческой слабости. Философія и религія, вмѣсто того, чтобы положить этой слабости предѣлъ, обыкновенно защищаютъ ее, и ничто не обуздываетъ ея, кромѣ практическаго здраваго чувства равенства между людьми, составляющаго теорію христіанства, но которое христіанство на практикѣ никогда не будетъ проводить до тѣхъ поръ, пока его именемъ освящаютъ учрежденіе, основанное на предпочтеніи одного человѣческаго существа другому.

Есть безъ сомнѣнія женщины, какъ есть и мужчины, которыхъ равенство никогда не удовлетворитъ и которые не найдутъ покоя, пока будутъ приниматься въ соображеніе чье либо желаніе или воля, кромѣ ихъ желаніи или воли. Про такихъ субъектовъ и писанъ собственно законъ о разводѣ—они годятся только на одинокую жизнь и грѣшно принуждать кого либо изъ людей къ сожительству съ ними. Но въ томъ-то и дѣло, что легальная подчиненность клонитъ скорѣе къ распространенію этой черты между женщинами, чѣмъ къ подавленію ея. Если мужчина пуститъ въ ходъ всю свою власть, то женщина конечно раздавлена; но, если ужъ съ нею обращаются снисходительно и дозволяютъ ей забрать долю власти, нѣтъ правила, полагающаго пре-

дѣлы ея посягательствамъ. Законъ, не опредѣляющій ея правъ, мало того, въ теоріи не признающій за нею никакихъ правъ, тѣмъ самымъ практически заявляетъ, что другой мѣры правъ ея нѣтъ, кромѣ того, что она сможетъ сама себѣ забрать.

Равенство супруговъ предъ закономъ не только есть единственный способъ, при помощи котораго это отношеніе можетъ быть приведено въ согласность съ справедливостью къ обѣимъ сторонамъ и можетъ вести къ обоюдному счастію, но это единственное средство сдѣлать будничную жизнь человѣчества въ высокомъ смыслѣ школой нравственнаго развитія. Хотя этой истины, можетъ быть, не сознаютъ и не признаютъ втеченіе еще нѣсколькихъ поколѣній, но тѣмъ не менѣе вѣрно, что единственная школа дѣйствительнаго, нравственнаго развитія есть сообщество между равными. Нравственное воспитаніе человѣчества до сихъ поръ истекало главнымъ образомъ изъ закона сильнѣйшаго и принаровлено почти исключительно къ отношеніямъ, созданнымъ силой. Въ наименѣе развитомъ состояніи общества люди почти не признаютъ никакихъ отношеній съ равными себѣ—быть равными значитъ быть врагами. Такое общество, съ высшей ступени до низшей, есть длинная цѣпь или, вѣрнѣе, лѣстница, по которой громоздятся люди, такъ, что каждый непремѣнно выше или ниже своего сосѣда и вездѣ, гдѣ не повелѣваетъ, долженъ повиноваться. Существующія правила нравственности, слѣдовательно, главнымъ образомъ приспособлены къ отношеніямъ, выражаемымъ словами: ***власть и повиновеніе***, а между тѣмъ власть и повиновеніе суть только неизбѣжное зло въ человѣческой жизни—нормальное состояніе общества есть равенство между членами его. Уже въ нашей современной жизни власть и повиновеніе дѣлаются исключительными явленіями, а ассоціаціи на равныхъ правахъ—общимъ правиломъ и эта черта все болѣе усиливается по мѣрѣ прогрессивнаго улучшенія нашего быта. Нравственныя понятія и правила первыхъ вѣковъ основывались на обязанности покоряться власти; нравственныя понятія и правила слѣдующихъ затѣмъ вѣковъ—на правѣ слабѣйшаго на защиту и снисхожденіе сильнѣйшихъ. Долго ли еще одному общественному быту удовлетворяться нравственными понятіями и правилами, созданными для другаго? Была пора нравственной обязательности покорности.

Затѣмъ пришла пора нравственной обязательности простой справедливости. Въ предыдущіе вѣка, каждый разъ какъ въ обществѣ дѣлался шагъ къ равенству, справедливость всегда заявляла свои права, какъ единственная основа всякой добродѣтели. Такъ было въ свободныхъ республикахъ древности. Но даже въ лучшихъ изъ этихъ республикъ равенство простиралось не далѣе свободныхъ гражданъ мужскаго пола; рабы, женщины и жители, не получившіе гражданскихъ правъ, подлежали закону сильнѣйшаго. Совокупное вліяніе римской цивилизаціи и христіанства изгладило это различіе въ теоріи (хотя въ практикѣ только отчасти), заявило, что право человѣка, какъ человѣка, выше всѣхъ правъ, даваемыхъ поломъ, сословіемъ или общественнымъ положеніемъ. Преграды, начинавшія было пропадать, были вновь воздвигнуты завоеваніями сѣверныхъ племенъ и вся новѣйшая исторія состоитъ изъ медленнаго процесса постепеннаго уничтоженія ихъ. Теперь мы вступаемъ въ такой порядокъ вещей, при которомъ справедливость снова сдѣлается первою добродѣтелью, основанною, какъ и прежде, на равенствѣ, но съ прибавленіемъ новаго элемента ассоціаціи по симпатіи,

имѣющемъ корень уже не въ инстинктѣ самосохраненія равныхъ, а въ просвѣщенной симпатіи между ними, причемъ никто не будетъ обиженъ и одна мѣра будетъ примѣнена ко всѣмъ. Что человѣчество само ясно не сознаетъ и не предвидитъ предстоящихъ ему измѣненій и что его понятія и чувства все еще приспособлены къ прошлымъ вѣкамъ, а не къ будущимъ — это вовсе не новость. Прозрѣвать будущность нашего рода всегда было преимуществомъ избранниковъ интеллегенціи или людей учившихся у этихъ избранниковъ; усвоить себѣ вполнѣ чувства, принадлежащія этой будущности, всегда было отличительной чертой и обыкновенно мученичествомъ еще болѣе рѣдкихъ избранниковъ. Учрежденія, книги, воспитаніе, общество — все продолжаетъ воспитывать людей по старому, даже когда новое давно уже настало, а тѣмъ болѣе когда оно еще только начинаетъ наставать. Истинное достоинство людей есть способность ихъ жить вмѣстѣ на равныхъ правахъ, не требуя для себя ничего, чего бы они также не предоставляли и всѣмъ другимъ, считая власть какого бы то ни было рода исключительнымъ, если и неизбѣжнымъ зломъ, и, во всякомъ случаѣ, временнымъ, и предпочи-

тая, гдѣ только возможно, сообщество лицъ, между которыми предводительство и подчиненіе являются попеременными и обоюдными. Ничто, въ настоящее время существующее и имѣющее силу учрежденія, не развиваетъ и не разработываетъ этихъ достоинствъ. Семейство есть школа деспотизма, въ которой не только добродѣтели, но и пороки, истекающіе изъ деспотизма, находятъ обильную пищу. Гражданство въ свободныхъ странахъ есть отчасти школа сообщества между равными, но гражданство занимаетъ сравнительно малое мѣсто въ современномъ быту и не касается будничныхъ нравовъ или сокровенныхъ чувствъ. Семейство, устроенное на справедливыхъ основаніяхъ, было бы настоящей школой вѣхъ добродѣтелей, пораждаемыхъ свободою. Оно безъ того непремѣнно будетъ достаточной школой всего остальнаго, напр. школой повиновеній для дѣтей, школой власти для родителей. Что̀ еще требуется, это то, чтобы оно сдѣлалось школой симпатическаго равенства, сожительства съ людьми безъ власти съ одной стороны и повиновенія съ другой. Таковы бы должны быть отношенія между родителями. Тогда отношенія эти вели бы къ упражненію въ тѣхъ добродѣтеляхъ, въ которыхъ каждый нуждается, чтобы подготовиться ко всѣмъ другимъ отношеніямъ. Они сдѣлались бы для дѣтей образцами тѣхъ чувствъ и поступковъ, которые ихъ временное воспитаніе посредствомъ повиновенія должно сдѣлать привычными, а слѣдовательно и естественными для нихъ. Нравственное воспитаніе человѣчества никогда не будетъ принаровлено къ условіямъ жизни, которымъ всякій человѣческій прогресъ служитъ подготовленіемъ, до тѣхъ поръ, пока въ семьѣ не будутъ на практикѣ держаться того же нравственнаго правила, которымъ руководится нормальное устройство человѣческаго общества. Чувство свободы, такое, какимъ оно можетъ существовать въ человѣкѣ, связанномъ самыми короткими и задушевными отношеніями съ существами, надъ которыми онъ безусловный господинъ, все таки еще не есть настоящая любовь къ свободѣ — оно есть только то, чѣмъ вообще было свободолюбіе въ древнихъ и среднихъ вѣкахъ: сильное чувство достоинства и важности собственной личности, заставляющее гнушаться игомъ для себя, вовсе не гнушаясь имъ отвлеченнымъ образомъ, а напротивъ того, при полной готовно-

сти наложить его на другихъ, ради собственнаго интереса и возвеличенія.

Я вполнѣ допускаю (на чемъ собственно и основываются мои надежды), что огромное множество супруговъ, даже при существующихъ законахъ (а въ высшемъ сословіи англійскаго общества, по всей вѣроятности, огромное большинство супруговъ), живутъ въ духѣ справедливаго, законнаго равенства. Законы никогда не совершенствовались бы, если бы не было множества лицъ, нравственное чувство которыхъ лучше и выше существующихъ законовъ. Такія лица должны бы поддерживать проводимыя мною здѣсь начала, единственная цѣль которыхъ—сдѣлать всѣ другія супружества подобными тому, чѣмъ являются нынѣ всѣ такія, практически свободныя и справедливыя супружества. Но люди даже весьма высокаго нравственнаго достоинства, если они вдобавокъ не мыслители, слишкомъ охотно вѣрятъ, что законы или обычаи, зловредность которыхъ они не испытали на себѣ лично, вовсе не причиняютъ никакого зла, даже скорѣе, вѣроятно, полезны, если пользуются, по видимому, общимъ одобреніемъ, и что не слѣдуетъ возставать противъ нихъ. Было бы однако

большой ошибкой со стороны подобныхъ супруговъ воображать, потому что легальное значеніе священныхъ узъ, связывающихъ ихъ, не приходитъ имъ на умъ болѣе раза въ годъ или и того меньше, и потому что они живутъ какъ равные и во всѣхъ отношеніяхъ чувствуютъ себя легально равными, что тоже самое можно сказать о всѣхъ другихъ супругахъ, гдѣ только мужъ не завѣдомо негодяй или злодѣй. Воображать это значитъ не знать ни фактовъ, ни человѣческой природы. Чѣмъ менѣе мужчина годенъ къ власти, чѣмъ менѣе есть вѣроятій, что ему можно будетъ пользоваться ею надъ какимъ бы то ни было лицемъ съ согласія этого лица,—тѣмъ болѣе онъ будетъ дорожить сознаніемъ власти, предоставляемой ему закономъ, тѣмъ болѣе будетъ требовать своихъ легальныхъ правъ до крайнихъ предѣловъ, допускаемыхъ обычаемъ (обычаемъ людей подобныхъ ему же), и тѣмъ болѣе будетъ находить удовольствія въ томъ, чтобы при каждомъ случаѣ выказывать эту власть, единственно, чтобы оживить въ себѣ пріятное сознаніе обладанія ею. Этого мало. Въ наиболѣе скотской отъ природы и нравственно неразвитой части низшихъ сословій легальное рабство, въ

которомъ находится женщина и ея чисто физическое подчиненіе волѣ мужа, какъ орудія къ удовлетворенію его страсти, внушаетъ ему нѣчто въ родѣ неуваженія и презрѣнія къ собственной женѣ, которыхъ онъ не чувствуетъ ни къ одной другой женщинѣ и вообще ни къ одному человѣческому существу, съ которымъ ему приходится имѣть дѣло, вслѣдствіе чего она кажется ему подходящимъ субъектомъ для нанесенія всевозможныхъ обидъ и оскорбленій. Пускай проницательный наблюдатель психологическихъ явленій, пользующійся нужными случаями и удобствами къ наблюденію, самъ разсудитъ, правда это или нѣтъ и, если онъ убѣдится, что правда, пусть не удивляется, послѣ того, что можно почувствовать крайнее отвращеніе и негодованіе противъ учрежденій, ведущихъ прямымъ, естественнымъ путемъ въ такой извращенности человѣческаго ума.

Намъ, можетъ быть, скажутъ, что религія вмѣняетъ въ долгъ повиновеніе: дѣйствительно удобно представлять намъ каждый существующій фактъ, слишкомъ отвратительный, чтобы нашлось въ пользу его какое либо разумное оправданіе, какъ нѣчто внушаемое религіею. Но для честныхъ людей стыдно всякое безобразіе сваливать на христіанство.

Намъ твердятъ, что первые христіане учили женъ повиноваться своимъ мужьямъ. Не они ли учили и рабовъ повиноваться господамъ своимъ? Въ задачу ихъ вовсе не входило, да и несовмѣстно съ ея цѣлью — распространеніемъ христіанства — подстрекать кого бы то ни было къ возмущенію противъ существовавшихъ тогда законовъ. Изъ того, что первые христіане признали общественныя учрежденія въ томъ видѣ, въ какомъ застали ихъ, не слѣдуетъ выводить, чтобы они заранѣе порицали всякую попытку къ своевременному улучшенію этихъ учрежденій, точно также, какъ нельзя сдѣлать изъ ихъ правила считать всякую власть отъ Бога, выводъ — будто они разъ навсегда освящали и одобряли деспотизмъ и признали именно деспотизмъ единственной христіанской формой политическаго управленія или разъ навсегда повѣлевали пассивно покоряться ему. Завѣрять, что христіанство имѣло цѣлью увѣковѣчить существовавшія формы правленія и общества и охранять ихъ отъ измѣненія — значитъ снизводить его на одинъ уровень съ исламизмомъ и брами-

низмомъ. Именно потому, что христіанство этого не сдѣлало, оно сдѣлалось религіей прогрессивной части человѣчества, тогда какъ исламизмъ, браминизмъ и проч. такъ и остались религіями частей человѣчества, пришедшихъ въ застой или вѣрнѣе (такъ какъ настоящаго застоя въ обществѣ быть не можетъ) — въ упадокъ. Было множество людей, во всѣ вѣка христіанства, пытавшихся сдѣлать изъ него нѣчто въ томъ же родѣ, превратить насъ въ какихъ-то христіанскихъ мусульманъ, съ Библіей вмѣсто Корана, точно также запрещающую, будто бы, всякій прогресъ. И эти люди имѣли огромное вліяніе, и многіе должны были пожертвовать жизнію, сопротивляясь имъ. Но сопротивленіе имъ было сдѣлано и это сопротивленіе сдѣлало насъ тѣмъ, чѣмъ мы есть и сдѣлаетъ насъ тѣмъ, чѣмъ мы будемъ.

Послѣ всего сказаннаго мною объ обязательномъ повиновеніи, почти излишне будетъ сказать еще что нибудь о частномъ вопросѣ, заключающемся въ общемъ— о правѣ женщинъ на свою собственность. Напрасно было бы надѣяться, чтобы это сочиненіе произвело какое либо впечатлѣніе на людей, нуждающихся въ доказательствахъ, чтобъ убѣдиться, что заработокъ или

наслѣдіе женщины должно по справедливости принадлежать ей послѣ брака, точно также какъ и до брака. Правило очень простое: все, что принадлежало бы мужу или женѣ, если бы они не вступили въ бракъ, должно оставаться въ исключительномъ распоряженіи того или другой и послѣ вступленія въ него, и супружество не должно мѣшать ни тому, ни другой скрѣпить свое имущество контрактомъ для сохраненія его дѣтямъ. Нѣкоторые люди сантиментально возстаютъ противъ понятія объ отдѣльныхъ денежныхъ интересахъ, какъ положенія несовмѣстнаго съ идеальнымъ сліяніемъ двухъ жизней въ одну. Что меня касается, я одинъ изъ усерднѣйшихъ поборниковъ общности имущества—когда эта общность проистекаетъ изъ полнѣйшаго согласія, доходящаго до того, что все между супругами общее. Но я не питаю особенной слабости къ общности имущества, основанной на ученіи, что „дескать твое—мое, но мое не твое“, и я просилъ бы уволить меня отъ подобнаго товарищества съ кѣмъ бы то ни было, хотя бы выгода была на моей сторонѣ.

Эта несправедливость, наиболѣе изъ всѣхъ очевидная для дюжинныхъ умовъ, можетъ быть устранена нисколь-

ко не трогая другихъ злоупотребленій, и нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что она будетъ устранена ранѣе прочихъ. Во многихъ изъ новыхъ и въ нѣкоторыхъ изъ старыхъ штатовъ Американскаго Союза и теперь уже вставлены новыя статьи въ конституцію, обезпечивающія женщинамъ равноправность въ этомъ отношеніи и тѣмъ значительно улучшающія положеніе въ бракѣ тѣхъ женщинъ, у которыхъ есть собственность, предоставленіемъ имъ хоть одного орудія власти, отъ котораго онѣ не отрекаются вмѣстѣ со своимъ именемъ, и въ тоже время полагающія конецъ вопіющему злоупотребленію бракомъ, совершаемому, когда мужчина заманиваетъ въ него дѣвушку безъ контракта, съ единственною цѣлью завладѣть ея деньгами. Когда пропитаніе семейства доставляется не состояніемъ, а заработкомъ, обыкновенный порядокъ, при которомъ мужъ зарабатываетъ деньги, а жена ведетъ домашній расходъ, кажется мнѣ самымъ подходящимъ раздѣленіемъ труда между супругами. Если сверхъ физическаго страданія дѣторожденія и полной тяжести отвѣтственности за дѣтей и заботы объ ихъ воспитаніи въ раннемъ возрастѣ, жена еще приметъ на себя тщательное и экономное рас-

предѣленіе мужниныхъ заработковъ для общаго благосостоянія семейства, она беретъ себѣ не только цѣлую, но обыкновенно значительно бо́льшую половину умственнаго и физическаго труда, требующагося на ихъ совокупное житье. Если она принимаетъ на себя еще что́ нибудь, она этимъ рѣдко избавляетъ себя отъ этихъ обязанностей, а только мѣшаетъ себѣ исполнять ихъ какъ слѣдуетъ; она отнимаетъ у себя возможность заботиться о дѣтяхъ и хозяйствѣ, а никто другой такъ о нихъ заботиться не станетъ. Тѣ изъ дѣтей, которыя не умираютъ, выростаютъ какъ придется, а хозяйство ведется по всей вѣроятности такъ плохо, что даже съ точки зрѣнія экономіи становится сомнительной польза женинхъ заработковъ. При порядкѣ, основанномъ на полной справедливости, я, поэтому, не считаю желательнымъ, какъ общее правило, чтобы жена увеличивала своими трудами семейный доходъ. При несправедливомъ порядкѣ, трудъ ея можетъ быть полезенъ для нея, увеличивая ей цѣну въ глазахъ ея легальнаго властелина. Но съ другой стороны, онъ даетъ ему еще бо́льшую возможность употребить власть свою во зло, т. е. заставить ее работать и предоставить про-

питаніе семейства ея труду, между тѣмъ какъ самъ онъ посвящаетъ время пьянству и праздности. ***Имѣть возможность заработывать*** деньги—необходимое условіе достоинства женщины, если она не имѣетъ состоянія. Но если бы бракъ былъ договоромъ на равныхъ правахъ, безъ принудительнаго повиновенія съ ея стороны, если бы никто не могъ заставить женщину жить въ супружествѣ, доставляющемъ ей одни бѣдствія, а каждая изъ женщинъ, имѣющая нравственное право разойдтись съ мужемъ, могла бы это сдѣлать легальнымъ образомъ (я говорю не о разводѣ), и если бы въ подобномъ случаѣ всякое честное занятіе было ей также доступно какъ и мужчинамъ—ей не было бы необходимости непремѣнно употреблять способности свои такимъ образомъ во время супружеской жизни. Женщина, выходя замужъ, собственно говоря, уже выбираетъ себѣ родъ занятій, точно также какъ мужчина, выбирающій профессію: о ней можно сказать, что она посвящаетъ себя веденію хозяйства, воспитанію дѣтей, какъ спеціальности, на столько лѣтъ своей жизни, сколько потребуется на это дѣло, и потому отказывается на это время не отъ всякихъ другихъ занятій вообще, но

отъ занятій, помѣшавшихъ бы ей въ исполненіи избранныхъ ею обязанностей. Постоянныя, систематическія занятія внѣ дома при такомъ взглядѣ, сами собою, безъ посторонняго вмѣшательства, не входили бы въ программу большинства замужнихъ женщинъ. Но слѣдовало бы предоставить всевозможный просторъ примѣненію общихъ правилъ къ личнымъ особенностямъ и не должно бы быть никакой помѣхи, препятствующей женщинѣ, которую способности ея исключительно влекутъ къ тому или другому роду занятій, слѣдовать своему призванію, не смотря на бракъ, причемъ всегда найдется способъ какъ нибудь иначе уладить неудобства, которыя неизбѣжно вкрадутся въ семью и въ хозяйство, вслѣдствіе неполнаго исполненія ею простыхъ обязанностей хозяйки и матери семейства. Всѣ эти вопросы, если бы только общественное мнѣніе взглянуло на нихъ какъ слѣдуетъ, можно бы безъ малѣйшей опасности предоставить собственному рѣшенію заинтересованныхъ лицъ, безъ всякаго вмѣшательства закона.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Что̀ касается другаго пункта, входящаго въ вопросъ о равноправности женщинъ, т. е. допущенія ихъ ко всѣмъ должностямъ и занятіямъ, до сихъ поръ составлявшимъ монополію сильнѣйшаго пола, мнѣ едва ли трудно будетъ внушить свое убѣжденіе тѣмъ изъ моихъ читателей, которые согласились съ моимъ мнѣніемъ о равенствѣ женщинъ въ семействѣ. Мнѣ кажется, что женщинъ такъ упорно отстраняютъ отъ всякой другой дѣятельности только для того, чтобы удержать ихъ въ повиновеніи въ домашней жизни, потому что большинство мужчинъ еще никакъ не можетъ свыкнуться съ мыслью, что можно жить съ равнымъ себѣ существомъ. Если бы не это, я думаю, что, при существующемъ настроеніи общественнаго мнѣнія по части политики и общественной экономіи, признали бы несправедливымъ отстраненіе цѣлой половины человѣческаго рода отъ большинства прибыльныхъ занятій и почти всѣхъ общественныхъ должностей, вслѣдствіе постановленія съ самаго рожденія ихъ, что такія-то существа не годятся и никакимъ образомъ никогда не могутъ сдѣлаться годными къ занятіямъ, къ которымъ законъ допускаетъ самыхъ глупыхъ и самыхъ гнусныхъ членовъ другаго пола, или что, какъ бы онѣ ни были годны къ этимъ занятіямъ, все-таки допущены къ нимъ не будутъ, для того, чтобы приберечь всѣ такія занятія въ цѣлости исключительно въ пользу мужчинъ. Въ послѣдніе двѣсти лѣтъ, когда случалась надобность (случалась она впрочемъ очень рѣдко) оправдать какими нибудь доводами отстраненіе женщинъ отъ общественной дѣятельности, причиной такого отстраненія весьма рѣдко приводили низшій, будто бы, уровень ихъ умственныхъ способностей, потому что въ такія времена, когда личныя способности повѣрялись въ состязаніяхъ политической жизни (отъ которыхъ не всѣ женщины были отстраняемы), никто въ сущности не вѣрилъ, чтобы онѣ были умомъ ниже женщинъ. Причиною приводилась не неспособность ихъ, а польза общества, т. е. другими сло-

вами, интересы мужчинъ—точно также, какъ такъ называемыя „высшія государственныя соображенія,“ *raison d'état*, равнявшіяся просто удобствамъ правительства и сохраненію существующихъ властей, считались совершенно достаточнымъ объясненіемъ и оправданіемъ самыхъ вопіющихъ несправедливостей и даже преступленій. Въ нынѣшнее время высшая власть выражается не такъ рѣзко и если кого нибудь притѣсняетъ, то непремѣнно подъ видомъ того, что это необходимо для собственнаго блага притѣсняемаго. И потому, что̀ бы ни воспрещалось женщинамъ, ихъ увѣряютъ и стараются сами вѣрить, что онѣ къ тому неспособны и что, домогаясь того, онѣ уклоняются отъ пути къ истинному своему счастію и благоденствію. Но, чтобы доводъ этотъ сколько нибудь выдерживалъ критику (я уже не говорю, чтобы онъ былъ дѣйствительно состоятельнымъ), люди, проводящіе его, должны бы доводить его гораздо далѣе, чѣмъ кто либо осмѣливается это сдѣлать въ виду всѣхъ существующихъ взглядовъ на вещи. Пожалуй, можно утверждать, что женщины въ цѣломъ менѣе богато мужчинъ надѣлены нѣкоторыми изъ высшихъ умственныхъ способностей, или, что меньшее число женщинъ противъ мужчинъ годятся на занятія и должности высшаго умственнаго разряда. Но этого мало, нужно еще заявить и доказать, что ***вовсе нѣтъ*** женщинъ годныхъ на такія занятія и что самыя замѣчательныя женщины стоятъ ниже по своимъ умственнымъ способностямъ самыхъ посредственныхъ изъ мужчинъ, нынѣ исправляющихъ подобныя должности. Ясно, что если выборъ лица для извѣстной должности будетъ рѣшенъ путемъ конкуренціи, или всякимъ другимъ способомъ, обезпечивающимъ интересы общества, нечего и бояться, чтобы должности поважнѣе попали въ руки женщинъ, стоящихъ ниже средняго уровня мужчинъ, или посредственныхъ конкурентовъ мужескаго пола. Единственный результатъ вышелъ бы тотъ, что женщинъ явилось бы меньше мужчинъ кандидатками на подобныя занятія. Этотъ результатъ во всякомъ случаѣ неминуемъ уже потому одному, что большинство женщинъ все-таки во всякомъ случаѣ предпочтетъ всѣмъ другимъ призваніе, въ которомъ онѣ не имѣютъ конкурентовъ. Самый упорный, завзятый хулитель женщинъ не рѣшится отрицать, чтобы женщины—и не нѣсколько женщинъ, а очень многія, если прибавить опытъ новѣйшихъ временъ

къ опыту прошедшихъ вѣковъ — способны дѣлать все безъ исключенія, что̀ дѣлаютъ мужчины, и дѣлать это съ успѣхомъ и съ честью для себя. Самое большое, что̀ можно противъ нихъ сказать, это то, что есть многія вещи, которыя еще ни одной женщинѣ не удалось дѣлать такъ хорошо, какъ дѣлали ихъ нѣкоторые—весьма немногіе—изъ мужчинъ, и что есть вещи, въ которыхъ онѣ еще не достигли до самой высшей степени совершенства. Но весьма мало вещей, обусловливаемыхъ единственно умственными способностями, въ которыхъ онѣ не достигли бы первой степени вслѣдъ за высшей. Развѣ этого не довольно, и не гораздо болѣе, чѣмъ довольно, чтобы доказать, что воспрещеніе имъ конкурировать съ мужчинами по части подобныхъ занятій есть вопіющая несправедливость относительно ихъ и положительный убытокъ для общества? Не будетъ ли избитою, пошлою истиною, если мы скажемъ, что подобныя должности часто исправляются мужчинами гораздо менѣе годными къ нимъ, чѣмъ множество женщинъ,—мужчинами, которыхъ женщины за поясъ заткнули бы при малѣйшей возможности безпристрастной свободной конкуренціи? Что изъ того, что ***можетъ быть***, ***гдѣ нибудь***, есть мужчины, посвятившіе себя совершенно другой дѣятельности, которые, опять-таки ***можетъ быть***, были бы еще болѣе годны къ этимъ занятіямъ, чѣмъ женщины, вступившія въ конкуренцію? Развѣ этого не бываетъ со всякаго рода конкуренціей? И неужели имѣется ужъ такой огромный избытокъ мужчинъ, годныхъ къ занятіямъ высшаго разряда, чтобы общество такъ-таки могло брезгать услугами лицъ, обладающихъ всѣми условіями для исполненія ихъ, только потому, что лица эти женщины. Неужели мы ужъ такъ увѣрены въ томъ, что всегда найдется мужчина, точно созданный для важной въ общественномъ отношеніи должности или вакантнаго мѣста, что ничего не теряемъ, налагая воспрещеніе на цѣлую половину человѣческаго рода и заранѣе бракуя услуги и способности этой половины, какъ бы высоки и замѣчательны онѣ ни были? И даже, если бы мы могли обойдтись безъ нихъ, согласно ли со справедливостью имъ-то отказывать въ слѣдующей имъ долѣ почестей и отличій, и въ равномъ нравственномъ правѣ, принадлежащемъ всѣмъ людямъ, выбирать себѣ занятіе (лишь бы не въ ущербъ другимъ) на собственный рискъ и по собствен-

ному вкусу? Несправедливость тутъ, сверхъ того, простирается не на однихъ женщинъ — отъ нея страдаютъ и всѣ тѣ лица, которыя могли бы имѣть пользу отъ ихъ услугъ. Постановить, что изъ извѣстнаго разряда лицъ никогда не будетъ докторовъ, адвокатовъ или членовъ парламента, значитъ обидѣть не только этихъ лицъ, но и всѣхъ кому нужны доктора, адвокаты или члены парламента, потому что нуждающихся въ таковыхъ лишаютъ выгодъ, которыя представляетъ благотворное вліяніе обширной конкуренціи на старанія конкурентовъ, да кромѣ того, ограничиваютъ выборъ ихъ болѣе тѣснымъ кругомъ.

Приступая къ подробному разбору поставленнаго мною вопроса, быть можетъ будетъ достаточно, если я стану говорить объ однѣхъ общественныхъ должностяхъ, такъ какъ, если мнѣ удастся доказать основательность моихъ мнѣній въ отношеніи къ этимъ должностямъ, вѣроятно затѣмъ уже само собою будетъ признано, что женщину слѣдуетъ допустить и до всякихъ другихъ занятій какого бы то рода ни было. Начну съ такой должности, которая рѣзко отличается отъ всѣхъ другихъ, и право женщинъ на которую остается совершенно

въ сторонѣ отъ всякаго спора на счетъ ихъ бо́льшихъ или меньшихъ способностей, а именно—съ права пользоваться избирательнымъ голосомъ и участвовать въ выборахъ какъ въ парламентъ, такъ и въ мѣстныя должности. Право участвовать въ выборѣ лицъ, которымъ ввѣряется отъ общества завѣдываніе его интересами, — совсѣмъ другое дѣло, чѣмъ право являться кандидатомъ на самую должность. Если бы никто не имѣлъ права участвовать въ выборѣ члена парламента, кромѣ лицъ, могущихъ сами быть кандидатами въ члены парламента, составъ избирателей былъ бы черезчуръ уже невеликъ. Имѣть право подавать голосъ, когда дѣло идетъ о выборѣ лицъ, долженствующихъ управлять подающими его, это—средство къ самосохраненію, на которое имѣетъ право каждый человѣкъ, хотя бы ему во вѣки вѣковъ не пришлось участвовать самому въ управленіи. Что женщинъ считаютъ годными и способными участвовать въ подобномъ выборѣ, можно предположить изъ того факта, что законъ и теперь предоставляетъ имъ это право въ вопросѣ наиболѣе важномъ изъ всѣхъ для нихъ самихъ: выборъ мужчины, долженствующаго управлять женщиной до конца ея или его жизни, всегда

предполагается, что сдѣланъ добровольно ею самой. Въ дѣлѣ выбора на общественныя должности, обязанность конституціоннаго закона — окружить права избирателей всѣми нужными гарантіями и ограниченіями. Но все-таки не требуется никакихъ гарантій противъ женщинъ кромѣ тѣхъ, которыя признаются достаточными противъ мужчинъ. При какихъ бы условіяхъ и въ какихъ бы предѣлахъ мужчинъ ни допускали къ участію въ выборахъ, нѣтъ и тѣни разумнаго основанія, почему бы не допускать женщинъ къ такому же участію. Большинство женщинъ каждаго сословія едва ли можетъ держаться различныхъ политическихъ мнѣній отъ большинства мужчинъ того же сословія, исключая такіе случаи, гдѣ дѣло идетъ о вопросѣ, касающемся прямыхъ интересовъ собственно женщинъ; а въ такихъ вопросахъ женщины и подавно должны имѣть право подавать голосъ. Это — гарантія, которую общество по справедливости обязано имъ предоставлять. Эта часть моего разсужденія должна быть совершенно ясною, даже для людей, несогласныхъ ни съ однимъ изъ прочихъ отстаиваемыхъ мною мнѣній. Если бы даже каждая женщина была женою, а каждая жена, по закону — рабою,

тѣмъ болѣе рабы эти нуждались бы въ покровительствѣ закона. А мы, кажется, знаемъ какого рода покровительство законъ даетъ рабамъ тамъ, гдѣ онъ писанъ ихъ владѣльцами.

Что̀ касается годности женщинъ не только участвовать въ выборахъ, но самимъ исправлять должности или профессіи, сопряженныя съ значительною отвѣтственностью предъ обществомъ, я уже замѣтилъ, что этотъ вопросъ не имѣетъ существенной важности относительно обсуждающагося въ настоящую минуту практическаго вопроса, такъ какъ каждая женщина, съ успѣхомъ исполняющая какое нибудь дѣло, этимъ самымъ доказываетъ, что она къ нему годна. А тамъ, гдѣ дѣло касается общественныхъ должностей, если политическая система, которою управляется государство, составлена такъ, чтобы отстранять отъ нихъ негодныхъ къ нимъ мужчинъ, та же система точно также отстранитъ и негодныхъ къ нимъ женщинъ. Если же система не такъ хорошо составлена, то лишняго зла не выйдетъ: не все-ли равно къ какому полу принадлежитъ негодное къ занимаемой имъ должности лице? Слѣдовательно, пока будетъ признаваемо, что хотя немногія женщины могутъ

годиться на эти должности, законы, отстраняющіе отъ нихъ эти, хотя бы исключительныя, личности не могутъ быть оправдываемы никакими мнѣніями касательно способностей женщинъ вообще. Но хотя это соображеніе не имѣетъ особенной важности, оно далеко не лишено всякаго значенія. Если отнестись къ нему безъ предразсудковъ, подобный взглядъ придастъ много вѣса доводамъ противъ устраненія женщинъ отъ большей части занятій и представитъ въ пользу ихъ много практическихъ соображеній.

Оставимъ пока въ сторонѣ всякія психологическія разсужденія, имѣющія цѣлью доказать, что умственныя различія, существующія будто бы между женщинами и мужчинами, суть ничто иное, какъ естественный результатъ различій въ ихъ воспитаніи и обстановкѣ, и не указываютъ на радикальное различіе въ натурахъ, а тѣмъ менѣе на радикальныя низшія свойства въ женской натурѣ. Будемъ смотрѣть на женщинъ такихъ, какія онѣ есть и были, по доставшимся намъ свѣдѣніямъ; будемъ разбирать только тѣ способности, которыя онѣ уже проявили на практикѣ. То, что онѣ уже дѣлали, онѣ, стало быть, могутъ дѣлать — въ чемъ другомъ, а ужъ въ этомъ, кажется, сомнѣваться нельзя. Если принять къ свѣдѣнію, что воспитаніе не только не направляло способностей ихъ къ занятіямъ или цѣлямъ, предоставляемымъ мужчинамъ, а напротивъ, всегда тщательно отклоняло ихъ отъ этихъ занятій и цѣлей, ясно будетъ, что я ставлю вопросъ на весьма непретендательную почву, основываясь единственно на томъ, что онѣ дѣйствительно уже совершили. Въ этомъ случаѣ отрицательныя доказательства почти ничего не значатъ, за то положительныя доказательства рѣшаютъ вопросъ. Еще нельзя выводить такого заключенія, будто невозможно, чтобы женщина когда нибудь сдѣлалась Гомеромъ, Аристотелемъ, Микель-Анджело, Бетговеномъ, изъ того, что ни одна женщина до сихъ поръ не производила ничего подобнаго произведеніямъ этихъ великихъ мастеровъ по части ихъ искуства. Этотъ отрицательный фактъ только оставляетъ вопросъ нерѣшеннымъ и подлежащимъ психологическому разбору. За то совершенно вѣрно, что женщина можетъ быть королевой Елисаветой, или Іоанной д'Аркъ, или Екатериной Великой, потому что это положеніе основано не на гипотезахъ, а на фактахъ. Любопытно, что за тѣ самыя

вещи, за которыя законъ запрещаетъ браться женщинамъ, онѣ положительно доказали, что могутъ и умѣютъ браться. Нѣтъ закона, мѣшающаго женщинѣ быть авторомъ цѣлаго собранія драматическихъ произведеній, равняющихся произведеніямъ Шекспира или цѣлаго репертуара оперъ, неуступающихъ операмъ Моцарта; но королевѣ Елисаветѣ, не унаслѣдуй она престола, не было бы дано ни малѣйшей доли политическихъ обязанностей, въ исправленіи которыхъ она выказала себя равною величайшимъ правителямъ.

Если можно что̀ нибудь вывести изъ опыта безъ помощи психологическаго анализа, то выводъ этотъ покажетъ, что предметы, отъ которыхъ женщинъ отстраняетъ законъ, — суть именно тѣ самые предметы, къ которымъ онѣ наиболѣе способны. Призваніе ихъ къ управленію и администраціи успѣло выказаться и обратить на себя вниманіе, не смотря на крайне малочисленные случаи, достававшіеся на долю ихъ, тогда какъ по части занятій, по видимому, ничѣмъ невозбраняемыхъ имъ, онѣ далеко не такъ отличились. Мы знаемъ, какъ мало примѣровъ дѣйствительно царствовавшихъ государынь представляетъ намъ исторія сравнительно съ числомъ государей: изъ этого небольшаго числа значительное большинство выказало положительный талантъ къ государственной администраціи, хотя многія всходили на престолъ въ тяжкія политическія годины. Сверхъ того замѣчательно, что всѣ эти государыни отличались достоинствами какъ разъ противоположными воображаемымъ и условнымъ свойствамъ женскаго характера. Онѣ прославились столько же своею твердостью и энергіей въ управленіи, сколько и благоразуміемъ. Если къ королевамъ и императрицамъ мы прибавимъ женщинъ, бывшихъ регентшами, то списокъ женщинъ, отличившихся въ качествѣ правительницъ, достигнетъ значительныхъ размѣровъ (¹). Этотъ фактъ до того неоспоримъ, что

(¹) Это замѣчаніе въ особенности вѣрно, если принять въ расчетъ не только Европу, но и Азію. Если индусское княжество управляется бдительно, экономно, если въ предѣлахъ его охраняется порядокъ безъ притѣсненій, если земледѣліе процвѣтаетъ въ немъ и народъ благоденствуетъ — въ трехъ случаяхъ изъ четырехъ оказывается, что княжествомъ управляетъ женщина. Этотъ фактъ, поразившій меня своею неожиданностью, я вызналъ изъ долгаго офиціальнаго знакомства съ индусскими правительствами. Такихъ случаевъ много, потому что, хотя по индусскимъ законамъ,

кто-то еще очень давно пытался обратить эту, всѣми признанную, истину въ лишнее оскорбленіе для женщинъ, замѣтивъ, что государыни потому лучше государей, что при государяхъ власть бываетъ въ рукахъ женщинъ, а при государыняхъ—въ рукахъ мужчинъ.

Возражать на плохую шутку можетъ показаться лишней тратой времени и труда, но что же дѣлать, если подобные пустяки имѣютъ серіозное вліяніе на многіе умы,—а я самъ слыхалъ, какъ нѣкоторые господа приводили эту поговорку съ видомъ, ясно показывавшимъ, что они считаютъ ее замѣчательно умною.

женщина не можетъ царствовать, она законная регентша во все время малолѣтства наслѣдника престола. Малолѣтнихъ же государей чрезвычайно много, вслѣдствіе того, что жизнь взрослыхъ государей такъ часто безвременно прекращается насиліемъ или послѣдствіемъ праздности и чувственныхъ излишествъ. Если принять въ соображеніе, что эти государыни никогда публично не являются, никогда не говорили ни съ однимъ мужчиною, непринадлежавшимъ къ ихъ семьѣ, иначе какъ изъ-за занавѣси, что онѣ не умѣютъ читать, а если бы и умѣли, то нѣтъ книгъ на ихъ языкѣ, могущихъ дать имъ малѣйшее понятіе о политическихъ дѣлахъ—насъ поразитъ представляемый ими примѣръ врожденной способности женщинъ къ правительственнымъ должностямъ.

Во всякомъ случаѣ она послужитъ не хуже чего нибудь другаго точкой отправленія для разсужденія. И такъ, первое дѣло, заявленіе, будто при государяхъ государствами управляли женщины — не вѣрно. Такіе случаи принадлежатъ къ числу полнѣйшихъ исключеній, а слабохарактерные государи надѣлали столько же зла, благодаря вліянію своихъ фаворитовъ, какъ и фаворитокъ. Если государемъ управляетъ женщина, исключительно раздражая его чувственность, разумѣется нѣтъ вѣроятія, чтобы онъ хорошо управлялъ государствомъ, хотя и тутъ бывали исключенія. Исторія Франціи представляетъ намъ примѣры двухъ королей, добровольно предоставившихъ завѣдываніе государственными дѣлами, въ теченіе многихъ лѣтъ, одинъ своей матери, другой — своей сестрѣ. Одинъ изъ этихъ королей, Карлъ VIII, былъ почти ребенкомъ, но, поступая такимъ образомъ, исполнялъ желаніе отца своего, Лудовика XI, умнѣйшаго изъ государей своего вѣка; другой, Лудовикъ IX, причисленный къ лику святыхъ, былъ не только лучшій, но и одинъ изъ самыхъ энергическихъ правителей со временъ Карла Великаго. Какъ мать его Бланка Кастильская, такъ и сестра Карла VIII

Анна Бретаньская управляли Франціею такъ, что съ ними не сравнится ни одинъ государь изъ ихъ современниковъ. Императоръ Карлъ V, величайшій политикъ своего времени, располагавшій такимъ числомъ способнѣйшихъ людей, какое рѣдкіе государи имѣли въ своемъ распоряженіи, и менѣе всякаго другаго способный пожертвовать своими интересами личному чувству, сдѣлалъ двухъ принцессъ своего семейства, одну за другою, намѣстницами Нидерландовъ, и то одну, то другую держалъ въ этомъ званіи во всю свою жизнь (впослѣдствіи за ними послѣдовала еще третья). Обѣ онѣ управляли Нидерландами съ большимъ успѣхомъ, и одна изъ нихъ, Маргарита Австрійская, оказалась одаренною замѣчательными политическими способностями. Это одна сторона вопроса. Теперь обратимся къ другой. Говоря, что при государыняхъ власть обыкновенно бываетъ въ рукахъ мужчинъ, въ томъ ли же смыслѣ говорятъ это какъ и то, что при государяхъ она бываетъ въ рукахъ женщинъ, т. е. въ томъ ли смыслѣ, что государыни избираютъ своими государственными орудіями лицъ, пользующихся ихъ личнымъ расположеніемъ? Это случается рѣдко, даже съ тѣми государынями, которыя

также мало стѣсняются въ этомъ отношеніи, какъ нѣкоторыя извѣстныя государыни, и то не въ этихъ случаяхъ оказывается благоуправленіе, которое приписывается мужскому вліянію. И такъ, если вѣрно, что администрація попадаетъ въ лучшія мужскія руки при государынѣ, чѣмъ при посредственномъ государѣ, то стало быть у государынь больше способности выбирать свои орудія, и женщины, значитъ, болѣе мужчинъ годятся въ званія государя и перваго министра, такъ какъ главное дѣло перваго министра не состоитъ въ томъ, чтобы самому управлять, а въ томъ, чтобы подыскивать наиболѣе подходящихъ лицъ для завѣдыванія разными отдѣлами государственныхъ дѣлъ. Быстрое пониманіе характера, составляющее одно изъ общепризнанныхъ превосходствъ женщинъ надъ мужчинами, при большемъ или меньшемъ равенствѣ другихъ условій, непремѣнно должно дѣлать ихъ болѣе мужчинъ способными къ выбору дѣятелей, въ чемъ заключается почти главная задача каждаго, кому приходится управлять людьми. Даже безнравственная Екатерина Медичи умѣла цѣнить канцлера Лопиталя. Съ другой стороны, вѣрнѣе всего, что великія государыни большею

частію были велики, благодаря собственной способности управлять и имѣли хорошихъ слугъ именно вслѣдствіе этого. Онѣ не выпускали изъ рукъ верховнаго присмотра за дѣлами и если внимали хорошимъ совѣтамъ, тѣмъ самымъ всего болѣе доказывали свою способность справляться съ труднѣйшими правительственными вопросами.

Благоразумно ли полагать, что лица, оказавшіяся годными къ высшимъ политическимъ должностямъ, не могутъ справиться съ низшими? Есть ли какая нибудь причина, по которой жены, сестры и дочери государей могутъ, когда дойдетъ до нихъ наслѣдственная очередь, быть признаваемы столько же компетентными на правительственное дѣло, какъ и сами государи, но жены, сестры и дочери государственныхъ людей, администраторовъ, директоровъ разныхъ компаній, начальниковъ разныхъ общественныхъ учрежденій, неспособны дѣлать того, что дѣлаютъ ихъ мужья, братья и отцы? Причина есть, и весьма простая: сестрамъ, женамъ и дочерямъ государей, поставленнымъ своимъ званіемъ выше большинства мужчинъ, не смотря на свой полъ, никогда не внушали, что имъ неприлично заниматься по-

литикой. Имъ съ дѣтства дозволяется принимать участіе, естественное для всякаго развитаго человѣка, въ великихъ дѣлахъ, совершающихся вокругъ нихъ и въ которыхъ имъ, можетъ быть, когда нибудь придется играть роль. Женщины, принадлежащія къ царствующимъ домамъ, единственныя, которымъ предоставляется такая же обширная сфера интересовъ и такая же свобода развитія какъ и мужчинамъ — потому-то онѣ и не оказываются нисколько ниже мужчинъ. Вездѣ, гдѣ правительственныя способности женщины были испытаны и соразмѣрно тому, на сколько онѣ были испытаны, женщины оказывались, въ случаѣ надобности, хорошими правительницами.

Этотъ фактъ вполнѣ согласуется съ наилучшими общими выводами, на которые указываютъ скудные выводы опыта на счетъ особенныхъ стремленій и способностей, характеризующихъ женщинъ, — такихъ, какими онѣ были до сихъ поръ; я не говорю о томъ, какими онѣ будутъ, потому что, какъ говорилъ уже не разъ, считаю за излишнюю самонадѣянность, если кто возьмется рѣшить, что такое въ сущности женщины, чѣмъ онѣ могутъ быть или не могутъ быть по своимъ врож-

деннымъ свойствамъ. Ихъ до сихъ поръ держали въ такомъ неестественномъ состояніи относительно самостоятельнаго развитія, что природа ихъ волей-неволей значительно искажена и замаскирована, и никто не можетъ съ увѣренностію рѣшить, была ли бы существенная разница, или даже какая нибудь разница, между характерами и способностями, которые развернулись бы, если бы женской натурѣ дали такую свободу выбирать себѣ направленіе какъ и мужской, если бы не навязывали ей никакого искуственнаго склада — кромѣ склада неминуемо требуемаго условіями всякаго человѣческаго общества и стѣсняющими оба пола одинаково. Я на слѣдующихъ страницахъ докажу, что даже наименѣе подлежащія спору различія, нынѣ существующія, весьма легко могли быть порождены единственно обстоятельствами и обстановкой, безъ всякаго различія въ природныхъ свойствахъ. Но глядя на женщинъ такихъ, какими ихъ показываетъ намъ опытъ, можно о нихъ сказать съ большей достовѣрностью, нежели какой обыкновенно отличаются всякія обобщенія, что ихъ наклонности и способности вообще тянутъ ихъ къ практической сторонѣ жизни. Это наблюденіе вполнѣ согласуется

со всѣмъ, что представляетъ намъ исторія извѣстныхъ женщинъ въ прошедшемъ и настоящемъ и точно также подтверждается ежедневнымъ будничнымъ опытомъ. Разберемъ поподробнѣе свойства умственныхъ способностей, наиболѣе характеризующихъ даровитую женщину. Всѣ эти способности именно такого рода, что дѣлаютъ ее годной къ практической жизни и внушаютъ ей къ ней наклонность. Что собственно значитъ способность женщины „понимать вещи чутьемъ?“ Это значитъ быстрое и вѣрное пониманіе существующихъ фактовъ. Эта способность ничего общаго не имѣетъ съ общими принципами. Никто никогда не постигъ ни одного научнаго закона природы посредствомъ чутья и чутьемъ не доходилъ до общихъ правилъ долга и благоразумія. Это — результаты медленнаго и тщательнаго собиранія и сличенія опытовъ; и по этой части рѣдко отличаются мужчины или женщины, одаренные особеннымъ чутьемъ — развѣ только опыты эти такіе, которые они могутъ сами собирать, потому что такъ называемое чутье есть такое качество, которое въ особенности даетъ способность собирать общія истины, могущія быть выводимы изъ личныхъ наблюденій. Поэтому если жен-

щинѣ случится запастись результатами чужой опытности посредствомъ чтенія и воспитанія (слово *случится* я употребляю умышленно, потому что во всемъ, что касается знаній, приспособляющихъ ихъ къ болѣе широкимъ жизненнымъ интересамъ, образованными бываютъ лишь тѣ женщины, которыя сами себя образуютъ), она имѣетъ въ большей степени, чѣма вообще мужчины, необходимыя данныя для искуснаго и успѣшнаго приложенія своихъ знаній къ практикѣ. Мужчины, много учившіеся, легко впадаютъ въ непониманіе дѣйствительныхъ фактовъ: въ тѣхъ фактахъ, съ которыми они по своей части постоянно возятся, они не видятъ того, что̀ дѣйствительно въ нихъ есть, и видятъ то, что̀ наука заставила ихъ искать въ нихъ. Въ эту ошибку рѣдко впадетъ умная женщина: ее охраняетъ отъ нея чутье. При равной опытности и равныхъ вообще способностяхъ, женщины обыкновенно гораздо лучше мужчинъ видятъ то, что̀ непосредственно предъ глазами — а вѣдь эта отзывчивость на настоящее, на дѣйствительно существующее, есть главное качество, которымъ обусловливается способность къ практикѣ въ противоположность къ теоріи. Открытіе великихъ общихъ принциповъ принадлежитъ области умосозерцательныхъ способностей, толковое же различіе отдѣльныхъ случаевъ, къ которымъ принципы эти приложимы или неприложимы, составляетъ практическій талантъ и именно этимъ талантомъ — женщины такія, какія онѣ есть въ настоящее время — оказались въ высокой степени одаренными. Я согласенъ, что хорошей практики безъ принципа не можетъ быть и что обладаніе, въ числѣ способностей женщины, быстроты наблюденія дѣлаетъ ее способною выводить опрометчивыя общія правила изъ однихъ своихъ личныхъ наблюденій, хотя въ тоже время даетъ ей возможность съ неменьшей ловкостью исправлять ошибки своихъ обобщеній по мѣрѣ того, какъ кругъ наблюденій ея становится обширнѣе. Но вѣдь средство противъ этого недостатка имѣется подъ рукою; это — свободный доступъ къ опыту всего человѣческаго рода, т. е. общее знаніе — то самое, что̀ всего лучше даетъ образованіе. Ошибки женщинъ совершенно сходны съ ошибками даровитаго мужчины-самоучки, который часто видитъ то, чего не видятъ люди выросшіе въ рутинѣ, но съ другой стороны впадаетъ въ нѣкоторыя ошибки отъ незнанія вещей давно извѣстныхъ. Раз-

умѣется онъ пріобрѣлъ значительную долю извѣстнаго знанія, иначе онъ бы совсѣмъ не могъ двинуться съ мѣста, но то, что̀ онъ узналъ, онъ узналъ урывками какъ и гдѣ попалось — именно такъ, какъ собираетъ свои свѣденія женщина.

Но это тяготѣніе женскаго ума къ настоящему, къ дѣйствительности, къ существующему факту, если по своей исключительности порождаетъ нѣкоторыя ошибки, за то въ тоже время въ высшей степени полезно, какъ противодѣйствіе противъ ошибокъ противоположнаго разряда. Главное и самое характеристическое заблужденіе созерцательныхъ умовъ состоитъ именно въ недостаткѣ живаго пониманія и постоянно присущаго сознанія объективнаго факта. Вслѣдствіе этого недостатка такіе умы не только часто пропускаютъ мимо глазъ противорѣчіе, въ которое факты становятся съ ихъ теоріями, но совершенно выпускаютъ изъ виду законныя цѣли мышленія и позволяютъ своей мысли заноситься и блуждать въ областяхъ, населенныхъ не настоящими существами, живыми или не живыми или даже идеализированными, а какими-то воплощенными тѣнями, созданными иллюзіями метафизики или просто

путаницей словъ и воображаютъ, что эти-то тѣни—настоящіе предметы высшей, въ полномъ смыслѣ трансцендентальной философіи. Для мужчины, всецѣло преданнаго теоріи и мышленію, который занимается не собираніемъ матеріаловъ къ знанію путемъ наблюденій, или разработкой матеріаловъ процесомъ мышленія въ обширныя, многообъемлющія научныя истины и законы жизни, ничтò не можетъ быть полезнѣе, какъ совершать мыслительный трудъ въ обществѣ и подъ критическимъ надзоромъ истинно умной женщины. Такой надзоръ неоцѣнимъ для него. Это — единственное, что̀ удерживаетъ его мысли въ предѣлахъ дѣйствительности и существующихъ въ природѣ фактовъ. Женщина рѣдко увлекается въ погонѣ за отвлеченностью. По обычному складу ума своего, она смотритъ на вещи скорѣе какъ на единицы, чѣмъ какъ на составляющія группы, и принимаетъ наиболѣе живое участіе въ настоящихъ чувствахъ личностей, вслѣдствіе чего каждый разъ, какъ нужно что нибудь приложить къ практикѣ, она прежде всего думаетъ о томъ, какъ это подѣйствуетъ на личности—и эти два свойства вообще мѣшаютъ ей относиться съ особенной вѣрою къ выводамъ

мысли, теряющей изъ виду индивидуумовъ и смотрящей на вещи какъ будто онѣ существуютъ для блага какого-то воображаемаго существа, какого-то созданія мозга, никогда не превращающагося въ живыхъ существъ. Женское мышленіе потому чрезвычайно полезно, что придаетъ дѣйствительность бреднямъ мыслящихъ мужчинъ, а мужское мышленіе полезно тѣмъ, что расширяетъ и придаетъ крупность женскому. Что̀ касается глубины въ противопоставленіи къ ширинѣ мысли, я сильно сомнѣваюсь, уступаютъ ли женщины мужчинамъ даже теперь.

Если существующія умственныя характеристики женщинъ имѣютъ большую цѣну какъ вспомогающія отвлеченному мышленію, онѣ еще важнѣе тамъ, гдѣ мышленіе свое дѣло сдѣлало и нужно примѣнить къ практикѣ его выводы. По приведеннымъ выше причинамъ, женщины вообще рѣдко впадаютъ въ общую мужчинамъ ошибку—упрямо цѣпляться за выдуманныя ими правила, даже въ случаѣ, своими особенностями, выдѣляемомъ изъ разряда, къ которому приложимы правила или требующемъ особеннаго приспособленія къ нему тѣхъ же правилъ. Разсмотримъ теперь другое изъ при-

знанныхъ превосходствъ умной женщины—бо̀льшую противъ мужчинъ быстроту пониманія. Развѣ это не есть качество, въ высшей степени приспособляющее личность, обладающую имъ, къ практической дѣятельности, гдѣ все постоянно зависитъ отъ быстроты рѣшенія? Въ отвлеченномъ мышленіи быстроты ума не нужно. Отвлеченный мыслитель можетъ ждать, брать себѣ время на обсужденіе, собирать все болѣе и болѣе матеріаловъ. Ему нѣтъ надобности докончить свою философскую систему сразу, чтобы не пропустить случая. Умѣнье выводить возможно лучшее заключеніе изъ недостаточныхъ данныхъ конечно не безполезно въ философіи: построеніе предварительной гипотезы на основаніи всѣхъ извѣстныхъ фактовъ часто бываетъ необходимой основой дальнѣйшаго изслѣдованія. Но эта способность, хотя и весьма полезная въ изученіи философіи, не есть непремѣнное главное условіе къ нему. Да сверхъ того на вспомогательный, точно также какъ и на главный процессъ, мыслитель можетъ употребить времени сколько ему угодно. Онъ не нуждается въ способности быстро сдѣлать то, за что̀ взялся, а скорѣе нуждается въ терпѣніи, въ умѣньи медленно вести свою работу до

тѣхъ поръ, пока сомнительное освѣщеніе сдѣлается яркимъ, вполнѣ удовлетворительнымъ и догадка созрѣетъ въ теорему. Для людей, напротивъ того, имѣющихъ дѣло съ преходящимъ и временнымъ—съ индивидуальнымъ фактомъ, а не цѣлыми группами фактовъ—быстрота мышленія такое нужное качество, которое уступаетъ по важности единственно самой способности мыслить. Тотъ, кто не имѣетъ каждую минуту всѣхъ своихъ способностей въ своемъ распоряженіи для немедленнаго употребленія въ дѣло, все равно, что вовсе не имѣетъ ихъ. Онъ можетъ быть хорошъ какъ критикъ, но не годится въ дѣятели. Вотъ въ этомъ-то женщины и мужчины, похожіе на женщинъ, имѣютъ неоспоримое преимущество. Другой разрядъ мужчинъ, при самыхъ высочайшихъ способностяхъ, только медленно достигаетъ полной способности управлять ими. Быстрота сужденія и скорость дѣйствія, даже въ томъ, что онъ знаетъ лучше всего, только поздно и постепенно достигаются имъ вслѣдствіе усиленныхъ стараній превратившихся въ привычку.

Скажутъ, можетъ быть, что бо́льшая противъ мужчинъ нервная чувствительность женщинъ дѣлаетъ ихъ

негодными для практической жизни за предѣлами домашняго быта, придавая имъ подвижность, измѣнчивость, заставляя ихъ слишкомъ сильно поддаваться вліянію минуты, лишая ихъ возможности неуклонно упорствовать въ предпринятомъ дѣлѣ и напрягать способности свои ровно и мѣрно. Эта фраза включаетъ въ себѣ, какъ мнѣ кажется, бо́льшую часть возраженій, обыкновенно приводимыхъ противъ годности женщинъ къ высшему разряду серьезной дѣятельности. Но изъ этихъ свойствъ весьма многія суть ничто́ иное какъ избытокъ энергіи, не нашедшій себѣ употребленія, и прекратились бы какъ только энергія была бы направлена къ опредѣленной цѣли. Многое тоже есть результатъ сознательной или не сознательной разработки, что́ мы и видимъ изъ совершеннаго почти исчезновенія истерики и обмороковъ съ тѣхъ поръ, какъ эти припадки вышли изъ моды. Сверхъ того, когда людей воспитываютъ, какъ воспитываютъ бо́льшую часть женщинъ высшихъ сословій, т. е. какъ какія-то оранжерейныя растенія, пряча ихъ отъ здоровыхъ перемѣнъ въ воздухѣ и температурѣ, не пріучая ни къ какимъ занятіямъ или тѣлеснымъ упражненіямъ, усиливающимъ и развиваю-

щимъ кровообращеніе и мускульную систему, между тѣмъ какъ нервная система, особенно въ чувствительной части ея, постоянно содержится въ неестественно напряженной дѣятельности, не удивительно, если тѣ изъ нихъ, которыя не умираютъ отъ чахотки, получаютъ сложеніе непрочное, легко разстроивающееся отъ ничтожныхъ причинъ внутреннихъ и наружныхъ, и не будутъ имѣть нужной силы, чтобы выдержать какой либо трудъ, физическій или умственный, требующій постояннаго, неослабнаго напряженія силъ. Женщины, съ дѣтства готовящіяся заработывать себѣ хлѣбъ, не выказываютъ ни одной изъ этихъ болѣзненныхъ особенностей, развѣ только, если онѣ закабалены на чрезмѣрно усидчивый трудъ въ тѣсныхъ и нездоровыхъ комнатахъ. Женщины, раздѣлявшія въ дѣтствѣ здоровое физическое воспитаніе и свободу своихъ братьевъ и впослѣдствіи пользующіяся достаточнымъ количествомъ чистаго воздуха и моціона, чрезвычайно рѣдко отличаются особенной нервозностью, дѣлающей ихъ неспособными къ сильной дѣятельности. Есть, правда, извѣстное число лицъ того и другаго пола, одаренныхъ отъ природы такой необыкновенной нервозностью,

что она дѣлается главною чертой ихъ организма и болѣе всего остальнаго имѣетъ вліяніе на весь характеръ ихъ жизненныхъ явленій. Такой темпераментъ, какъ и всякая другая физическая особенность, преемственъ и передается сыновьямъ точно также какъ и дочерямъ, хотя возможно и даже вѣроятно, что такъ называемый нервный темпераментъ наслѣдуется чаще женщинами, чѣмъ мужчинами. Примемъ это, пожалуй, даже за достовѣрный фактъ и да будетъ мнѣ затѣмъ дозволено спросить, считаютъ ли мужчинъ, одаренныхъ нервнымъ темпераментомъ, негодными къ обязанностямъ и занятіямъ, обыкновенно избираемымъ мужчинами? Если нѣтъ, то почему же считаютъ къ нимъ негодными женщинъ, имѣющихъ такой же темпераментъ? Особенности, свойственныя этому темпераменту, конечно въ извѣстныхъ предѣлахъ составляютъ препятствіе въ нѣкоторыхъ занятіяхъ, хотя въ другихъ, напротивъ, помогаютъ. Но когда занятіе принаровлено къ темпераменту, и даже не рѣдко когда оно къ нему не принаровлено, мужчины, обладающіе нервозностью въ высокой степени, безпрестанно являютъ примѣръ блистательнѣйшаго успѣха. Они отличаются въ практическихъ проявленіяхъ глав-

нымъ образомъ тѣмъ, что, будучи болѣе способны къ высокой степени возбужденія чѣмъ мужчины другаго темперамента, ихъ способности въ возбужденномъ состояніи отличаются отъ способностей, выказываемыхъ ими въ обыкновенномъ состояніи, болѣе чѣмъ это бываетъ съ другими: они, въ такое время, такъ сказать, поднимаются выше самихъ себя и легко дѣлаютъ такія вещи, которыхъ въ другое время они совсѣмъ не могутъ дѣлать. Но это возвышенное настроеніе, рождающееся подъ вліяніемъ возбужденія, не есть, за исключеніемъ людей съ слабымъ тѣлеснымъ сложеніемъ, одно мгновенное проявленіе въ родѣ молніи, въ ту же минуту и проходящее, не оставляя слѣдовъ, и несовмѣстимое съ упорнымъ и твердымъ преслѣдованіемъ извѣстной цѣли. Характеръ нервнаго темперамента именно въ томъ и есть, что онъ способенъ къ *продолжительно* возбужденному состоянію, выдерживающему долгій рядъ неослабныхъ усилій. Это то, что̀ заставляетъ чистокровную скаковую лошадь бѣжать, не замедляя шага, до тѣхъ поръ, пока она не падетъ мертвая. Это то, что̀ дало многимъ чрезвычайно нѣжнымъ женщинамъ возможность выдержать характеръ съ изу-

мительною твердостью, не только на кострѣ, но и въ долгомъ предварительномъ ряду нравственныхъ и тѣлесныхъ истязаній. Очевидно, что люди, обладающіе этимъ темпераментомъ, особенно способны къ тому, что̀ можно назвать исполнительнымъ отдѣломъ предводительства надъ людьми. Въ нихъ матеріалъ великихъ ораторовъ, великихъ проповѣдниковъ, вліятельныхъ пропагандистовъ. Темпераментъ ихъ можно бы считать менѣе благопріятнымъ для качествъ, требуемыхъ отъ кабинетнаго государственнаго человѣка или отъ судьи. Оно такъ бы и было, если бы изъ того, что люди способны къ возбужденію, слѣдовало что они *всегда* должны находиться въ возбужденномъ состояніи. Но вѣдь это чисто вопросъ воспитанія. Способность сильно чувствовать есть орудіе и элементъ сильнаго самообладанія, но нуждается въ выработкѣ. Когда выработка есть, эта самая способность образуетъ героевъ, отличающихся не только подвигами, совершаемыми подъ вліяніемъ минуты, но и подвигами, требующими побѣды надъ собою. Исторія и опытъ доказываютъ, что наиболѣе страстные характеры наиболѣе строги къ себѣ и съ наибольшимъ фанатизмомъ придерживаются своихъ по-

нятій о долгѣ, если страстность ихъ съизрана направлена въ эту сторону. Судья, произнесшій справедливый приговоръ въ дѣлѣ, въ которомъ личныя чувства его сильно заинтересованы въ пользу противной стороны, почерпаетъ изъ этой самой интенсивности чувства неуклонное сознаніе обязательности правосудія, дающее ему возможность одержать эту побѣду надъ самимъ собою. Способность къ такому возвышенному энтузіазму, поднимающая человѣка выше его будничнаго характера, имѣетъ опять таки воздѣйствіе на самый будничный характеръ. Его стремленія и сила, когда онъ находится въ исключительномъ состояніи, становятся типомъ, съ которымъ онъ сличаетъ и которымъ онъ провѣряетъ свои мнѣнія и дѣйствія въ другое время, и его будничные поступки принимаютъ характеръ, заимствованный отъ моментовъ высокаго возбужденія, хотя эти моменты, по физическимъ свойствамъ такого человѣка, могутъ быть только преходящими. Опытность доказываетъ, что не только индивидуумы, но цѣлыя расы, отличающіяся легко возбуждаемымъ темпераментомъ, среднимъ числомъ не менѣе годны къ отвлеченному мышленію или практической дѣятельности, чѣмъ расы

наименѣе способныя къ возбужденію. Французы и итальянцы, безъ всякаго сомнѣнія, отъ природы болѣе нервозны чѣмъ германскія расы и въ сравненіи, по крайней мѣрѣ, съ англичанами несравненно болѣе волнуются въ своей обыденной жизни. Но развѣ они были менѣе велики въ наукѣ, въ государственныхъ дѣлахъ, въ законовѣденіи и въ судебной дѣятельности или войнѣ? Съ избыткомъ доказано, что древніе греки были одной изъ наиболѣе легковоспламеняемыхъ расъ — какими и теперь являются ихъ потомки и преемники, однако, смѣшно даже ставить вопросъ: въ какихъ отрасляхъ человѣческаго совершенства они не достигли превосходства? Римляне, будучи тоже южнымъ народомъ, вѣроятно первоначально имѣли такой же темпераментъ, но суровость ихъ національной дисциплины, подобной дисциплинѣ спартанцевъ, выработала изъ нихъ примѣръ противоположнаго типа національнаго характера; пылкость ихъ природныхъ чувствъ выказалась главнымъ образомъ въ интенсивности, которую этотъ же самый первоначальный темпераментъ далъ имъ возможность придать искуственно привитому. Если эти случаи могутъ служить примѣромъ того, что̀ можно

сдѣлать изъ народа, легко возбуждаемаго, ирландскіе кельты представляютъ одинъ изъ самыхъ подходящихъ примѣровъ того, чѣмъ они бываютъ, будучи предоставлены сами себѣ (если можно назвать „предоставленными себѣ“ людей, нѣсколько вѣковъ находящихся подъ косвеннымъ вліяніемъ дурнаго управленія и прямымъ вліяніемъ католической іерархіи и искренней вѣры въ католичество). Ирландскій характеръ поэтому должно считать особенно неблагопріятнымъ примѣромъ. Однако вездѣ, гдѣ обстоятельства благопріятствовали личности у ирландцевъ, какой народъ выказалъ бо́льшую способность къ самому разнообразному и многостороннему личному превосходству? Подобно французамъ въ сравненіи съ англичанами, ирландцамъ въ сравненіи съ швейцарцами, грекамъ или итальянцамъ въ сравненіи съ германскими расами, женщины въ сравненіи съ мужчинами вообще оказываются способными дѣлать то же самое, что и мужчины, съ нѣкоторыми различіями въ отдѣльномъ родѣ превосходства, котораго онѣ достигаютъ. Но я не вижу ни малѣйшей причины сомнѣваться, что въ цѣломъ онѣ справлялись бы совершенно также хорошо съ тѣмъ, съ чѣмъ справляются мужчины, если

бы воспитаніе и образованіе ихъ имѣли цѣлью не усиливать, а исправлять недостатки, проистекающіе изъ ихъ темперамента.

Предполагая однако, что женскій умъ отъ природы болѣе подвиженъ, чѣмъ мужской, менѣе способенъ къ долгому упорствованію въ неослабныхъ стараніяхъ объ одномъ и томъ же, и способнѣе къ раздѣленію своихъ способностей на многіе предметы, чѣмъ къ достиженію по одному пути высочайшей степени, до которой ведетъ этотъ путь — все это, можетъ быть, вѣрно, если говорится о женщинахъ такихъ, какія онѣ есть теперь (хотя и тутъ много крупныхъ исключеній) и можетъ поясннть, почему онѣ отстали отъ высшаго разряда мужчинъ именно въ тѣхъ вещахъ, которыя, по видимому, болѣе требуютъ поглощенія всего ума однимъ разрядомъ мыслей. Однако это различіе можетъ относиться только къ роду превосходства, а не къ самому превосходству или его практическимъ цѣлямъ и все еще остается доказать, есть ли подобная умственная дѣятельность, подобное поглощеніе всѣхъ мыслительныхъ способностей однимъ предметомъ и сосредоточеніе ихъ на одной работѣ нормальное и здоровое состояніе человѣ-

ческихъ способностей, даже въ примѣненіи къ отвлеченному мышленію. Мнѣ кажется, что то, что выигривается по части спеціальнаго развитія такимъ сосредоточеніемъ, теряется по другимъ частямъ и даже по части отвлеченнаго мышленія. Я рѣшительно того мнѣнія, что умъ достигаетъ большаго результата частымъ возвращеніемъ къ трудной задачѣ, чѣмъ безпрерывнымъ упорнымъ трудомъ надъ нею. Во всякомъ случаѣ для практическихъ цѣлей, начиная съ высшаго и до самаго низшаго разряда ихъ, способность быстро переходить отъ одного предмета къ другому, не давая умственному механизму ослабѣвать въ промежуткахъ, несравненно болѣе драгоцѣнна — а этой способностью женщины въ высшей степени обладаютъ вслѣдствіе самой подвижности, въ которой ихъ обвиняютъ. Способность эта у нихъ можетъ быть и врожденна, но навѣрное развивается воспитаніемъ и образованіемъ, такъ какъ почти всѣ занятія женщины состоятъ въ улаживаніи безчисленныхъ мелкихъ подробностей, на каждый изъ которыхъ умъ не можетъ, да и не имѣетъ времени, остановиться даже на минуту, а долженъ немедленно перейдти къ другимъ, и если что нибудь потребуетъ болѣе неотступной мысли, женщина вынуждена украдкой, между дѣломъ, обдумывать этотъ предметъ. Дѣйствительно, часто была замѣчена способность женщинъ думать въ такія минуты и при такихъ обстоятельствахъ, при которыхъ каждый мужчина счелъ бы себя въ правѣ даже и не пытаться думать. Сверхъ того женскій умъ, хотя и занятъ больше мелочами, за то никогда не можетъ оставаться безъ дѣла, подобно мужскому, когда тотъ не занятъ тѣмъ, что ему угодно считать исключительнымъ дѣломъ своей жизни. Дѣло жизни женщины — это все вообще и ничего въ особенности и это дѣло точно также не можетъ остановиться въ своемъ коловращеніи, какъ земля въ своемъ обращеніи около солнца.

Но, говорятъ намъ, имѣются анатомическія доказательства высшей умственной способности мужчинъ въ сравненіи съ женщинами: у мужчинъ головной мозгъ больше. Я на это возражу, во первыхъ, что самый фактъ еще сомнителенъ: вовсе еще не доказано, чтобы мозгъ у женщинъ былъ меньше, чѣмъ у мужчинъ. Если вывести это единственно изъ того, что тѣлесныя размѣры у женщинъ вообще меньше, чѣмъ у мужчинъ, по-

добный критерій можетъ повести къ весьма страннымъ послѣдствіямъ. Послѣ этого мужчина высокаго роста, съ широкими костями, долженъ стоять по уму неизмѣримо выше мужчины маленькаго роста — о слонѣ или китѣ ужъ и говорить нечего. Въ величинѣ головнаго мозга, по словамъ анатомовъ, гораздо меньше разницы чѣмъ въ размѣрахъ тѣла или даже головы и объ однихъ никакъ нельзя судить по другимъ. Положительно вѣрно, что у нѣкоторыхъ женщинъ мозгъ такой большой, что хоть бы любому мужчинѣ. Я самъ знаю человѣка, вѣшавшаго много человѣческихъ мозговъ, который говоритъ, что самый тяжелый изъ попадавшихся ему мозговъ, не исключая даже мозга Кювье, до сихъ поръ считавшагося самымъ тяжелымъ изъ всѣхъ, принадлежалъ женщинѣ. Затѣмъ я долженъ замѣтить, что точныя соотношенія между мозгомъ и умственными способностями еще не совсѣмъ разобраны и до сихъ поръ составляютъ предметъ оживленныхъ споровъ, хотя въ томъ, что есть соотношеніе, и чрезвычайно тѣсное, мы сомнѣваться не можемъ. Мозгъ безспорно есть матеріальный органъ мышленія и чувствительности, и (оставляя въ сторонѣ великій нерѣшенный споръ о приспособленіи различныхъ частей мозга къ ризличнымъ умственнымъ способностямъ) я допускаю, что было бы аномаліей и исключеніемъ изъ всего, что намъ извѣстно объ общихъ законахъ жизни и организма, если бы размѣры этого органа не имѣли никакого вліянія на его дѣйствія, если бы не прибавлялось нисколько силы дѣйствію отъ большихъ размѣровъ органа. Но исключеніе и аномалія были бы точно также велики, если бы вліяніе органа соразмѣрялось исключительно его величинѣ. Во всѣхъ наиболѣе неуловимыхъ процесахъ природы — въ числѣ которыхъ процесы, свойственные воодушевленному царству наиболѣе неуловимы, а изъ этихъ процесовъ всѣхъ болѣе неуловимы процесы нервной системы — различіе въ дѣйствіи столько же зависитъ отъ различія въ качествѣ физическихъ органовъ, сколько и отъ различія въ количествѣ, и если о качествѣ органа слѣдуетъ судить по тонкости и аккуратности его дѣйствій, то все указываетъ среднимъ числомъ на бо́льшую тонкость мозга и нервной системы женщинъ противъ мозга и нервной системы мужчинъ. Откидывая въ сторону отвлеченное различіе въ качествѣ, такъ какъ его чрезвычайно трудно провѣрить, свойства органа, какъ из-

*

вѣстно, обусловливаются не только его размѣромъ, но и его дѣятельностью. А приблизительнымъ мѣриломъ дѣятельности его служитъ намъ сила, съ которою происходитъ въ немъ кровообращеніе, такъ какъ отъ кровообращенія главнымъ образомъ зависитъ и трата и пополненіе силы. Неудивительно будетъ, если окажется, что мужчины вообще могутъ похвалиться преимущественно относительно величины головнаго мозга, а женщины — относительно дѣятельности кровообращенія въ этомъ же органѣ: эта гипотеза даже отлично согласуется съ различіями, дѣйствительно замѣченными между умственными процесами обоихъ половъ. Результаты, которыхъ, согласно съ этой догадкой, можно ожидать отъ такого различія въ организмѣ, соотвѣтствовали бы нѣкоторымъ изъ наиболѣе знакомыхъ намъ явленій. Во первыхъ, выходило бы, что умственный процесъ совершается у мужчинъ медленнѣе, что они не могутъ ни мыслить такъ быстро какъ женщины, ни такъ быстро принимать ощущенія: большія тѣла тяжелѣе на подъемъ. Съ другой стороны, оказалось бы, что разъ будучи пущенъ въ ходъ, мужской мозгъ способенъ выдержать большее количество работы, упорнѣе держаться начертаннаго себѣ направленія; что ему труднѣе переходить отъ одного дѣйствія къ другому и что онъ можетъ долѣе трудиться по одному предмету, не теряя силы и не ощущая устали: а развѣ въ дѣйствительности не именно то оказывается, что вещи, въ которыхъ мужчины всего болѣе превосходятъ женщинъ, требуютъ болѣе кропотливаго труда, большаго долбленія одной мысли, тогда какъ женщины всего лучше дѣлаютъ то, что̀ нужно дѣлать скоро. Женскій мозгъ скорѣе утомляется, скорѣе истощается, но за то изъ всего выходитъ, что онъ послѣ истощенія скорѣе и оправляется. Повторяю, все это разсужденіе основано на чистѣйшихъ догадкахъ и не имѣетъ другой цѣли, какъ только указать новый путь изслѣдованія. Я уже выше заявилъ, что ничего еще вѣрнаго неизвѣстно на счетъ того, есть ли даже какая нибудь врожденная разница въ среднемъ уровнѣ силы или въ направленіи умственныхъ способностей обоихъ половъ, тѣмъ менѣе извѣстно въ чемъ эта разница, — да и невозможно, чтобы это было извѣстно до тѣхъ поръ, пока такъ мало изучаются психологическіе законы образованія характера даже въ общемъ, а въ отдѣльныхъ случаяхъ за-

коны эти научнымъ образомъ совсѣмъ не примѣняются, до тѣхъ поръ, пока не будутъ приниматься въ разсчетъ бьющія въ глаза внѣшнія причины различія характера, потому что наблюдатели оставляютъ ихъ безъ вниманія, а господствующія въ настоящее время школы естествознанія и философіи, все равно — ищутъ ли они причины всего въ матеріальномъ мірѣ или мірѣ духовномъ — почему-то смотрятъ на нихъ съ какимъ-то высокомѣрнымъ презрѣніемъ и всѣ какъ будто съ общаго согласія третируютъ свысока людей, предпочитающихъ объяснять эти различія разными отношеніями къ обществу и жизни.

До такой смѣшной, нелѣпой степени понятія, составленныя о природѣ женщинъ, суть ни что иное, какъ эмпирическія обобщенія, выведенныя безъ всякаго философскаго разбора изъ первыхъ попавшихся примѣровъ, что народное представленіе о женщинѣ различно въ разныхъ странахъ, смотря потому, какъ мнѣнія и общественныя условія каждой способствовали развитію однѣхъ свойствъ женщинъ и мѣшали развитію другихъ. Жители востока воображаютъ, что женщины отъ природы необыкновенно сладострастны и на этомъ основа-

ніи въ сочиненіи индусовъ имъ достается невѣроятная ругань. Англичане, напротивъ, того мнѣнія, что женщины отъ природы очень холодны. Поговорки объ измѣнчивости и легкомысліи женщинъ составились большею частію во Франціи, начиная съ знаменитаго двустишія короля Франциска I и кончая безчисленными остротами на ихъ счетъ, сказанными до и послѣ него. Въ Англіи замѣчено, напротивъ, что женщины несравненно постояннѣе мужчинъ. Непостоянство долѣе вмѣнялось въ вину женщинѣ въ Англіи, чѣмъ во Франціи, и притомъ англичанки, въ глубинѣ души своей, по своей натурѣ, болѣе подчиняются общественному мнѣнію. Можно замѣтить мимоходомъ, что англичане находятся въ чрезвычайно неблагопріятныхъ условіяхъ для произнесенія приговора о томъ, что — естественно или неестественно не только въ женщинахъ, но и въ мужчинахъ и даже вообще въ людяхъ, по крайней мѣрѣ, если единственнымъ руководствомъ служитъ имъ англійская опытность, потому что нѣтъ мѣста на земномъ шарѣ, гдѣ бы человѣческая природа такъ мало выказывала свои самобытныя черты, какъ въ Англіи. Какъ въ хорошемъ, такъ и въ дурномъ смыслѣ, англи-

чане ушли отъ естественности далѣе всѣхъ другихъ народовъ. Они болѣе всѣхъ другихъ народовъ—продуктъ цивилизаціи и общественной дисциплины. Дисциплинѣ этой въ Англіи болѣе чѣмъ гдѣ либо удалось—не то чтобы покорить—а просто уничтожить все, что приходитъ съ нею въ столкновеніе. Англичане болѣе всѣхъ другихъ народовъ не только дѣйствуютъ, но и чувствуютъ по даннымъ правиламъ. Въ другихъ странахъ условное общественное мнѣніе или требованія общества могутъ пересилить природу, но порывы личности не только проявляются сквозь нихъ, но и борются съ ними: правила могутъ оказаться сильнѣе природы, но природа все таки существуетъ. Въ Англіи правило въ большой степени замѣнило собою природу. Бо́льшую часть англійской жизни нельзя назвать слѣдованіемъ своимъ склонностямъ подъ контролемъ правилъ, а скорѣе неимѣніемъ никакихъ склонностей, кромѣ склонности дѣйствовать по правиламъ. Это обстоятельство, безспорно, имѣетъ хорошую сторону, хотя имѣетъ и ужасно скверную, но во всякомъ случаѣ оно дѣлаетъ англичанъ почти совершенно неспособными судить о самобытныхъ стремленіяхъ человѣческой природы по собственному

опыту. Ошибки, которымъ подлежатъ наблюдатели по этому предмету въ другихъ странахъ, совершенно другаго рода. Англичанинъ просто не знаетъ человѣческой природы, а французъ имѣетъ насчетъ ея предразсудки. Ошибки англичанина отрицательныя, ошибки француза положительныя. Англичанинъ воображаетъ, что вовсе не существуетъ того, чего онъ не видитъ; французъ увѣренъ, что непремѣнно всегда и вездѣ существуетъ то, что у него передъ глазами. Англичанинъ не знаетъ природы, потому что не имѣлъ случая наблюдать за нею; французъ, обыкновенно, хорошо знаетъ ее, но часто въ ней ошибается, потому что смотрѣлъ на нее съ предвзятыми, искаженными, лицепріятными понятіями. Дѣло въ томъ, что искуственность, которую общество наводитъ на всѣ природныя склонностти предмета наблюденія, двояко дѣйствуетъ на него: или уничтожаетъ его природу, или перерождаетъ его. Въ первомъ случаѣ остается для наблюденія лишь скудный остатокъ природы; во второмъ есть много что изучать, но это многое разрослось во всѣ стороны—кромѣ той стороны, въ которую пошло бы, если бы дали ему самобытно развиться.

Я сказалъ, что теперь невозможно достовѣрно узнать что̀ естественно и что̀ искуственно въ существующихъ умственныхъ различіяхъ между женщиной и мужчиной, или даже есть ли такія различія, или наконецъ чѣмъ бы оказался естественный характеръ женщины, если бы могли быть устранены всѣ искуственныя причины различій. Я не намѣренъ приниматься за то, что̀ самъ объявилъ невозможнымъ; но сомнѣніе не мѣшаетъ дѣлать догадки, и тамъ, гдѣ недостижимо достовѣрное знаніе, можно все-таки найдти средство дойдти до вывода сколько нибудь вѣроятнаго. Первый пунктъ, т. е. вопросъ, откуда проистекаютъ существующія въ настоящее время разницы, болѣе другихъ доступенъ обсужденію и я постараюсь подойдти къ нему единственнымъ путемъ, которымъ можно это сдѣлать, а именно: изображеніемъ умственныхъ послѣдствій вліянія внѣшнихъ причинъ. Мы не можемъ изолировать человѣка отъ обстановки, обусловливаемой его положеніемъ въ свѣтѣ, такъ, чтобы путемъ опыта удостовѣриться въ томъ, чѣмъ бы былъ онъ по своей природѣ; но мы можемъ судить о томъ, чѣмъ онъ есть и чѣмъ была его обстановка, и, наконецъ, способна ли была эта

обстановка сдѣлать его такимъ, какимъ мы его видимъ.

Возьмемъ же единственный, доставленный намъ наблюденіемъ рѣзкій примѣръ кажущагося превосходства мужчины надъ женщиною, за исключеніемъ чисто физическаго превосходства тѣлесной силы. Ни одно произведеніе по части философіи, науки или искуства, имѣющее право стать на первомъ ряду, не носитъ имени женщины. Можно ли объяснить это чѣмъ нибудь, кромѣ предположенія, будто бы женщины *отъ природы не способны* къ такимъ произведеніямъ?

Во первыхъ, мы имѣемъ полное право усумниться, представилъ ли намъ опытъ достаточное основаніе къ подобному выводу. Едва прошло три поколѣнія съ тѣхъ поръ, какъ женщины, въ видѣ чрезвычайно рѣдкихъ исключеній, начали пробовать свои силы въ философіи, наукѣ или искуствѣ. Только въ настоящемъ поколѣніи попытки эти достигаютъ сколько нибудь значительнаго числа —да и то ихъ и теперь еще крайне мало вездѣ, кромѣ Англіи и Франціи. Тутъ представляется чрезвычайно важный вопросъ: можно ли было ожидать, чтобы умъ, обладающій всѣми нужными усло-

віями къ достиженію высшаго мѣста въ мышленіи или въ художественномъ творчествѣ, явился въ этотъ короткій промежутокъ времени между женщинами, вкусы и личное положеніе которыхъ дозволяли имъ посвятить себя этимъ занятіямъ? Во всемъ, на что̀ хватило у нихъ времени, особенно по той части, по которой онѣ всего долѣе занимаются—литературѣ (въ прозѣ и стихахъ),—женщины сдѣлали все то, достигли всего того, чего только можно было ожидать отъ нихъ, судя по времени и числу соревнительницъ. Если мы обратимся къ болѣе ранней порѣ, когда весьма мало женщинъ и на это пытались, то и тутъ оказывается, что изъ этихъ не многихъ значительное число достигло необыкновеннаго успѣха. Греки всегда считали Сафо однимъ изъ своихъ великихъ поэтовъ, и мы имѣемъ полное основаніе полагать, что Миртида, бывшая, какъ говорятъ, учительницею Пиндара, и Коринна, пять разъ побѣдившая его въ поэтическомъ состязаніи, должны были обладать, по крайней мѣрѣ, достаточными достоинствами, чтобы заслужить сравненіе съ этимъ великимъ именемъ. Аспазія не оставила философскихъ сочиненій, но положительно извѣстно, что Сократъ у

нея поучался и самъ сознавался, что многимъ отъ нея позаимствовался.

Если мы разсмотримъ произведенія женщинъ въ новѣйшія времена и сравнимъ ихъ съ произведеніями мужчинъ по литературной или художественной части—окажется, что недостатокъ, въ которомъ можно укорить ихъ, весь сводится почти исключительно на одно — впрочемъ, надо сознаться, что это одно есть чуть ли не самое главное: на недостатокъ оригинальности — т. е. не на совершенный недостатокъ, потому что каждое произведеніе ума, имѣющее самобытную цѣну, имѣетъ непремѣнно оригинальность своего рода, есть порожденіе собственнаго ума, а не копія съ чего нибудь другаго. Оригинальныя мысли, въ смыслѣ незаимствованныхъ ни отъ кого, а выработанныхъ умственнымъ процесомъ въ собственномъ мозгу, путемъ собственныхъ наблюденій, изобилуютъ въ сочиненіяхъ женщинъ. Но женщины пока еще не произвели ни одной изъ тѣхъ великихъ, свѣтлыхъ идей, которыми отмѣчаются новыя эры въ мышленіи, и ни одной изъ тѣхъ радикально новыхъ концепцій въ искуствѣ, которыя раскрываютъ впереди цѣлый рядъ возможныхъ резуль-

татовъ, до тѣхъ поръ неизвѣстныхъ, и служатъ основаніемъ новымъ школамъ. Ихъ сочиненія по большей части построены на существующемъ фундаментѣ мысли и ихъ творенія немного уклоняются отъ существующихъ типовъ. Въ этомъ и весь недостатокъ, въ которомъ можно уличить ихъ труды. По части же исполненія, развитія мысли въ мелочахъ и красоты стиля у нихъ нѣтъ никакого недостатка. Наши лучшіе романисты, относительно общаго состава фабулы и умѣнья справиться съ частностями, были по большей части женщины и во всей новѣйшей литературѣ, въ смыслѣ умѣнія краснорѣчиво излагать мысли, нѣтъ ничего выше слога м-мъ де-Сталь, или, какъ примѣръ чисто художественнаго превосходства,—прозы Жоржъ-Занда, слогъ которой дѣйствуетъ на нервную систему, точно симфонія Гайдна или Моцарта. Больше всего, какъ я уже сказалъ, замѣтенъ недостатокъ въ концепціи. Разсмотримъ же теперь, чѣмъ можно объяснить этотъ недостатокъ.

Будемъ, во первыхъ, помнить, по поводу чистаго мышленія, что во весь тотъ періодъ существованія міра и культурнаго развитія его, въ который можно

было доходить до великихъ и плодотворныхъ новыхъ истинъ единственно силой собственнаго генія, почти безъ предварительныхъ занятій или накопленія знаній, женщины совсѣмъ не занимались отвлеченнымъ мышленіемъ. Со временъ Ипатіи до временъ реформаціи знаменитая Элоиза была единственной женщиной, которой возможенъ былъ бы подобный подвигъ и мы не знаемъ, какія великія способности къ отвлеченному мышленію были заглушены въ ней и пропали для человѣчества, благодаря несчастіямъ, отравившимъ ея жизнь. Съ тѣхъ поръ какъ сколько нибудь значительное число женщинъ стало заниматься отвлеченнымъ мышленіемъ, оригинальность уже не могла даваться легко. Почти всѣ результаты, до которыхъ можно было дойдти силою собственныхъ, самобытныхъ способностей, давно уже достигнуты, а оригинальность въ высокомъ смыслѣ теперь почти никѣмъ не достигается, кромѣ умовъ, подвергшихся тщательной и строгой разработкѣ и имѣющихъ обширныя знанія по части результатовъ мысли прежнихъ вѣковъ. Г. Морисъ первый, кажется, замѣтилъ, что наиболѣе оригинальные мыслители нашего вѣка тѣ, которые лучше всѣхъ знали все, что мыслили

ихъ предшественники,—такъ отнынѣ всегда будетъ. Каждый новый камень зданія нужно теперь класть сверхъ столькихъ другихъ, что всякій, желающій участвовать въ дальнѣйшемъ построеніи его, долженъ пройдти длиннымъ процесомъ лазанія по лѣсамъ и доставленія по нимъ матеріаловъ. Много ли есть женщинъ, прошедшихъ этимъ процесомъ? Изъ всѣхъ женщинъ можетъ быть одна мистрисъ Соммервиль на столько знаетъ математику, на сколько нужно, чтобы сдѣлать значительныя математическія открытія: виновата ли она, виноваты ли женщины, что ей не случилось быть въ числѣ двухъ или трехъ лицъ, имена которыхъ, при ея жизни, связаны съ какимъ нибудь поразительнымъ шагомъ въ наукѣ? Двѣ женщины съ тѣхъ поръ, какъ политическая экономія возведена въ степень науки, на столько знали ее, чтобы писать полезныя сочиненія по этому предмету: о многихъ ли изъ безчисленныхъ мужчинъ, писавшихъ о немъ съ тѣхъ поръ, можно по справедливости сказать больше? Если нѣтъ женщинъ великихъ филологовъ—какая женщина изучала санскритскій и славянскій языки, готскій языкъ Ульфилы или языкъ Зендъ-Авесты? Даже въ практическихъ дѣлахъ мы всѣ

знаемъ, на что̀ сводится оригинальность неученыхъ геніевъ—сводится она на то, что они съизнова изобрѣтаютъ въ первоначальномъ его видѣ то, что̀ уже изобрѣтено и усовершенствовано многими послѣдовательными изобрѣтателями. Когда женщины будутъ обладать такой же подготовкою, какая требуется и мужчинамъ, чтобы быть сколько нибудь оригинальными, тогда можно будетъ начать судить по опытамъ о томъ, способны ли онѣ къ оригинальности или нѣтъ—никакъ не прежде.

Безспорно, часто случается, что человѣкъ, не занимавшійся обширнымъ, точнымъ изученіемъ мысли другихъ по какому нибудь предмету, по врожденной смѣтливости нападетъ на счастливую мысль, которую онъ можетъ указать другимъ, но не можетъ доказать, и которая, однако, если созрѣетъ, можетъ быть не маловажнымъ прибавленіемъ къ наукѣ; но и тогда даже нельзя отдать полную справедливость подобной мысли, пока не возьмется за нее кто нибудь другой, обладающій предварительными знаніями и подготовкой, не провѣритъ ее, не дастъ ей научную или практическую форму и не назначитъ ей надлежащаго мѣста между существующими философскими или научными истинами.

Нельзя воображать, что подобныя счастливыя мысли не приходятъ женщинамъ. Онѣ приходятъ сотнями каждой умной женщинѣ, но большею частью пропадаютъ по неимѣнію мужа или короткаго знакомаго, обладающаго тѣмъ родомъ знанія, которое дало бы ему возможность оцѣнить ихъ какъ слѣдуетъ и выставить ихъ предъ свѣтомъ, а если даже и найдется такой человѣкъ, и онъ выведетъ ихъ наружу, то онѣ обыкновенно являются какъ мысли, принадлежащія ему, а не настоящему ихъ автору. Кто можетъ сказать сколько изъ наиболѣе оригинальныхъ мыслей, высказываемыхъ мужчинами-писателями, первоначально принадлежатъ женщинамъ, тогда какъ сами они только провѣрили и выработали ихъ? Если мнѣ судить по себѣ, то скажу, что такихъ мыслей чрезвычайно много.

Если отъ чистаго мышленія мы обратимся къ литературѣ въ полномъ смыслѣ этого слова и къ художествамъ, мы найдемъ весьма уважительную и простую причину, по которой женская литература, по общей концепціи и главнымъ чертамъ своимъ, есть подражаніе мужской. Почему римская литература, какъ намъ критики досыта нажужжали, не есть литература оригинальная, а есть подражаніе греческой? Просто потому, что греческая предшествовала ей по времени. Если бы женщины жили въ другой странѣ чѣмъ мужчины и никогда не читали бы ни одного мужскаго сочиненія, у нихъ бы непремѣнно сложилась собственная литература. Такъ какъ этого нѣтъ, то онѣ не создали литературы, потому что нашли цѣлую, сильно развитую литературу уже созданную. Если бы не пропали на время знанія, оставленныя намъ древностью или, если бы Возрожденіе (Renaissance) настало прежде чѣмъ были построены готическіе соборы — они никогда не были бы построены. Во Франціи и въ Италіи мы видимъ, что подражаніе древней литературѣ остановило самобытное развитіе мѣстной литературы, даже послѣ того, какъ развитіе это началось. Всѣ пишущія женщины — ученицы великихъ писателей. Первыя картины живописца, будь онъ такимъ геніемъ какъ Рафаэль, невозможно отличить по стилю отъ картинъ его учителя. Даже Моцартъ не проявлялъ своей могучей оригинальности въ первыхъ своихъ сочиненіяхъ. То, чѣмъ бываютъ годы для даровитой личности — поколѣнія бываютъ для массы. Если женской литературѣ суждено имѣть коллективный

*

характеръ, различный отъ характера мужской литературы, вслѣдствіе какого нибудь врожденнаго различія въ стремленіяхъ ихъ, потребуется много больше времени, чѣмъ до сихъ поръ прошло, прежде чѣмъ она можетъ освободиться отъ вліянія признанныхъ образцевъ и руководиться собственными порывами. Но если, какъ я полагаю, не обнаружится никакихъ врожденныхъ стремленій, отличающихъ женскій умъ отъ мужскаго, то все таки каждая писательница непремѣнно будетъ имѣть какія нибудь личныя черты и стремленія, которыя пока еще заглушаются вліяніемъ предшествовавшихъ твореній и предыдущими примѣрами и потребуется еще много поколѣній, прежде чѣмъ индивидуальность ихъ на столько разовьется, чтобы съ успѣхомъ устоять противъ этого вліянія.

Въ художествахъ, собственно говоря, недостатокъ оригинальности въ женщинахъ съ перваго взгляда всего сильнѣе поражаетъ, такъ какъ общественное мнѣніе, можно сказать, не воспрещаетъ имъ заниматься искуствомъ, а скорѣе поощряетъ ихъ къ этому и воспитаніе ихъ не только не обходитъ искуства, но въ достаточныхъ сословіяхъ почти исключительно состоитъ

изъ занятій разными искуствами: однако по этой части онѣ еще болѣе отстали отъ высшаго совершенства, достигнутаго мужчинами. Но эта отсталость не нуждается въ другомъ объясненіи, кромѣ всѣмъ знакомаго, оказывающагося еще болѣе вѣрнымъ въ художествахъ, чѣмъ во всемъ другомъ — что лица, дѣлающія изъ чего нибудь свою профессію, стоятъ несравненно выше диллетантовъ въ выбранномъ ими предметѣ. Женщинъ въ образованныхъ сословіяхъ почти всѣхъ учатъ болѣе или менѣе какой нибудь отрасли художества, но не для того, чтобы онѣ могли ею заработывать себѣ хлѣбъ или составить себѣ положеніе въ свѣтѣ; женщины-артистки — всѣ диллетантки. Исключенія бываютъ, но такія, которыя только подтверждаютъ правило. Женщинъ учатъ музыкѣ, но не съ тѣмъ, чтобы онѣ сами сдѣлались композиторами, но чтобы онѣ вышли только исполнительницами и вслѣдствіе этого мужчины въ музыкѣ превосходятъ женщинъ только какъ композиторы. Единственное искуство, которому сравнительно многія женщины посвящаютъ себя какъ профессіи и главному занятію жизни — сценическое, а въ этомъ искуствѣ онѣ неоспоримо равны муж-

чинамъ, если только не выше. Чтобы сравненіе вышло вполнѣ вѣрно и справедливо, нужно провести его между произведеніями женщины по какой нибудь отрасли искуства и произведеніями мужчинъ, занимающихся этой же отраслью не какъ профессіей. По части композиторства, напримѣръ, женщины произвели вещи нисколько не хуже всего, что произвели мужчины-диллетанты. Есть и теперь нѣсколько женщинъ, которыя занимаются живописью какъ профессіей и эти женщины начинаютъ уже проявлять талантъ въ степени вполнѣ удовлетворительной. Мужчины-живописцы тоже особенной роли не играли въ послѣдніе вѣка и долго еще не будутъ играть. Причина, по которой старые живописцы стояли несравненно выше новѣйшихъ та, что искуству этому тогда посвящали себя люди несравненно высшаго образованія чѣмъ теперь. Въ XIV и XV столѣтіяхъ итальянскіе живописцы были самыми замѣчательными людьми своего вѣка не только по части живописи. Величайшіе изъ нихъ были настоящіе энциклопедисты по своимъ познаніямъ и талантамъ, подобно великимъ людямъ древней Греціи. Но въ ихъ время художество большинствомъ людей считалось однимъ изъ самыхъ великихъ призваній,

доступныхъ дѣятельности человѣка. Оно давало людямъ такое положеніе, какое теперь даетъ только политическое или военное отличіе; дѣлало ихъ друзьями и товарищами государей; ставило ихъ наравнѣ съ высшей знатью. Въ наше время люди сколько нибудь подобнаго калибра находятъ себѣ дѣло поважнѣе для собственной славы и по понятіямъ современнаго міра, чѣмъ живопись, и только изрѣдка какой нибудь Рейнольдсъ или Турнеръ (объ относительной степени, занимаемой ими между замѣчательными людьми, я не берусь судить) посвящаютъ себя этому искуству. Музыка принадлежитъ къ другому разряду. Она не требуетъ такого обширнаго общаго образованія, а, по видимому, скорѣе обусловливается природнымъ дарованіемъ. Поэтому можетъ показаться удивительнымъ, что между великими композиторами не оказывается ни одной женщины. Но это природное дарованіе, чтобы могло послужить къ произведенію великихъ твореній, нуждается въ усиленной спеціальной разработкѣ и исключительно посвящаемомъ ему трудѣ. Единственныя страны, въ которыхъ рождались первокласные композиторы, даже между мужчинами — Германія и Италія, тѣ

самыя страны, въ которыхъ женщины, какъ по общему, такъ и по спеціальному образованію, далеко отстали отъ женщинъ во Франціи и Англіи, гдѣ онѣ, можно сказать безъ преувеличенія, получаютъ весьма малое образованіе и почти нисколько не разработали въ себѣ высшихъ умственныхъ способностей. Въ этихъ странахъ мужчинъ, знающихъ начала музыкальной композиціи, насчитывается сотнями или, вѣрнѣе, тысячами, женщинъ же—десятками, такъ что и тутъ, основываясь на ученіи о выводѣ среднихъ чиселъ или средняго уровня, нѣтъ никакого повода требовать, чтобы приходилось на пятьдесятъ замѣчательныхъ мужчинъ болѣе одной замѣчательной женщины, а въ послѣдніе три вѣка ни въ Германіи, ни въ Италіи не уродилось пятидесяти замѣчательныхъ мужчинъ-композиторовъ.

Есть другія причины, кромѣ приведенныхъ, объясняющія отчасти отчего женщины отстаютъ отъ мужчинъ, даже въ занятіяхъ доступныхъ для обоихъ. Первое дѣло—очень мало женщинъ, у которыхъ было бы на такое занятіе время. Это можетъ показаться парадоксомъ, а между тѣмъ это несомнѣнный фактъ. Прежде чѣмъ заняться чѣмъ нибудь постороннимъ, каждой женщинѣ приходится посвятить свое время и заботы удовлетворенію весьма значительныхъ практическихъ требованій. Во первыхъ, нужно смотрѣть за семействомъ, что̀ занимаетъ исключительно, по крайней мѣрѣ, одну женщину въ каждой семьѣ, обыкновенно ту, которая постарше годами и поопытнѣе, кромѣ тѣхъ случаевъ, если семья такъ богата, что можетъ поручить это дѣло наемнымъ лицамъ и не бояться убытка, безпорядка и лишнихъ тратъ, неразлучныхъ съ подобнымъ способомъ вести хозяйство. Надзоръ надъ хозяйствомъ, если даже и не сопряженъ съ особеннымъ трудомъ, чрезвычайно тяготитъ мысль. Онъ требуетъ неусыпной бдительности, глаза, отъ котораго не ускользнула бы ни малѣйшая подробность, и каждый часъ дня и почти ночи представляетъ на обсужденіе и на разрѣшеніе разные вопросы, предвидѣнные и непредвидѣнные, отъ которыхъ лице, отвѣтственное за хозяйство, едва ли можетъ избавиться на минуту. Если женщина, по званію своему и обстоятельствамъ, до нѣкоторой степени и избавлена отъ подобныхъ заботъ, на нея все-таки падаетъ обязанность за всю семью поддерживать отношенія съ другими, т. е. то, что называется свѣтскія обязанности,

и чѣмъ менѣе на ея долю приходится хозяйственныхъ должностей, тѣмъ болѣе расширяются ея свѣтскія обязанности: обѣды, концерты, утренніе визиты, вечера, писаніе писемъ и проч. и проч. — и это все помимо и сверхъ всепоглощающей обязанности, которую общество налагаетъ исключительно на женщинъ—обязанности быть милыми хозяйками и любезными собесѣдницами. Умная женщина высшаго сословія находитъ почти достаточное занятіе для своихъ талантовъ и способностей въ изученіи хорошихъ манеръ и искуства салоннаго разговора. Если смотрѣть только на внѣшнюю сторону предмета, то одни условія и безпрерывная заботливость, которую каждая женщина, сколько нибудь дорожащая тѣмъ, чтобы быть хорошо одѣтой, не непремѣнно богато, а со вкусомъ, съ пониманіемъ естественныхъ и искуственныхъ приличій (convenances), должна посвящать своему туалету, а можетъ быть и туалету дочерей,—уже могли бы привести къ значительнымъ результатамъ въ наукѣ, искуствѣ или литературѣ, и положительно поглощаютъ бо́льшую долю времени и умственныхъ способностей,

которыя могли бы уйдти на эти предметы (1). Для того, чтобы это множество мелкихъ, практическихъ интересовъ (которые для женщинъ, не по вкусу, а по необходимости, становятся довольно крупными) оставляли имъ много досугу или много энергіи и свободы мыслей, могущихъ быть посвящаемы искуству или отвлеченному мышленію, нужно бы, чтобы онѣ обладали несравненно бо́льшимъ запасомъ дѣятельности, нежели какимъ обладаетъ огромное большинство мужчинъ. Но это еще не все. Независимо отъ постоянныхъ житейскихъ обязанностей, падающихъ на женщину, съ нея требуется еще и то, чтобы ея время, ея способности постоянно

---

(1) Сэръ Джосуа Рейнольдсъ говоритъ слѣдующее въ одной изъ своихъ «Бесѣдъ объ искуствѣ»... «Мнѣ кажется, тотъ самый складъ ума даетъ человѣку возможность достигнуть *истины*, т. е. правильнаго понятія о томъ, что хорошо, какъ въ орнаментальной части, такъ и въ болѣе основныхъ началахъ искуства. Центръ совершенства остается тѣмъ же, только кругъ меньше. Въ примѣръ можно привести костюмы людей, въ которомъ, какъ всѣми признано, можетъ преобладать хорошій или дурной вкусъ. Составныя части одежды постоянно измѣняются: онѣ то больше, то меньше, то короче, то длиннѣе, но общая форма остается той же,

были къ услугамъ каждаго встрѣчнаго. Если мужчина даже и не имѣетъ особенной профессіи, освобождающей его отъ подобныхъ посягательствъ на его время и вниманіе, то все-таки, если у него есть какое нибудь занятіе, никто не обижается на него за то, что онъ отдаетъ этому занятію свое время. „Занятъ“ — достаточная и уважительная причина, чтобы не удовлетворять каждое требованіе. Но развѣ занятія женщины, особенно тѣ, которымъ предается она по выбору и собственной волѣ, когда нибудь считаются достаточнымъ извиненіемъ, избавляющимъ ее отъ необходимости исполнять такъ называемыя свѣтскія обязанности? Едва-едва такимъ извиненіемъ считаютъ ея наиболѣе необходимыя и общепризнанныя обязанности. Нужно, чтобы въ домѣ кто нибудь былъ боленъ, или что нибудь другое, выходящее изъ ряда вонъ, чтобъ

сравнительно неизмѣнною, и около этой-то общей формы мода должна вращаться. Тотъ, кто изобрѣтаетъ новую моду съ наибольшимъ успѣхомъ, или съ наибольшимъ вкусомъ одѣвается, — по всей вѣроятности, если бы примѣнилъ ту же способность и то же чутье къ болѣе крупнымъ цѣлямъ, проявилъ бы равное пониманіе или развилъ бы въ себѣ одинаково изящный вкусъ въ высшихъ областяхъ искуства.»

она имѣла право отдать предпочтеніе своимъ дѣламъ предъ забавою другихъ. Она постоянно должна быть въ распоряженіи кого нибудь; чаще всего, всѣхъ и каждаго. Если у нея есть какое нибудь любимое занятіе, она должна посвящать ему время урывками, мгновеніями. Одна знаменитая женщина, сочиненія которой, надѣюсь, когда нибудь будутъ напечатаны, совершенно вѣрно говоритъ, что все, что женщины дѣлаютъ, онѣ дѣлаютъ *между дѣломъ*. Удивительно-ли послѣ этого, если онѣ не достигаютъ высшаго совершенства въ предметахъ, требующихъ необыкновеннаго вниманія и сосредоточенія на нихъ главныхъ интересовъ жизни? Таково изученіе философіи и еще больше искуства, въ которомъ, кромѣ мысли и души, нужно еще постоянно упражнять руку, чтобы достигнуть высшаго совершенства.

Ко всему этому нужно прибавить еще одно соображеніе: въ каждомъ искуствѣ и умственномъ занятіи есть степень совершенства, достаточная, чтобы можно было имъ жить, и есть другая, высшая степень, которой обусловливаются великія произведенія, дающія безсмертіе. Для достиженія первой цѣли достаточно побужденій, руководящихъ каждымъ, кто принимается за

дѣло какъ за профессію; другая степень почти никогда не достигается людьми, не ощущающими или не ощущавшими въ какую нибудь пору своей жизни жгучее желаніе прославиться. Ничто, кромѣ такого желанія, не можетъ обыкновенно служить достаточнымъ побужденіемъ къ тому, чтобы выдержать долго и терпѣливо черновой трудъ, безусловно требующійся даже при величайшихъ природныхъ способностяхъ, для достиженія высокаго совершенства въ предметахъ, по которымъ мы уже имѣемъ столько великолѣпныхъ памятниковъ, оставленныхъ первѣйшими геніями. Между тѣмъ, по естественнымъ или искуственнымъ причинамъ, у женщинъ рѣдко бываетъ подобная жажда славы. Ихъ честолюбіе обыкновенно ограничивается болѣе тѣснымъ предѣломъ. Онѣ ищутъ вліянія болѣе надъ непосредственно окружающими ихъ лицами; имъ хочется, чтобы ихъ любили, любовались ими тѣ люди, которыхъ онѣ видятъ своими глазами и слѣдовательно достаточная для этого степень совершенства въ наукѣ или искуствѣ почти всегда удовлетворяетъ ихъ. Это такая черта характера, которую не слѣдуетъ оставлять безъ вниманія при сужденіи о женщинѣ такой, какой она есть теперь. Я вовсе не

думаю, чтобы черта эта была врожденная женщинамъ. Это только естественное послѣдствіе ихъ обстановки. Любовь къ славѣ поощряется въ мужчинѣ воспитаніемъ и общественнымъ мнѣніемъ. Пренебрегать общественными удовольствіями и вести трудовую жизнь ради славы считается непремѣннымъ условіемъ всякаго благороднаго ума, если даже и вмѣняется ему въ недугъ, и подстрекается тѣмъ, что слава даетъ пріобрѣвшему ее доступъ ко всему, не исключая даже и расположенія женщинъ, между тѣмъ какъ для женщинъ все это—закрытая книга и самое желаніе славы считается не женственнымъ и черезчуръ смѣлымъ. Къ тому же, какъ не быть интересамъ женщины цѣликомъ сосредоточенными на томъ впечатлѣніи, которое она производитъ на лица, вращающіяся въ ея обыденной жизни, когда общество положило, чтобы всѣ обязанности ея относились къ этимъ лицамъ и устроило такъ, что все счастіе и пріятность ея жизни отъ этихъ лицъ зависятъ? Естественное желаніе пріобрѣсть уваженіе ближняго также сильно въ женщинѣ, какъ и въ мужчинѣ. Но общество такъ распорядилось, что уваженіе публики обыкновенно достижимо для нея только путемъ уваженія

къ ней ея мужа или родныхъ мужескаго пола, и личное уваженіе къ ней теряется, лишь только она сколько нибудь выставится на видъ или явится несовсѣмъ въ качествѣ принадлежности мужчины. Каждый, сколько-нибудь способный оцѣнить, какое вліяніе должны имѣть на умъ весь домашній строй, общественное положеніе и привычки цѣлой жизни, легко признаетъ въ этомъ вліяніи удовлетворительное объясненіе почти всѣхъ кажущихся различій между мужчиной и женщиной, включая и всѣ различія, которыя будто указываютъ на превосходство мужчинъ.

Что̀ касается нравственныхъ различій, если противопоставить ихъ умственнымъ, отличительная черта обыкновенно проводится въ пользу женщинъ. Намъ говорятъ, что онѣ лучше мужчинъ — пустой комплиментъ, который долженъ вызвать горькую усмѣшку на уста каждой умной, самостоятельной женщины, такъ какъ ни въ какомъ другомъ положеніи закономъ не считается вполнѣ естественнымъ и въ порядкѣ вещей, чтобы лучшая сторона повиновалась худшей. Если это пустословіе и годится на что̀ нибудь, то развѣ какъ собственное признаніе мужчины въ томъ, какъ пагубно вліяніе власти, по-

тому что это единственная истина, которую фактъ этотъ, если только это въ самомъ дѣлѣ фактъ, — доказываетъ или поясняетъ примѣромъ. И дѣйствительно, порабощеніе тамъ, гдѣ оно неокончательно обращаетъ порабощенныхъ въ подобіе скотовъ, хотя и тлетворно дѣйствуетъ на нравственность обѣихъ сторонъ, однако менѣе развращаетъ рабовъ, чѣмъ рабовладѣльцевъ. Для нравственной натуры человѣка здоровѣе быть обузданну, хотя бы и произвольной властью, чѣмъ имѣть возможность самому пользоваться неограниченною произвольною властью. Женщины, говорятъ, рѣже мужчинъ подпадаютъ подъ уголовные законы; онѣ доставляютъ гораздо меньше именъ въ списокъ уголовныхъ преступленій, чѣмъ мужчины. Я не имѣю ни малѣйшаго сомнѣнія, что то же самое можно сказать точно также основательно и о неграхъ-невольникахъ. Люди, находящіеся подъ чужой властью, рѣдко имѣютъ возможность совершить преступленіе иначе, какъ по приказанію и для видовъ своихъ повелителей. Я не знаю болѣе отъявленнаго примѣра слѣпоты, заставляющей свѣтъ (включая въ это названіе и толпу ученыхъ) оставлять безъ малѣйшаго вниманія все вліяніе общественной обстановки, чѣмъ глупое пренебреженіе

его къ умственнымъ свойствамъ и еще болѣе глупое восхваленіе нравственнымъ свойствамъ женщины.

Лестное заявленіе, вошедшее въ поговорку, о высшемъ будто бы нравственномъ превосходствѣ женщинъ, совершенно приходится подъ стать пренебрежительному отзыву, относящемуся къ ихъ бо́льшей, будто бы, способности поддаваться постороннему вліянію. Женщины, увѣряютъ насъ, не способны устоять противъ своего личнаго пристрастія; сужденіе ихъ въ важныхъ дѣлахъ извращается ихъ личной симпатіей или антипатіей. Предположимъ даже, что это такъ,—все-таки требуется доказать, чаще ли женщины сбиваются съ пути вслѣдствіе личныхъ своихъ чувствъ, чѣмъ сбиваются съ него мужчины ради своихъ личныхъ интересовъ? Если провести подобную паралель, главная разница окажется въ томъ, что мужчины сбиваются съ пути долга и общественныхъ интересовъ любовью къ самимъ себѣ, женщины же — такъ какъ имъ не дозволено имѣть личныхъ интересовъ — любовью къ другимъ. Надо еще принять въ соображеніе, что воспитаніе, которое женщины получаютъ отъ общества, внушаетъ имъ, что лица, близкія имъ—единственныя, въ отношеніи къ которымъ у нихъ есть обязанности, единственныя, объ интересахъ которыхъ онѣ должны радѣть, между тѣмъ какъ ни это воспитаніе, ни другое, получаемое ими въ дѣтствѣ, не знакомятъ ихъ даже съ элементарными понятіями, безъ которыхъ невозможно разумное участіе въ высшихъ интересахъ или въ высшихъ нравственныхъ цѣляхъ. Стало быть весь упрекъ женщинамъ въ этомъ отношеніи сводится на то, что онѣ слишкомъ добросовѣстно исполняютъ единственную обязанность, которой ихъ учатъ, и почти единственную, которую позволяютъ имъ исполнять.

Уступки привилегированныхъ классовъ непривилегированнымъ такъ рѣдко проистекаютъ изъ болѣе благородныхъ причинъ, чѣмъ возможность непривилегированныхъ брать ихъ силой,—что большая часть людей едва ли станетъ внимать какимъ либо доводамъ противъ преимуществъ одного пола передъ другимъ до тѣхъ поръ, пока они будутъ имѣтъ возможность твердить, что женщины сами не жалуются на этотъ порядокъ. Спору нѣтъ, что этотъ фактъ даетъ мужчинамъ возможность сохранить свои несправедливыя преимущества нѣсколько долѣе, но преимущества эти отъ этого

отнюдь не менѣе несправедливы. Точно тоже можно сказать о женщинахъ, сидящихъ въ восточныхъ гаремахъ. Наши женщины кажутся имъ невыносимо наглыми и неженственными. Вѣдь какъ рѣдко даже мужчины жалуются на господствующій общественный строй и сколько бы еще рѣже слышались подобныя жалобы, если бы они не знали о другихъ порядкахъ, существующихъ въ другихъ мѣстахъ! Женщины не жалуются на общую женскую долю—или, вѣрнѣе, именно жалуются, какъ видно изъ многихъ элегическихъ страницъ въ сочиненіяхъ женщинъ, а страницъ этихъ было еще болѣе, когда писавшихъ ихъ нельзя было заподозрить въ какой нибудь практической цѣли—но жалобы эти походятъ болѣе на разглагольствованія мужчинъ, сѣтующихъ на общую неудовлетворительность человѣческой жизни: подобныя сѣтованія еще не обусловливаютъ непремѣнно порицанія, или желанія перемѣны. Однако, хотя женщины еще не жалуются на власть мужей вообще, каждая жалуется на собственнаго мужа или на мужей своихъ пріятельницъ. Тоже самое бываетъ и во всѣхъ другихъ видахъ рабства, по крайней мѣрѣ, въ началѣ освободительнаго движенія. Крѣпостные сначала не жа-

ловались на власть помѣщика, а только на злоупотребленіе этой властью. Англійскія общины сначала потребовали весьма немногихъ гражданскихъ льготъ; затѣмъ онѣ потребовали, чтобы казна отказалась отъ права налагать налоги безъ ихъ согласія, и въ то время онѣ сочли бы еще верхомъ дерзости одно предположеніе—потребовать себѣ долю въ верховной власти короля. Женщины представляютъ въ настоящее время единственный примѣръ цѣлаго сословія, на возмущеніе котораго противъ существующихъ правилъ смотрятъ такими глазами, какими прежде смотрѣли на притязаніе подданнаго—имѣть право возмущаться противъ своего государя. Женщина, участвующая въ какомъ нибудь движеніи, не одобриваемомъ ея мужемъ, дѣлаетъ изъ себя даже не апостола, а просто мученицу, потому что мужъ имѣетъ право законнымъ путемъ прекратить ея апостольствованіе. Нѣтъ возможности, чтобы женщины сами стали домогаться освобожденія до тѣхъ поръ, пока значительное число мужчинъ не будутъ готовы раздѣлить съ ними это предпріятіе.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Остается еще вопросъ, не менѣе важный чѣмъ тѣ, которые мы разсмотрѣли выше; его съ особенной назойливостью будутъ ставить тѣ изъ моихъ противниковъ, убѣжденія которыхъ нѣсколько потрясены по главнымъ пунктамъ. Вопросъ этотъ слѣдующій: какой пользы можемъ мы ожидать отъ предлагаемыхъ мною измѣненій въ нашихъ нравахъ и учрежденіяхъ? Будетъ ли лучше человѣчество оттого, что будутъ освобождены женщины? Если нѣтъ, то зачѣмъ баламутить ихъ умы и стараться произвести общественную революцію во имя какого-то отвлеченнаго права?

Едва ли можно предположить, чтобы этотъ вопросъ поставили по поводу предполагаемаго измѣненія положенія женщинъ въ брачной жизни. Страданія, безнравственность, зло всякаго рода, производимыя въ безчисленныхъ слу-

чаяхъ подчиненностью отдѣльныхъ женскихъ личностей отдѣльнымъ мужскимъ личностямъ, слишкомъ ужасны, чтобы ихъ можно было оставить безъ вниманія. Люди неискренніе, или не привыкшіе серьезно думать, принимая въ расчетъ только примѣры, доходящіе до гласности или черезчуръ уже вопіющіе, могутъ, пожалуй, сказать, что зло составляетъ исключеніе. Но никто не можетъ отрицать существованія этого зла и, во многихъ случаяхъ, его чудовищности. Далѣе очевидно, что злоупотребленію власти со стороны мужей едва ли можетъ быть положенъ предѣлъ, пока существуетъ самая власть. Вѣдь эта власть дается не однимъ хорошимъ, или, по крайней мѣрѣ, сколько нибудь приличнымъ мужчинамъ, а всѣмъ мужчинамъ безъ исключенія,—самымъ низкимъ, самымъ звѣрскимъ, самымъ преступнымъ. Узды на нихъ нѣтъ, кромѣ общественнаго мнѣнія, а до подобныхъ людей вообще не доходитъ ничье мнѣніе, кромѣ мнѣнія такихъ же личностей, какъ они сами. Если бы такіе мужчины не тиранствовали звѣрски надъ единственнымъ существомъ, которое законъ вынуждаетъ все сносить отъ нихъ, можно было бы сказать, что общество превратилось въ ка-

кую-то Аркадію. Послѣ этого не было бы нужды въ законахъ для обуздыванія порочныхъ мужскихъ склонностей — наступилъ бы золотой вѣкъ. Законъ рабства въ бракѣ стоитъ въ чудовищномъ противорѣчіи ко всѣмъ опытамъ, выработавшимъ эти принципы медленнымъ, тяжелымъ путемъ, въ теченіи вѣковъ. Съ тѣхъ поръ, какъ уничтожено невольничество негровъ, это единственный примѣръ врученія человѣческаго существа, находящагося въ полнотѣ всѣхъ своихъ способностей, на руки и въ полный произволъ другаго человѣческаго существа, въ той идилической надеждѣ, что это другое человѣческое существо употребитъ свою власть единственно ***для пользы*** порученнаго ему субъекта. Бракъ — единственный видъ рабства въ полномъ смыслѣ слова, признаваемый новѣйшими законами. По закону нѣтъ болѣе рабовъ — кромѣ хозяйки каждаго дома.

И такъ, вѣроятно не къ этой сторонѣ нашего предмета подойдутъ съ вопросомъ: къ чему измѣненія? Какая отъ нихъ польза? Могутъ возразить, пожалуй, что зло перевѣситъ пользу, но что польза будетъ, и будетъ весьма существенная — этого никто оспаривать не

станетъ. Касательно же болѣе обширнаго вопроса — вопроса о снятіи съ женщинъ политическихъ и гражданскихъ запрещеній, о признаніи ихъ равноправности во всемъ, что составляетъ гражданскія права, о раскрытіи имъ всѣхъ почетныхъ занятій и доставленіи имъ образованія, дающаго имъ нужныя условія для этихъ занятій, — найдется множество людей, которые не сочтутъ достаточнымъ доводомъ фактъ, что неравноправность женщинъ нельзя оправдывать ни на какихъ законныхъ, справедливыхъ основаніяхъ; такіе люди потребуютъ, чтобы имъ растолковали, какая прямая выгода достигнется отмѣненіемъ существующихъ порядковъ.

На это да будетъ мнѣ дозволено прежде всего отвѣтить, что достигнется та выгода, во первыхъ, что наиболѣе тѣсными, всемірно существующими отношеніями между людьми будетъ управлять справедливость вмѣсто несправедливости. Огромное значеніе подобнаго выигрыша для человѣческой природы почти невозможно выставить въ болѣе сильномъ свѣтѣ какими бы то ни было примѣрами и объясненіями, чѣмъ простымъ заявленіемъ о немъ, если дѣло имѣется съ человѣкомъ,

признающимъ за словомъ какой нибудь нравственный смыслъ. Всѣ эгоистическія склонности,—самообожаніе, несправедливое самопредпочтеніе,—существующія между людьми, имѣютъ источникъ и корень свой въ существующемъ нынѣ устройствѣ отношеній между женщинами и мужчинами, и изъ этого устройства почерпаютъ свою главную пищу. Пусть только подумаютъ, что̀ значитъ для мальчика вырости въ полномъ убѣжденіи, что безъ всякихъ заслугъ или стараній съ его стороны, хотя бы онъ былъ пустѣйшимъ, легкомысленнѣйшимъ или пустѣйшимъ и невѣжественнѣйшимъ изъ людей, въ силу одного факта, что онъ родился мужчиной, онъ выше цѣлой половины человѣческаго рода вообще и каждаго ея члена въ особенности, включая въ это огромное число, по всей вѣроятности, нѣсколько такихъ личностей, истинное превосходство которыхъ надъ собою онъ ежедневно, ежечасно имѣетъ случай ощущать. А если даже онъ во всѣхъ своихъ поступкахъ рудоводится совѣтами и вліяніемъ женщины, онъ думаетъ, хотя бы онъ былъ дуракъ, что все-таки она не равня и не можетъ быть равней ему по уму и способностямъ. Если же онъ не дуракъ, тогда и

того хуже: онъ видитъ и сознаетъ, что она выше его и вполнѣ убѣжденъ, что не смотря на ея превосходство, онъ имѣетъ право командовать ею, а она обязана повиноваться. Какое вліяніе на его характеръ должно имѣть подобное убѣжденіе? А мужчины образованныхъ сословій весьма часто не сознаютъ, какъ глубоко западаетъ оно въ огромное большинство мужскихъ умовъ — не сознаютъ потому, что между благовоспитанными и порядочными людьми неравенство маскируется въ особенности отъ дѣтей. Отъ мальчиковъ требуютъ, чтобы они повиновались матери также какъ и отцу, имъ не позволяютъ властвовать надъ сестрами, имъ не оказываютъ предъ ними никакого предпочтенія—скорѣе наоборотъ, такъ что прелести рыцарскаго чувства выставляются на видъ, а рабство, безъ котораго рыцарство и не нужно было бы, держатъ на заднемъ планѣ. Благовоспитанный юноша высшаго сословія такимъ образомъ въ раннюю молодость часто спасается отъ дурнаго вліянія своего положенія и испытываетъ его только позже, когда, возмужавши, онъ вступаетъ въ область дѣйствительныхъ фактовъ. Такіе люди почти не подозрѣваютъ, какъ

рано понятіе о собственномъ превосходствѣ надъ дѣвочкой зараждается въ умѣ мальчика, воспитаннаго при другихъ условіяхъ; какъ понятіе это растетъ, развивается и крѣпнетъ вмѣстѣ съ нимъ; какъ оно прививается отъ одного школьника къ другому; какъ рано юноша начинаетъ ставить себя выше матери и считаетъ себя обязаннымъ ей развѣ снисхожденіемъ и вниманіемъ, но никакъ не истиннымъ уваженіемъ, и какое возвышенное, достойное султана, чувство превосходства онъ ощущаетъ главнымъ образомъ надъ женщиной, которой онъ дѣлаетъ честь допустить ее на правахъ подруги въ свою жизнь. Неужели воображаютъ, что все это не искажаетъ всего нравственнаго существованія мужчины не только какъ личности, но и какъ члена общества? Развѣ это не совершенно тоже самое, что убѣжденіе индѣйскаго раджи, что онъ превосходитъ всѣхъ другихъ людей, потому самому, что родился раджей, или дворянина — потому, что онъ родился дворяниномъ? Отношенія между мужемъ и женою весьма похожи на отношенія между сюзереномъ и вассаломъ, съ той разницей, что жена содержится въ гораздо болѣе безусловномъ повиновеніи, чѣмъ содержались вассалы. Какое

вліяніе ни имѣла бы на вассала его подчиненность, къ худшему или къ лучшему, кто не видитъ, что нравственность сюзерена сильно мѣнялась къ худшему, все равно приходилъ ли онъ къ убѣжденію, что его вассалъ дѣйствительно ниже его, или что онъ поставленъ повелителемъ надъ людьми, ни въ чемъ не уступающими ему, не за какія нибудь свои заслуги или достоинства, а единственно за то, что онъ, по словамъ Фигаро, „потрудился родиться?“ Самообожаніе феодальнаго монарха или барона ничѣмъ не хуже самообожанія каждаго мужчины. Люди безнаказанно не выростаютъ съ дѣтства обладателями незаслуженныхъ отличій, а непремѣнно чванятся ими. Тѣ, которымъ преимущества, пріобрѣтенныя не собственными заслугами, и, по внутреннему сознанію ихъ, превосходящія эти заслуги, внушаютъ смиреніе, всегда будутъ составлять исключенія, всегда останутся меньшинствомъ. Остальные только научаются гордости, да еще гордости самаго худшаго сорта — гордости, чванящейся случайными преимуществами, достигнутыми не своими трудами. А главное, когда чувство возвышенности надъ цѣлой половиной человѣчества соединяется съ личною властію

надъ однимъ членомъ этой половины, такое положеніе, если оно и служитъ школой добросовѣстности и заботливой любви для людей, главныя черты характера которыхъ и безъ того уже именно добросовѣстность и привязчивость, за то для другаго разряда мужчинъ служитъ академіей или гимназіей для развитія въ нихъ надменности и заносчивости, и эти пороки, если они и сдерживаютъ ихъ въ своихъ сношеніяхъ съ другими мужчинами, зная заранѣе, что встрѣтятъ сопротивленіе, обрушиваются на всѣхъ лицъ, вынужденныхъ, по своему положенію, сносить ихъ и часто вымещаютъ на несчастной женѣ невольное стѣсненіе, которымъ волей-неволей должны подвергаться въ своихъ сношеніяхъ съ другими.

Самое существованіе домашняго быта, основаннаго на отношеніяхъ, противорѣчащихъ первымъ принципамъ общественнаго правосудія, воспитывая въ людяхъ самыя дурныя нравственныя стороны, должно, по самой человѣческой природѣ, имѣть зловредное вліяніе, до такой степени громадное, что при нашихъ нынѣшнихъ нравахъ почти невозможно составить полное понятіе о томъ, какая огромная перемѣна къ лучшему произойдетъ отъ отмѣны такого порядка. Все, что̀ воспитаніе

и цивилизація дѣлаютъ къ устраненію вліянія, производимаго на характеръ закономъ сильнѣйшаго и къ замѣненію его вліяніемъ правосудія, никогда не пойдетъ далѣе поверхностности до тѣхъ поръ, пока самый вражій цитадель не тронутъ. Основный принципъ современнаго нравственнаго политическаго движенія заключается въ томъ, что только собственные поступки человѣка даютъ ему право на уваженіе другихъ, что это право людямъ дается не тѣмъ, чѣмъ они есть, а тѣмъ, что̀ они дѣлаютъ, а главное—что не рожденіе, а заслуга даетъ единственное законное право на власть. Если бы ни одному человѣку не давалось надъ другимъ другой власти кромѣ временной, по самой своей сущности, общество не занималось бы тѣмъ, чтобы одной рукой создавать наклонности, которыя ему приходится обуздывать другой. Ребенка, въ первый разъ со времени существованія человѣка на землѣ, стали бы съ рожденія вести дѣйствительно по тому пути, по которому ему слѣдуетъ идти, и можно было бы надѣяться, что, выросши, онъ отъ него не уклонится. Но до тѣхъ поръ, пока право сильнѣйшаго командовать слабѣйшимъ есть ось, вокругъ которой вращается самая сердцевина об-

щества, попытка возвести равноправность слабѣйшихъ въ принципъ, руководящій дѣйствіями сильнѣйшаго, всегда будетъ безплодною; до тѣхъ поръ законъ правосудія, который есть и законъ христіанства, никогда не проникнетъ въ глубину души и сознаніе людей — люди будутъ бороться противъ него, даже преклоняясь предъ нимъ.

Вторая выгода, которую можно ожидать отъ предоставленія женщинамъ свободы пользоваться своими способностями и выбирать себѣ занятія и отъ раскрытія предъ ними того же поля дѣятельности, тѣхъ же поощреній и наградъ, которыми пользуются и другія человѣческія существа, заключалась бы въ томъ, что удвоилась бы масса умственныхъ способностей, могущихъ пригодиться въ высшемъ служеніи человѣчеству. Тамъ, гдѣ теперь имѣется одно лице, обладающее нужными условіями, чтобы приносить пользу человѣчеству, или способствовать общему совершенствованію, въ качествѣ ли публичнаго преподавателя или завѣдывателя какою нибудь отраслью общественныхъ или государственныхъ дѣлъ, можно было бы расчитывать на два такихъ лица. Въ умственномъ превосходствѣ всякаго рода въ настоящее время

ощущается такой недостатокъ, такъ мало лицъ, могущихъ сдѣлать что нибудь, отличиться въ чемъ нибудь, къ чему требуется значительная степень умственныхъ способностей, что человѣчество теряетъ чрезвычайно много, отказываясь употреблять въ дѣло ровно половину суммы даровитости, которою оно располагаетъ. Правда, что эта масса умственной силы не совсѣмъ пропадаетъ. Большая доля ея идетъ, и во всякомъ случаѣ шла бы, на домашнее устройство и тѣ немногія другія занятія, которыя дозволяются женщинамъ, а изъ остальнаго во многихъ отдѣльныхъ случаяхъ получается большая косвенная польза посредствомъ личнаго вліянія отдѣльныхъ женскихъ личностей надъ отдѣльными мужскими личностями. Но эта выгода слишкомъ мала. Поле ея чрезвычайно ограничено, и если съ одной стороны слѣдуетъ скинуть ее съ суммы свѣжихъ общественныхъ силъ, которыя добылись бы освобожденіемъ половины всей суммы человѣческой интеллигенціи, нужно съ другой стороны прикинуть къ этой суммѣ пользу, которая непремѣнно послѣдовала бы отъ новаго толчка, какой былъ бы данъ мужскому уму такою конкуренціей или, чтобы употребить болѣе вѣрное выраженіе, отъ необходимости, въ

которой мужчины очутились бы, заслужить первенство прежде чѣмъ достигнутъ его. Это огромное приращеніе къ умственнымъ силамъ человѣческаго рода и къ суммѣ интеллигенціи, могущей служить къ благому управленію дѣлами его, было бы отчасти достигнуто и болѣе полнымъ образованіемъ женщинъ, которое тогда совершенствовалось бы одинаково съ мужскимъ. Женщины вообще были бы воспитаны такъ, чтобы понимать всякія дѣла: частныя, общественныя и политическія и высшіе предметы отвлеченнаго мышленія наравнѣ съ мужчинами тѣхъ же сословій, и избранное меньшинство, какъ одного, такъ и другаго пола, способное не только постигать то, что дѣлается и мыслится другими, но и сами что нибудь сдѣлать или измыслить, встрѣчало бы одинакія льготы и возможности къ усовершенствованію и воспитанію въ себѣ своихъ способностей. Такимъ образомъ расширеніе сферы дѣятельности женщинъ принесло бы пользу, поднявъ ихъ образованіе на одинъ уровень съ мужскимъ и дѣлая его причастнымъ ко всѣмъ улучшеніямъ, вводимымъ въ мужское образованіе. Но независимо отъ этого, одно снятіе преградъ могло бы принесть уже воспитательную пользу высшаго разряда. Одно то, что люди избавились бы отъ понятія, будто всѣ наиболѣе широкіе предметы мышленія или дѣятельности, все то, что относится къ общимъ, а не исключительно къ личнымъ интересамъ — дѣло мужское, отъ котораго слѣдуетъ всѣми средствами отваживать женщинъ и въ которыхъ чаще всего имъ запрещаютъ участвовать, или только пренебрежительно терпятъ ихъ участіе, насколько оно имъ дозволено — одно сознаніе, которое тогда женщина имѣла бы, что она человѣческое существо такое же, какъ и всякое другое, съ правомъ выбирать себѣ занятіе, подстрекаемое или заманиваемое тѣми же побужденіями, какъ и всякій другой человѣкъ, къ участію во всемъ, касающемся всего человѣческаго рода, съ правомъ на свою долю вліянія во всѣхъ человѣческихъ дѣлахъ (станетъ ли она въ самомъ дѣлѣ участвовать въ нихъ или нѣтъ — вопросъ другой), это одно имѣло бы послѣдствіемъ неизмѣримое расширеніе способностей женщинъ, а также и расширеніе ихъ нравственныхъ чувствъ.

Помимо приращенія къ суммѣ личныхъ талантовъ, могущихъ быть употребляемы въ веденіи дѣлъ человѣчества, вовсе не располагающаго въ настоящее время

*

такимъ изобиліемъ способностей, которое давало бы ему право и возможность обходиться безъ цѣлой половины запаса, предоставленнаго ему природой, мнѣнія женщины имѣли бы тогда не столько болѣе обширное, сколько болѣе благотворное вліяніе на общую массу людскихъ мнѣній и чувствъ. Я потому говорю „не столько болѣе обширное, сколько болѣе благотворное вліяніе“, что вліяніе женщины надъ общимъ уровнемъ всегда, или по крайней мѣрѣ съ самаго ранняго извѣстнаго намъ времени, было весьма значительно. Вліяніе матерей на сыновей въ дѣтствѣ и молодости, желаніе юношей заявить себя выгодно предъ молодыми дѣвушками, во всѣ извѣстныя времена сильно содѣйствовали развитію мужскаго характера и служили рѣшительной побудительной причиной къ нѣкоторымъ изъ важнѣйшихъ шаговъ въ прогрессѣ цивилизаціи. Даже въ героическій вѣкъ, желаніе заявить себя предъ „длиннохитонными троянками“ служитъ признаннымъ и могучимъ подстрекательствомъ самому великому Гектору. Нравственное вліяніе женщинъ дѣйствуетъ двояко. Во первыхъ оно имѣетъ смягчающее и укрощающее дѣйствіе. Понятно, что существа, всего болѣе рискующія каждую минуту

сдѣлаться жертвами насилія, по мѣрѣ возможности старались ограничивать его и обуздывать всякія его проявленія. Такъ какъ ихъ никогда не учили драться, онѣ естественнымъ образомъ всегда склонялись на сторону всякаго способа къ улаженію распри, только бы не выходило драки. Вообще лица, болѣе всего страдавшія отъ полнаго удовлетворенія эгоистическихъ страстей, всегда бывали наиболѣе усердными поборниками всякаго нравственнаго закона, представляющаго средства къ обуздыванію этихъ страстей. Женщины были однимъ изъ главныхъ орудій, побудившихъ сѣверныхъ завоевателей принять христіанство — вѣроисповѣданіе несравненно болѣе благопріятное женщинамъ, чѣмъ всѣ ему предшествовавшія. Обращеніе англосаксонцевъ и франковъ началось, можно сказать, съ женъ Этельберта и Хлодовига. Съ другой стороны, дѣйствіе женскаго вліянія сильно проявлялось и въ видѣ могучаго стимула тѣмъ качествамъ въ мужчинахъ, которыхъ, отъ природы ли или отъ воспитанія, всегда не доставало въ женщинѣ, и которыя имъ по этому необходимо было найдти въ своихъ охранителяхъ. Мужество и всякія воинственныя доблести съ незапамятныхъ временъ были въ значи-

тельной степени обязаны своимъ развитіемъ желанію мужчинъ заслужить удивленіе женщинъ, и стимулъ этотъ проникаетъ гораздо далѣе этого разряда блестящихъ качествъ, такъ какъ въ глазахъ женщинъ, весьма естественно, вслѣдствіе положенія ихъ, лучшей рекомендаціей для мужчины всегда было высокое мнѣніе о немъ другихъ мужчинъ. Изъ соединенія этихъ двухъ видовъ женскаго вліянія произошелъ духъ рыцарства, главная особенность котораго заключается въ стараніи соединить высшую степень воинственныхъ качествъ съ противоположными добродѣтелями—кротостью, великодушіемъ, самоотреченіемъ въ отношеніи къ невоинственнымъ или беззащитнымъ разрядамъ людей вообще, и особой покорностью, почти боготвореніемъ, въ отношеніи къ женщинамъ, которыя отличались отъ другихъ беззащитныхъ сословій тѣмъ, что могли добровольно даровать высокія награды рыцарямъ, старавшимся пріобрѣсти ихъ расположеніе, вмѣсто того, чтобы принуждать ихъ къ повиновенію. Хотя рыцарство на практикѣ далеко отстало отъ своего теоретическаго идеала—даже далѣе того, насколько вообще практика отстаетъ отъ теоріи,—оно остается однимъ изъ самыхъ драгоцѣнныхъ

памятниковъ въ нравственной исторіи нашего рода и замѣчательнымъ примѣромъ организованной попытки, сдѣланной крайне безпорядочнымъ и безправнымъ обществомъ къ созданію и введенію на практикѣ нравственнаго идеала, значительно опередившаго тогдашнее общество и общественныя учрежденія; и хотя именно по этому рыцарство главной своей цѣли не достигло, однако оно далеко не осталось совсѣмъ безъ вліянія и оставило весьма замѣтный и по большей части весьма благотворный отпечатокъ на мысляхъ и чувствахъ всѣхъ послѣдующихъ временъ.

Идеалъ рыцарства есть верхъ вліянія женскаго нрава на нравственное развитіе человѣчества и, если ужъ женщинамъ суждено оставаться въ своемъ настоящемъ подчиненномъ положеніи, будетъ весьма прискорбно, если этотъ идеалъ совершенно утратится, потому что онъ одинъ сколько нибудь способенъ смягчить деморализующее вліяніе подобнаго положенія. Но перемѣны, происшедшія въ общемъ положеніи человѣческаго рода, сдѣлали необходимымъ замѣненіе рыцарскаго идела совершенно другимъ. Рыцарство было попыткой ввести нравственный элементъ въ такое общество, въ которомъ

все зависѣло, въ худшую или хорошую сторону, отъ личной храбрости, подлежащей болѣе или менѣе смягчающему вліянію личнаго же великодушія и деликатности. Въ новѣйшихъ обществахъ все, даже по военной части, рѣшается не личнымъ стараніемъ, а соединеннымъ дѣйствіемъ массы; въ то же время главнымъ занятіемъ общества, вмѣсто войны, сдѣлалась торговля. Мысли общества обратились къ промышленной жизни. Потребности новой жизни не болѣе потребностей старой исключаютъ добродѣтели одного разряда съ великодушіемъ, но все хорошее въ жизни уже не зависитъ исключительно отъ великодушія. Главными основами нравственной жизни въ наше время должны быть справедливость и разумность, уваженіе каждаго къ правамъ всѣхъ прочихъ и возможность каждаго постоять за себя. Рыцарство легально не обуздывало всѣхъ видовъ злоупотребленій, безнаказанно господствовавшихъ во всѣхъ слояхъ общества, а только поощряло нѣсколькихъ лицъ предпочесть добро злу, выставляя имъ въ награду похвалы и удивленіе другихъ. Но нравственность всего болѣе должна полагаться на свои карательныя постановленія, на возможность удержать отъ зла, и безопасность общества не можетъ основываться единственно на воздаваніи почестей добру; это сравнительно слишкомъ слабое побужденіе для всѣхъ, кромѣ весьма немногихъ, а на очень многихъ оно вовсе не дѣйствуетъ. Новѣйшее общество имѣетъ возможность подавить зло во всѣхъ отдѣлахъ жизни посредствомъ высшей силы, доставленной ему цивилизаціей, и такимъ образомъ имѣть возможность сдѣлать существованіе слабѣйшихъ членовъ своихъ, — уже не беззащитныхъ, потому что ихъ охраняетъ законъ, — сноснымъ для нихъ, не полагаясь для этого на одни рыцарскія чувства лицъ, могущихъ, по своему положенію, тиранствовать надъ ними. Красоты и прелести рыцарскаго характера остаются все тѣми же, какими были, но права слабѣйшаго и общее благоденствіе и спокойствіе нынѣ имѣютъ гораздо болѣе вѣрную и надежную опору—т. е. во всѣхъ жизненныхъ отношеніяхъ, кромѣ супружескихъ.

Въ настоящее время нравственное вліяніе женщины не имѣетъ такого рѣзко-опредѣленнаго характера; оно почти слилось съ общимъ вліяніемъ общественнаго мнѣнія. Вслѣдствіе отчасти заразительности симпатій, отчасти желанія мужчинъ порисоваться передъ женщинами,

чувства и мнѣнія женщинъ сильно содѣйствуютъ сохраненію остатковъ рыцарскаго идеала, традицій храбрости и великодушія. Въ этихъ чертахъ идеалъ женщинъ выше идеала мужчинъ; относительно же справедливости онъ нѣсколько пониже. Что̀ касается отношеній частной жизни, можно сказать, что женское вліяніе въ цѣломъ поощряетъ мягкія качества и противодѣйствуетъ суровымъ, хотя и это сужденіе слѣдуетъ принять со всѣми измѣненіями, зависящими отъ личнаго характера. Въ величайшемъ изъ испытаній, которымъ подлежитъ добродѣтель среди житейскихъ дѣлъ—въ столкновеніяхъ между нравственными правилами и личными интересами, женское вліяніе бываетъ весьма смѣшаннаго рода. Если затрогиваемый принципъ случайно окажется однимъ изъ тѣхъ весьма немногихъ, которое ихъ нравственное или религіозное воспитаніе сильно впечатлило въ умахъ ихъ, онѣ всѣми силами стоятъ за строгую добродѣтель и часто подстрекаютъ своихъ мужей и сыновей къ такому самоотверженію, къ какому они сами по себѣ никогда не были бы способны. Но при настоящемъ воспитаніи и положеніи женщинъ, нравственныхъ принциповъ, сильно впечатлившихся въ ихъ умахъ, срав-

нительно очень мало, и кромѣ того, главнымъ образомъ, они отрицательнаго свойства —ограничиваются воспрещеніемъ того или другаго, и имѣютъ весьма мало общаго съ направленіемъ мысли и дѣятельности вообще. Къ прискорбію моему, кажется можно сказать, что безкорыстіе въ крупныхъ чертахъ, посвященіе энергіи цѣлямъ, не представляющимъ вѣроятія на выгоды для семьи, вообще рѣдко поощряются или поддерживаются женскимъ вліяніемъ. Въ вину имъ ставить опять-таки не приходится, если онѣ не особенно хлопочутъ о предметахъ, пользу которыхъ имъ не толковали и которые, сверхъ того, отрываютъ близкихъ имъ мужчинъ отъ нихъ и отъ интересовъ семьи. Но изъ этого выходитъ то, что женское вліяніе въ высшей степени неблагопріятно такъ называемой гражданской добродѣтели.

Женщины однако имѣютъ нѣкоторое вліяніе на общій ходъ гражданской общественной нравственности съ тѣхъ поръ, какъ ихъ сфера дѣятельности нѣсколько расширена и значительное число изъ нихъ практически занялись содѣйствованіемъ цѣлямъ, лежащимъ внѣ ихъ собственной семьи и хозяйства. Вліяніе женщинъ въ значительной степени входитъ въ двѣ изъ наиболѣе

рѣзкихъ чертъ новѣйшей европейской жизни: отвращеніе отъ войны и склонность къ филантропіи. И то и другое — прекрасныя черты, но къ несчастію, если вліяніе женщинъ полезно тѣмъ, что поощряетъ это направленіе вообще и содѣйствуетъ примѣненію его въ частности, оно нерѣдко приноситъ по крайней мѣрѣ столько же вреда, сколько и пользы. По части филантропіи, въ особенности, отрасли, которыми женщины главнымъ образомъ занимаются — религіозная пропаганда и благотворительность. Религіозная пропаганда въ отечествѣ, другими словами, значитъ: увѣковѣченіе и ожесточеніе религіозныхъ распрей; внѣ отечества она вообще равносильна слѣпому напору къ какой нибудь цѣли, причемъ не сознаются или не принимаются во вниманіе роковыя ошибки — роковыя какъ для самой цѣли, къ которой стремятся, такъ и для всякихъ другихъ цѣлей — могущія произойдти отъ употребляемыхъ средствъ. Что̀ касается благотворительности, это такое дѣло, въ которомъ непосредственное благодѣтельствованіе прямо заинтересованнымъ лицамъ и достиженіе конечныхъ благотворныхъ послѣдствій въ видахъ общей пользы, нерѣдко приходятъ въ столкновеніе. Между тѣмъ, воспитаніе,

которое дается женщинамъ, обыкновенно развиваетъ въ нихъ чувство болѣе чѣмъ разсудокъ, и привычка — результатъ всей ихъ жизни — имѣть въ виду непосредственное воздѣйствіе на окружающія личности, а не отдаленное воздѣйствіе на цѣлый разрядъ личностей, дѣлаетъ то, что онѣ неспособны понять, или не любятъ признавать конечнаго вреда, могущаго произойдти отъ какого нибудь вида благотворительности или филантропіи, затрогивающаго ихъ сострадательныя чувства. Огромная и постоянно возрастающая масса непросвѣщенной и близорукой благотворительности, которая, избавляя бѣдныхъ отъ заботъ о самихъ себѣ и отъ непріятныхъ послѣдствій ихъ собственныхъ поступковъ, подкашиваетъ въ нихъ подъ самый корень самоуваженіе, самопомощь, самообладаніе, составляющія самыя существенныя условія какъ личнаго благоденствія, такъ и общественной добродѣтели — эта растрата значительныхъ средствъ и прекрасныхъ чувствъ больше на вредъ, чѣмъ на добро, принимаетъ громадные размѣры, по милости женщинъ — ихъ прямаго содѣйствія и вліянія. Съ другой стороны женщины рѣдко впадаютъ въ эту ошибку тамъ, гдѣ на нихъ возлагается практическое завѣдываніе цѣльными благо-

творительными проэктами. Иногда случается, что женщины, завѣдывающія общественными благотворительными заведеніями, при той способности чутко понимать существующіе факты и въ особенности вникать въ мысли и чувства лицъ, составляющихъ ихъ непосредственный кругъ дѣятельности, которою женщины вообще превосходятъ мужчинъ, сами яснымъ образомъ сознаютъ демо-рализующее вліяніе милостыни или прямаго пособія и могли бы давать уроки по этому предмету не одному мужчинѣ-спеціалисту по политической экономіи. Но женщины, которыя даютъ только деньги, а не становятся лицемъ къ лицу съ дѣйствіями, производимыми этими деньгами, могутъ ли представить себѣ эти дѣйствія? Какимъ образомъ женщина, родившаяся въ нынѣшней женской долѣ и довольствующаяся этой долей, можетъ познать цѣну самостоятельности? она сама несамостоятельна, ее не учили самостоятельности. Ея судьба — принимать все отъ другихъ; почему же то, что̀ годится для нея, не годится для бѣдныхъ? Ея понятія о благотворительности ограничиваются понятіемъ о благахъ, ниспосылаемыхъ высшимъ существомъ. Она забываетъ, что она несвободна, а бѣдные-то свободны; что

если имъ давать то, въ чемъ они нуждаются, не заставляя ихъ это заработать, потомъ уже ничѣмъ нельзя будетъ пріохотить ихъ къ работѣ; что каждый не можетъ обо всѣхъ заботиться, и что необходимо, чтобы было какое нибудь побужденіе, заставляющее людей заботиться о самихъ себѣ; наконецъ, что единственная благотворительность дѣйствительно въ результатахъ благотворная — помогать бѣднымъ помочь самимъ себѣ, если только они имѣютъ къ этому физическую возможность.

Эти соображенія доказываютъ какъ могла бы роль, занимаемая женщинами въ развитіи общественнаго мнѣнія, измѣниться къ лучшему доставленіемъ имъ болѣе обширныхъ свѣденій и практическаго знанія того, на что̀ мнѣніе ихъ имѣетъ вліяніе, — а это само собою слѣлалось бы вслѣдствіе ихъ общественнаго и политическаго освобожденія. Но улучшенія, которыя произошли бы отъ этого черезъ вліяніе каждой женщины въ ея семьѣ, были бы еще значительнѣе.

Часто говорятъ, что въ сословіяхъ, наиболѣе подлежащихъ искушеніямъ, мужчина, имѣющій жену и дѣтей, скорѣе останется честнымъ и порядочнымъ, какъ

вслѣдствіе ихъ прямаго вліянія, такъ по своей заботливости объ ихъ будущемъ благоденствіи. Такъ бываетъ, и вѣроятно часто бываетъ съ мужчинами, у которыхъ скорѣе слабый характеръ, чѣмъ порочныя наклонности, и это благотворное вліяніе усилилось бы при законахъ, установляющихъ равноправіе. Вліяніе это вовсе не зависитъ отъ подчиненности женщинъ, а напротивъ того, его ослабляетъ неуваженіе, которое мужчина низшаго сословія всегда въ душѣ чувствуетъ къ существамъ, ему подвластнымъ. Но, если мы подымемся выше по общественной лѣстницѣ, мы встрѣтимъ совершенно иныя побужденія. Вліяніе жены, на сколько оно имѣетъ силы, мѣшаетъ мужу спуститься ниже средняго уровня, установленнаго общественнымъ мнѣніемъ въ его отечествѣ,—это такъ,—но зато оно точно также сильно мѣшаетъ ему подняться выше этого уровня. Жена—блюстительница дюжиннаго общественнаго мнѣнія. Мужчина, женатый на женщинѣ, стоящей ниже его по уму и по развитію, постоянно чувствуетъ, что она тянетъ его внизъ, какъ гиря, мѣшаетъ всѣмъ его порывамъ быть лучше того, что̀ требуетъ отъ него общественное мнѣніе. Почти невозможно человѣку, опутанному подобными

узами, достичь высокой добродѣтели. Если онъ въ мнѣніяхъ расходится съ массою, если онъ ясно видитъ такія истины, которыхъ масса еще и не подозрѣваетъ, или если, сознавая въ душѣ своей истины, только машинально признаваемыя массой, онъ желаетъ сообразовать поступки свои съ этими истинами болѣе добросовѣстно, чѣмъ это дѣлаютъ люди вообще—супружество составляетъ страшнѣйшую изъ всѣхъ помѣхъ всѣмъ подобнымъ мыслямъ и стремленіямъ, если только онъ не на столько счастливъ, что имѣетъ жену, стоящую столько же выше общественнаго уровня, сколько и онъ самъ.

Во первыхъ, для осуществленія подобныхъ стремленій всегда требуется до нѣкоторой степени пожертвованіе собственными интересами, или положеніемъ въ свѣтѣ, или денежными средствами, можетъ статься, нужно даже рисковать самыми средствами къ существованію. Всѣ эти пожертвованія, всѣ эти риски, онъ, можетъ быть, охотно принялъ бы на себя, но задумается прежде, чѣмъ подвергнетъ имъ семейство,—а семейство въ этомъ случаѣ значитъ: жену и дочерей, потому что онъ всегда надѣется, что сыновья сойдутся съ

нимъ въ мнѣніяхъ и въ чувствахъ, и охотно обойдутся безъ того, безъ чего и онъ можетъ обойдтись, ради той же идеи. Но какъ быть съ дочерьми? ихъ выходъ замужъ можетъ зависѣть отъ этого. А жена его, неспособная понять цѣлей, ради которыхъ приносятся эти жертвы, отнестись къ нимъ сочувственно, — жена его, которая, если и считаетъ ихъ стоющими какихъ нибудь жертвъ, то развѣ только потому, что вѣритъ ему на слово, исключительно изъ любви къ нему—которая не можетъ сама ощущать ни малѣйшей доли энтузіазма или самоодобренія, которое онъ самъ ощущаетъ, потому что то, чѣмъ онъ готовъ жертвовать, дороже всего на свѣтѣ для него,—развѣ самый лучшій и наименѣе себялюбивый мужчина не долѣе всѣхъ задумается прежде, чѣмъ подвергнетъ ее подобнымъ послѣдствіямъ? Если не житейскій комфортъ ставится на карту, а только общественное уваженіе, то и тутъ еще его совѣсти и чувствамъ придется выдержать сильную борьбу противъ убѣжденій.

Каждый, имѣющій жену и дѣтей, далъ въ лицѣ ихъ залоги свѣту. Пускай онъ самъ вполнѣ равнодушенъ къ одобренію или неодобренію этой великой державы, пу-

скай онъ выше общественнаго мнѣнія или находитъ достаточное вознагражденіе въ мнѣніи людей, одномыслящихъ съ нимъ, — но женщинамъ, ему близкимъ, онъ не можетъ доставить того же вознагражденія. Жены почти неизмѣнно стараются приналечь своимъ вліяніемъ на ту сторону вѣсовъ, которую и безъ того оттягиваетъ общественное мнѣніе. Это иногда ставится женщинамъ въ вину и приводится какъ характеристическая черта, доказывающая безсиліе и ребячество ихъ натуры. Но подобное сужденіе—чистая напраслина. Общество дѣлаетъ всю жизнь женщины, въ достаточныхъ классахъ, безпрерывнымъ жертвованіемъ собою; оно требуетъ отъ нея неусыпнаго стѣсненія всѣхъ своихъ природныхъ склонностей, и единственнымъ вознагражденіемъ за то, что нерѣдко вполнѣ можно назвать ея мученичествомъ, предлагаетъ ей свое уваженіе! Уваженіе „свѣта“ къ ней неразрывно связано съ уваженіемъ его къ ея мужу. И вдругъ, заплативъ за это уваженіе всю цѣну сполна, она должна лишиться его изъ-за такихъ причинъ, уважительность которыхъ она рѣшительно не понимаетъ. Она пожертвовала ради его всею жизнью, а мужъ ея не хочетъ пожертвовать прихотью, причудою, какою

*

нибудь фантазіей, чѣмъ-то непризнаннымъ и недозволеннымъ „свѣтомъ“, чѣмъ-то, что̀ „свѣтъ“, точно также какъ и она, называетъ безуміемъ, если только не чѣмъ нибудь хуже!...

Подобная борьба противъ самаго дорогаго всѣхъ тяжелѣе для тѣхъ достойныхъ всякаго уваженія мужчинъ, которые, не обладая способностью играть видную роль между своими единомышленниками, однако держатся своихъ мнѣній отъ искренняго убѣжденія и считаютъ себя обязанными честью и совѣстью служить имъ, исповѣдуя открыто свои вѣрованія и посвящая свое время, труды и средства всему, что̀ предпринимается въ пользу этихъ мнѣній. Хуже всего, когда такіе мужчины поставлены судьбой въ званіе и положеніе, само собою не открывающее имъ доступа въ то, что̀ называютъ высшимъ обществомъ, но и не исключающее ихъ изъ него, когда допущеніе ихъ въ это общество главнымъ образомъ зависитъ отъ того, какого оно мнѣнія о нихъ лично, и когда при всей безукоризненности ихъ жизни и манеръ, преданность ихъ мнѣніямъ и общественнымъ интересамъ, не пользующимся расположеніемъ лицъ, задающимъ тонъ этому обществу, можетъ повести къ ис-

ключенію ихъ изъ него. Не одна женщина льститъ себѣ (девять разъ изъ десяти совершенно ошибочно) убѣжденіемъ, что ничто не мѣшаетъ ей и ея мужу вращаться въ высшемъ обществѣ (по ея понятіямъ и въ ея сферѣ), въ обществѣ, въ которомъ свободно вращаются другіе люди, хорошо ей знакомые, изъ того же сословія, и что ихъ исключаетъ изъ него только то несчастное обстоятельство, что мужъ ея принадлежитъ къ какой нибудь религіозной сектѣ или слыветъ за члена какой нибудь пошлой радикальной партіи. Она воображаетъ, что именно это мѣшаетъ сыну ея получить такое-то выгодное мѣсто, дочери ея сдѣлать блестящую партію, а ей самой и мужу ея получать приглашенія, а можетъ быть и почести, на которыя, по ея мнѣнію, они имѣютъ такое же право, какъ многіе другіе. Когда въ каждомъ домѣ открыто дѣйствуетъ подобное вліяніе или дѣйствуетъ тѣмъ сильнѣе, что его не заявляютъ, удивительно ли, что мужчины вообще удовлетворяются той дюжинною порядочностью, которая съ каждымъ днемъ все болѣе становится характеристикою современнаго общества?

Дѣйствіе, производимое не только прямо стѣсненіями,

налагаемыми на женщинъ въ обществѣ и политической жизни, но скорѣе широкой чертою, которую эти стѣсненія проводятъ между воспитаніемъ и характеромъ женщины и воспитаніемъ и характеромъ мужчины, имѣетъ еще одну сторону, которую не слѣдуетъ обойдти безъ вниманія; ничто не можетъ быть болѣе неблагопріятно тому единству мыслей и склонностей, которое составляетъ идеалъ супружеской жизни. Тѣсная дружба между людьми, радикально расходящимися другъ съ другомъ—пустая мечта. Контрастъ можетъ привлечь, но только сродство удерживаетъ привязанность. Личности сходятся и могутъ доставить другъ другу счастіе въ жизни, только на столько, на сколько между ними есть сродство. До тѣхъ поръ, пока женщины такъ не похожи на мужчинъ, не удивительно, что мужья-эгоисты ощущаютъ потребность въ произвольной власти для того, чтобы остановить въ зародышѣ всякое столкновеніе вкусовъ и интересовъ, заранѣе рѣшая ихъ въ свою пользу. Тамъ, гдѣ люди чрезвычайно другъ на друга непохожи, не можетъ быть настоящаго тождества интересовъ. Между супругами часто бываетъ искреннее и добросовѣстное разногласіе, даже касательно самыхъ возвышенныхъ вопросовъ о долгѣ. Можно ли назвать дѣйствительнымъ брачный союзъ, въ которомъ имѣетъ мѣсто подобное явленіе? А между тѣмъ оно нигдѣ не рѣдкость, если только жена имѣетъ сколько нибудь серьезный характеръ, и встрѣчается чрезвычайно часто въ католическихъ государствахъ, гдѣ ее поддерживаетъ въ такомъ разногласіи единственная другая власть, кромѣ мужниной, передъ которою ее учатъ преклоняться — власть ея духовника. Съ наглостью, свойственной власти, не привыкшей быть оспариваемой, протестантскіе и другіе либеральные писатели возстаютъ противъ вліянія священника надъ женщинами, не столько за то, что вліяніе это дурно по сущности своей, сколько за то, что оно соперничаетъ съ правами мужа и поощряетъ жену къ возмущенію противъ его непогрѣшимости. Въ Англіи подобное разногласіе иногда существуетъ тамъ, гдѣ женщина господствующаго вѣроисповѣданія вышла за человѣка, принадлежащаго какому нибудь другому исповѣданію. Но вообще оказывается нетруднымъ устранить эту причину раздора, доводя умъ женщинъ до такой пустоты и ничтожества, чтобы онѣ не имѣли своихъ мнѣній, кромѣ мнѣній „свѣта“ или тѣхъ, ко-

торыя велитъ имѣть имъ мужъ. Тамъ, гдѣ нѣтъ разногласія въ мнѣніяхъ, разницы во вкусахъ достаточно, чтобы сильно нарушить домашнее счастье. Преувеличеніе, посредствомъ различнаго воспитанія, природныхъ различій между полами, если таковыя есть, можетъ подстрекать влюбчивыя склонности мужчины, но никакъ не ведетъ къ супружескому счастью. Если супруги люди порядочные, благовоспитанные, они терпятъ вкусы одинъ другаго, — но неужели, вступая въ бракъ, отъ супружества ничего не ожидаютъ выше обоюдной терпимости? Изъ разницы въ склонностяхъ естественно происходитъ различіе въ желаніяхъ почти по поводу всѣхъ представляющихся домашнихъ вопросовъ, если только жену не удерживаютъ привязанность и долгъ. Какъ должно быть различно общество, въ которомъ каждый изъ супруговъ пожелаетъ знаться! Каждому захочется имѣть знакомыхъ однихъ съ нимъ вкусовъ; лица, нравящіяся одному, не будутъ нравиться или будутъ просто противны другому, а между тѣмъ отдѣльныхъ знакомствъ у нихъ не можетъ быть, потому что въ наше время супруги уже не живутъ на разныхъ половинахъ и не вращаются въ разныхъ кругахъ, какъ это дѣлалось во

времена Лудовика XV. Они не могутъ не имѣть различныхъ желаній и относительно воспитанія дѣтей. Каждому захочется воспроизвести въ нихъ собственные вкусы и мнѣнія; послѣдуетъ сдѣлка, только на половину удовлетворяющая каждую изъ сторонъ, или женѣ придется уступить, часто цѣною горькихъ страданій. Да и то еще, умышленно или неумышленно, — а скрытое вліяніе матери продолжаетъ противодѣйствовать волѣ отца.

Было бы конечно верхомъ нелѣпости вообразить, что подобное различіе въ мнѣніяхъ и склонностяхъ существуетъ только потому, что женщинъ воспитываютъ не такъ, какъ мужчинъ и, что могутъ сложиться какія бы то ни были обстоятельства, при которыхъ разницы во вкусахъ не будетъ, но нисколько не будетъ преувеличеніемъ сказать, что разница въ воспитаніи безконечно усиливаетъ эти разногласія и дѣлаетъ ихъ совершенно неизбѣжными. До тѣхъ поръ, пока женщинъ будутъ воспитывать такъ какъ теперь, мужъ и жена рѣдко будутъ сходиться во вкусахъ и желаніяхъ относительно обыденной жизни. Каждому вообще приходится отказаться отъ подобнаго согласія, какъ отъ

несбыточной мечты и бросить попытку найдти въ существѣ, раздѣляющемъ его ежедневную жизнь, то единство взглядовъ и желаній, которое составляетъ признанную связь всякаго общества, заслуживающаго это названіе. А если мужчинѣ удастся добыть себѣ жену съ такими подходящими вкусами, это развѣ если онъ выберетъ женщину такую ничтожную, что у нея вовсе нѣтъ никакихъ желаній или взглядовъ и что она одинаково готова на все, что ни скажутъ ей. Однако и этотъ расчетъ можетъ неудасться: тупость и отсутствіе своего ума не всегда гарантируютъ покорность, которой съ такой увѣренностью отъ этихъ качествъ ожидаютъ. Но если бы даже и постоянно удавался этотъ расчетъ, неужели это идеалъ брака? Что же въ такомъ случаѣ находитъ мужчина въ женѣ далѣе экономки, няньки, сидѣлки и, наконецъ, самки? Напротивъ того, когда каждый изъ супруговъ, вмѣсто того, чтобы быть никѣмъ есть нѣчто, когда они другъ къ другу привязаны и на первый разъ не слишкомъ расходятся, постоянное участіе въ однѣхъ и тѣхъ же вещахъ при помощи обоюднаго сочувствія вызываетъ наружу скрывающуюся въ каждомъ способность заинтересоваться ве-

щами, сперва интересовавшими только одного изъ нихъ и выработываетъ постоянное примѣненіе вкусовъ и характеровъ другъ къ другу, отчасти посредствомъ нечувствительнаго измѣненія каждаго, но еще болѣе посредствомъ дѣйствительнаго обогащенія обѣихъ натуръ, изъ которыхъ каждая пріобрѣтаетъ вкусы и способности другой вдобавокъ къ своимъ. Это часто случается между двумя друзьями одного пола, много бывающихъ вмѣстѣ и случалось бы нерѣдко, а вѣрнѣе всего чаще въ супружествѣ, если бы совершеніое различіе воспитанія, которое дается обоимъ поламъ, не дѣлало почти невозможнымъ для нихъ дѣйствительно подходящій бракъ. Если бы этой бѣдѣ помочь, то, по крайней мѣрѣ какъ общее правило, водворились бы единодушіе относительно главнѣйшихъ цѣлей жизни, какія бы различія ни оставались въ мелкихъ личныхъ вкусахъ. Когда и тотъ и другой способны интересоваться высокими предметами, великими цѣлями и поощрять другъ друга во всемъ, что касается ихъ, мелкой разницы во вкусахъ уже не имѣютъ для нихъ особенной важности и получается основа прочной дружбы, болѣе всего могущая соединить ихъ на всю жизнь такъ, что каждому пріятно

угодить другому, чѣмъ получать угожденіе отъ другаго.

Я до сихъ поръ распространился только о вредныхъ дѣйствіяхъ въ супружествѣ простаго различія, отсутствіе сродства между мужемъ и женою. Но вредъ въ громадной степени усиливается, когда кромѣ различія есть еще превосходство съ одной стороны. Различіе въ характерахъ, когда оно означаетъ больше всего обладаніе различными, но все же хорошими качествами, скорѣе можетъ принести другъ другу пользу, чѣмъ отнять счастіе. Когда каждый чувствуетъ къ другому соревнованіе, желаетъ и старается пріобрѣтать отличительныя хорошія качества другаго, различіе въ характерѣ не только не производитъ разъединеніе интересовъ, но напротивъ того, тѣснѣе связываетъ интересы и дѣлаетъ каждаго дороже другому. Но когда одинъ изъ супруговъ много ниже другаго по умственнымъ способностямъ и образованію и не старается при помощи другаго подняться на одинъ съ нимъ уровень, вліяніе подобнаго союза на развитіе высшаго по уму и нравственнымъ качествамъ существа положительно вредно и еще вреднѣе въ сносныхъ супружествахъ, чѣмъ въ самыхъ

несчастныхъ. Существо высшее по уму не безнаказанно можетъ замкнуться въ домашней жизни съ существомъ, стоящимъ ниже его, и сдѣлать это низшее существо своимъ избраннымъ, почти единственнымъ во всѣхъ отношеніяхъ интимнымъ товарищемъ. Всякое сообщество, которое дѣйствуетъ неблаготворно, дѣйствуетъ непремѣнно вредно, и тѣмъ болѣе, чѣмъ болѣе оно близко и интимно. Даже истинно замѣчательный человѣкъ почти всегда начинаетъ спускаться, когда онъ постоянно вращается въ обществѣ, въ которомъ онъ умнѣе всѣхъ; а мужъ женщины, стоящей ниже его, всегда бываетъ именно въ такомъ положеніи. Если съ одной стороны самодовольство его находитъ постоянную пищу, за то съ другой онъ нечувствительно начинаетъ присвоивать себѣ образъ мыслей, взгляды на вещи, свойственныя болѣе дюжинному, болѣе ограниченному уму. Это зло разнится отъ многихъ другихъ, выше мною изложенныхъ, тѣмъ, что оно постоянно увеличивается. Отношенія мужчины къ женщинѣ въ обыденной жизни теперь гораздо тѣснѣе и ближе, чѣмъ были когда нибудь прежде. Жизнь мужчинъ получаетъ все болѣе и болѣе домашній характеръ.

Встарину занятія ихъ и удовольствія заставляли ихъ чаще всего вращаться между мужчинами, такъ что женамъ удѣлялась только частица ихъ жизни. Въ наше время прогресъ цивилизаціи и поворотъ, совершившійся въ общественномъ мнѣніи противъ грубыхъ увеселеній и застольныхъ излишествъ, встарину по преимуществу занимавшихъ мужчинъ въ часы досуга, вмѣстѣ нужно признаться съ значительно возвысившимся въ послѣднее время чувствомъ относительно взаимности обязанности, связывающей мужа съ женою, заставили мужчинъ гораздо больше бывать дома съ членами своей семьи и въ нихъ искать свои личныя и общественныя развлеченія, между тѣмъ, какъ улучшенія, въ тоже время происшедшія въ женскомъ воспитаніи, сдѣлали женщинъ до нѣкоторой степени способными раздѣлять ихъ занятія и умственные вкусы, хотя и оставляетъ ихъ по большей части все еще безвыходно ниже ихъ. Общество, отъ котораго нельзя ни поумнѣть, ни усовершенствоваться, замѣняетъ мужчинѣ общество равныхъ ему по способностямъ, товарищей по занятіямъ, въ которомъ онъ прежде по преимуществу бывалъ. Вслѣдствіе этого мы постоянно видимъ, что молодые люди, подававшіе самыя блестящія

надежды, обыкновенно перестаютъ совершенствоваться какъ только женятся, а не совершенствуясь, неизбѣжно спускаются ниже и ниже. *Если жена не толкаетъ мужа впередъ, она непремѣнно тянетъ его назадъ* (1); онъ перестаетъ интересоваться тѣмъ, что ее не занимаетъ, перестаетъ желать и наконецъ получаетъ отвращеніе и избѣгаетъ общества, подходящаго къ его прежнимъ стремленіямъ, которое стало бы его стыдить его отпаденіемъ. Его высшія способности, какъ душевныя, такъ и умственныя уже не вызываются въ дѣло, а такъ какъ эта перемѣна совпадаетъ съ новыми, эгоистическими интересами, создаваемыми семьею, то по истеченіи нѣсколькихъ лѣтъ онъ ни въ чемъ существенномъ не отличается отъ людей, никогда не имѣвшихъ никакихъ желаній и стремленій выше пошлаго тщеславія или такихъ же пошлыхъ матеріальныхъ интересовъ.

---

(1) Все то, что Милль говоритъ объ ужасѣ положенія мужа, у котораго жена не равня, не примѣняется ли сплошь да рядомъ и къ положенію женщины, которой мужъ не равня—съ той разницей, что всѣ страданія, такъ вѣрно и краснорѣчиво описанныя авторомъ, получаютъ удесятерен-

Чѣмъ можетъ быть бракъ для двухъ даровитыхъ личностей, имѣющихъ одинаковыя мнѣнія, одинаковыя цѣли, между которыми существуетъ лучшее изъ всѣхъ равенствъ — равенство способностей вообще, съ обоюднымъ превосходствомъ другъ предъ другомъ, такъ что каждый пользуется высокимъ наслажденіемъ смотрѣть съ уваженіемъ на другаго и имѣть удовольствіе попеременно вести и быть ведому по пути развитія — я даже не попытаюсь описывать. Для тѣхъ, кто можетъ постичь что̀ это такое, — описывать нѣтъ надобности, для тѣхъ же, кто не можетъ этого понять — всякое описаніе показалось бы мечтой восторженнаго фантазера. Но я утверждаю съ глубочайшимъ убѣжденіемъ, что въ этомъ и только въ этомъ и есть идеалъ супружескаго счастія, что всѣ мнѣнія, обычаи и учрежденія, потакающія другому понятію о супружествѣ, дающія другое

ную жгучесть отъ сознанія, что она вязнетъ въ болотѣ не отъ добровольнаго отреченія изъ состраданія къ низшему, но любимому существу, а потому, что законъ и общество ставятъ ей въ обязанность *повиновеніе* этому существу, хотя бы оно завѣдомо не стоило ея подметки. *Перев.*

направленіе представленіямъ и стремленіямъ, связаннымъ съ нимъ, подъ прикрасою какихъ бы то ни было предлоговъ, — суть остатки первобытнаго варварства. Нравственное возрожденіе человѣчества тогда только дѣйствительно начнется, когда наиболѣе основныя изъ всѣхъ общественныхъ отношеній будутъ поставлены подъ охрану равенства и справедливости, когда люди научатся обращать сильнѣйшія чувства души своей къ существамъ равнымъ себѣ по правамъ и по развитію.

Изъ всего выше сказаннаго оказывается, что блага, которыхъ общество достигло бы, если бы перестало смотрѣть на полъ какъ на обстоятельство, отнимающее всякія права и налагающее клеймо подчиненности, имѣетъ свойства скорѣе общія чѣмъ частныя: онѣ равняются приращенію общей суммы мыслительной и дѣятельной силы и улучшенію въ общихъ условіяхъ асоціаціи между мужчиной и женщиной. Но было бы огромной ошибкой, если бы я обошелъ молчаніемъ самое прямое изъ всѣхъ этихъ благъ: неизрѣченное приращеніе личнаго счастія для цѣлой половины человѣческаго рода, разницу между жизнію, подчиненной волѣ дру-

тихъ и жизнію, управляемой разумной свободой. Послѣ самыхъ первоначальныхъ потребностей — въ пищѣ и одеждѣ — свобода есть первая и сильнѣйшая потребность человѣческой природы. Пока человѣчество находится въ безправномъ состояніи, оно стремится и къ безправной свободѣ. Когда оно научается понимать смыслъ обязанностей и придавать должную цѣну разуму, оно все болѣе и болѣе склоняется къ тому, чтобы дать обязанностямъ и разуму руководить собою и обуздывать себя въ пользованіи свободой. Но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы оно меньше желало самой свободы. Оно вовсе не дѣлается расположеннымъ признать волю другихъ за представительницу и законное толкованіе этихъ путеводящихъ принциповъ. Напротивъ того, общества, въ которыхъ разумъ всего больше развивали, въ которомъ понятіе объ общественномъ долгѣ было всего сильнѣе — именно эти общества упорнѣе всѣхъ отстаивали свободу дѣйствія каждой личности, права каждаго управлять своими поступками сообразно съ собственными понятіями о долгѣ, съ тѣми законами и общественными стѣсненіями, какія совѣсть его признаетъ за нужныя и полезныя.

Тотъ, кто желаетъ вѣрно оцѣнить личную независимость какъ элементъ счастія, долженъ прежде всего припомнить, какую цѣну придаетъ ей какъ элементу счастія для самаго себя. Нѣтъ ни одного предмета, по которому оказывалось бы болѣе огромное разногласіе въ сужденіяхъ человѣка, когда онъ судитъ о самомъ себѣ и того же человѣка, когда онъ судитъ о другихъ. Когда онъ отъ другихъ слышитъ жалобы, что имъ не даютъ свободы дѣйствій, что ихъ собственной волѣ не предоставляютъ достаточнаго вліянія на ихъ же дѣла, ему прежде всего хочется спросить: на что они жалуются, какое положительное зло они терпятъ и въ какомъ отношеніи, по ихъ мнѣнію, дѣла ихъ страдаютъ, и если отвѣты на эти вопросы ему не покажутся удовлетворительными, онъ отвернется и припишетъ всѣ подобныя жалобы прихотливости людей, неудовлетворяющихся ничѣмъ разумнымъ. Но у него является совершенно другая мѣрка, когда онъ обсуждаетъ собственныя свои дѣла. Тогда самое безукоризненное завѣдываніе его интересами опекой, поставленной надъ нимъ, не удовлетворяетъ его. Его личное устраненіе отъ власти, налагающей по его дѣламъ рѣшенія, кажется ему наи-

большей изъ всѣхъ обидъ, такъ, что даже злоуправленіе его дѣлами отходитъ на второй планъ. Тоже самое и съ націями. Какой гражданинъ свободнаго государства захочетъ даже слушать человѣка, который станетъ предлагать ему отличнѣйшую и умнѣйшую администрацію, съ тѣмъ, чтобы онъ отрекся отъ свободы, даже если бы онъ могъ повѣрить, что отличная и умная администрація можетъ существовать у народа, управляемаго не собственной своей волей? Развѣ сознаніе, что онъ и его сограждане вырабатываютъ собственную судьбу и на собственную отвѣтственность, не представляло бы ему вознагражденія, даже за значительные недостатки въ частностяхъ управленія публичными дѣлами? Пусть же онъ повѣритъ, что все то, что̀ онъ чувствуетъ по этому поводу, женщины чувствуютъ никакъ не съ меньшей силой. Все, что̀ было говорено или писано со временъ Геродота до нашихъ временъ объ облагороживающемъ вліяніи свободнаго управленія, о томъ какую силу придаетъ оно всѣмъ способностямъ, какъ расширяетъ и возвышаетъ цѣли, которыя оно представляетъ уму и чувству, какъ оно порождаетъ менѣе эгоистическій духъ, болѣе свѣтлые и широкіе взгляды на

долгъ и какъ оно вообще поднимаетъ на болѣе высокій уровень каждую личность какъ нравственное, умственное и общественное существо, отъ слова до слова такая же истина въ примѣненіи къ женщинамъ, какъ и въ примѣненіи къ мужчинамъ. Развѣ всѣ эти статьи не составляютъ существенной части личнаго счастья? Пусть бы каждый мужчина вспомнилъ, что̀ онъ самъ ощущалъ при выходѣ изъ отрочества, изъ подъ опеки и власти даже любимыхъ имъ и любящихъ его старшихъ, и вступленіи во всю отвѣтственность, составляющую принадлежность возмужалаго возраста. Не походило ли это чувство на физическое ощущеніе снятія съ плечъ большой тяжести или на освобожденіе отъ стѣсняющихъ, если и не причиняющихъ боли, узъ? Не чувствовалъ ли онъ себя вдвое болѣе живымъ существомъ, вдвое болѣе человѣкомъ? Такъ неужели же онъ воображаетъ, что у женщины этихъ чувствъ нѣтъ? Но замѣчательное дѣло, что удовлетвореніе или оскорбленіе личной гордости, хотя кажется вопросомъ первой важности большинству мужчинъ, когда дѣло идетъ объ нихъ самихъ, гораздо менѣе принимается въ расчетъ, когда дѣло идетъ о другихъ, и менѣе признаются за ува-

жительныя побужденія или оправданіе поступковъ другихъ, чѣмъ всякія другія естественныя человѣческія чувства—можетъ быть потому, что когда дѣло идетъ объ нихъ самихъ, они надѣляютъ всѣ подобныя чувства столькими лестными названіями, что рѣдко сознаютъ, какое большое вліяніе это чувство имѣетъ на ихъ собственную жизнь. Женщины вышколены такъ, что научаются подавлять эти чувства въ наиболѣе естественныхъ и здоровыхъ проявленіяхъ ихъ, но внутреннее начало остается неизмѣннымъ, хотя въ другой внѣшней формѣ. Дѣятельный, энергическій умъ, если ему откажутъ въ свободѣ, станетъ домогаться власти; если ему не дадутъ управлять самимъ собою, онъ станетъ заявлять свою личность, стараясь забрать въ руки другихъ. Не давать человѣку другаго существованія, кромѣ зависящаго отъ другихъ, значитъ предлагать слишкомъ высокую награду за умѣніе гнуть другихъ подъ свою волю. Гдѣ на свободу нѣтъ надежды, а на власть надѣяться можно—власть становится главною цѣлью желаній человѣка. Тѣ, которымъ не даютъ спокойно распоряжаться собственными дѣлами, станутъ искать вознагражденія въ томъ, чтобы запускать руки для собственныхъ цѣлей въ чужія дѣла. Отсюда же проистекаетъ и страсть женщинъ къ личной красотѣ, къ нарядамъ, къ пышности, и все зло, проистекающее изъ нея въ видѣ вредной роскоши и общественной безнравственности. Любовь къ власти и любовь къ свободѣ находятся въ вѣчномъ антагонизмѣ; гдѣ наименѣе есть свободы, страсть къ власти является наиболѣе жгучей и беззастѣнчивой. Желаніе властвовать надъ другими можетъ перестать развращать чувства только тогда, когда человѣкъ самъ по себѣ будетъ въ состояніи обойдтись безъ власти, а это можетъ быть только тамъ, гдѣ уваженіе къ свободѣ каждаго въ своихъ личныхъ дѣлахъ есть установленный, всѣми признанный принципъ.

Но не только черезъ чувство собственнаго достоинства свободное распоряженіе своими способностями дѣлается источникомъ личнаго счастія, а стѣсненіе въ этомъ отношеніи становится источникомъ страданій для людей вообще, для женщинъ не менѣе чѣмъ для мужчинъ... Послѣ болѣзни, нищеты и сознанія вины, нѣтъ ничего, до такой степени разрушающаго возможность наслаждаться жизнію, какъ неимѣніе достаточнаго исхо-

да своимъ способностямъ и дѣятельности. Женщины, на которыхъ лежитъ забота о семействѣ, покуда заботы эти не сняты съ нихъ, имѣютъ хотя этотъ исходъ и онъ вообще оказывается достаточнымъ. Но что же скажемъ мы о постоянно возрастающемъ числѣ женщинъ, не имѣвшихъ случая исполнить призваніе, которое, точно въ насмѣшку, увѣряютъ ихъ, исключительно прилично имъ? Что скажемъ мы о женщинахъ, потерявшихъ дѣтей черезъ смерть или разлуку, или дѣти которыхъ, выросши, переженились и повышли замужъ и обзавелись собственнымъ хозяйствомъ? Есть множество примѣровъ мужчинъ, которые, послѣ жизни, проведенной въ трудахъ, удаляются отъ дѣлъ съ достаточными средствами, въ надеждѣ насладиться покоемъ, но, которымъ переходъ къ совершенной праздности, такъ какъ они не могутъ уже создать себѣ новыхъ интересовъ и занятій взамѣнъ старыхъ, причиняетъ скуку и меланхолію и даже преждевременную смерть. Отчего же никто не подумаетъ, что тоже самое бываетъ и со многими достойными, прекрасными женщинами, которыя, отдавъ, какъ учатъ ихъ, долгъ обществу, безукоризненно выростивъ дѣтей и занимавшись хозяйствомъ пока была надобность содержать хозяйство, теряютъ единственное занятіе, къ которому они приспособили себя и остаются съ неистощеннымъ запасомъ дѣятельностіи, но безъ цѣли, къ которой бы направить ее, если только которая нибудь изъ дочерей или невѣстокъ не согласится отречься въ ихъ пользу отъ исполненія тѣхъ же обязанностей въ своемъ молодомъ хозяйствѣ? Это безспорно тяжелая доля на старости лѣтъ для женщинъ, добросовѣстно исполнявшихъ, пока можно было, то, что свѣтъ считаетъ ихъ единственной общественной обязанностью. Единственный исходъ для такихъ женщинъ и другихъ, никогда не имѣвшихъ случая исполнить эту обязанность и всю жизнь томящихся сознаніемъ загубленнаго призванія и дѣятельности, не нашедшей себѣ предмета — вообще бываетъ религія и благотворительность. Религія у нихъ, хотя и можетъ имѣть основаніе въ глубинѣ души, но проявляется въ видѣ соблюденія всѣхъ церковныхъ обрядовъ и постановленій, и не можетъ примѣниться къ жизни иначе, какъ въ видѣ благотворительности. Но для того, чтобы заниматься ею съ пользою или даже только такъ, чтобы не приносить вредъ, требуется вос-

питаніе, многосторонняя подготовка, познанія и мыслительная сила искуснаго администратора. Мало такихъ правительственныхъ административныхъ должностей, къ которымъ бы не годились лица, умѣющія съ толкомъ заниматься благотворительностью. Въ этомъ дѣлѣ, какъ и во многихъ другихъ, главнымъ образомъ въ воспитаніи дѣтей, женщины не могутъ исполнять какъ слѣдуетъ даже дозволяемыхъ имъ обязанностей, не будучи подготовлены къ другимъ, къ которымъ ихъ, къ великому убытку общества, не допускаютъ. Да будетъ мнѣ дозволено при этомъ случаѣ обратить вниманіе читателя на странный свѣтъ, въ которомъ часто представляется вопросъ о лишеніи женщинъ разныхъ гражданскихъ правъ, господами, находящими, что гораздо легче нарисовать смѣшную картину того, что̀ имъ не нравится, чѣмъ возразить на доводы противниковъ. Когда говорятъ, что исполнительныя способности и умныя совѣты женщинъ не разъ оказывались весьма не лишними въ государственныхъ дѣлахъ, эти любители юмористическихъ картинокъ стараются насмѣшить добрыхъ людей, представляя имъ засѣдающими въ парламентѣ или въ министерскомъ кабинетѣ дѣвочекъ со школьной

скамьи или молоденькихъ двадцати двухъ-трехлѣтнихъ бабенокъ, перенесенныхъ, въ томъ самомъ видѣ въ какомъ онѣ теперь находятся, изъ своей гостиной въ палату общинъ. Они забываютъ, что и мужчинъ-то рѣдко выбираютъ въ такіе годы въ члены парламента или на отвѣтственныя должности. Здравый смыслъ одинъ говоритъ, что если бы подобныя должности стали бы ввѣрять женщинамъ, то только тѣмъ изъ нихъ, которыя бы оказались безъ особеннаго призванія къ супружеству или предпочли бы другое употребленіе своихъ способностей (вѣдь и теперь много женщинъ, предпочитающихъ браку любое изъ тѣхъ немногихъ почетныхъ занятій, отъ которыхъ онѣ не исключены) и потому посвятили бы бо̀льшую часть своей молодости стараніямъ подготовить себя къ занятіямъ, которымъ онѣ намѣрены посвятить свою жизнь, или еще чаще, по всей вѣроятности,—вдовамъ и женамъ, лѣтъ подъ сорокъ, подъ пятьдесятъ, которымъ знаніе жизни и умѣнье управлять, пріобрѣтенное въ семействѣ, при помощи нужныхъ научныхъ занятій, могли бы весьма пригодиться въ менѣе тѣсной сферѣ. Нѣтъ страны въ Европѣ, гдѣ самый даровитый мужчина не испыталъ

и не цѣнилъ бы высоко совѣтовъ и помощи умной *и опытной свѣтской* женщины для достиженія частныхъ или общественныхъ цѣлей, а есть весьма важные отдѣлы администраціи, къ которымъ не многіе мужчины способны въ одинаковой степени съ подобными женщинами, между прочимъ, контроль надъ государственными и общественными расходами. Но мы теперь обсуждаемъ не надобность въ женской дѣятельности по общественнымъ дѣламъ, а скучную, лишенную всякой надежды жизнь, на которую общество часто обрекаетъ женщинъ, запрещая имъ употреблять въ дѣло практическія способности, сознаваемыя многими изъ нихъ, на болѣе обширномъ полѣ, чѣмъ сфера, никогда не открывавшаяся для нѣкоторыхъ, а для другихъ уже закрывшаяся. Если есть что нибудь въ высшей степени необходимое для счастья человѣка, это то, чтобы ему нравилось его постоянное занятіе. Это условіе пріятности жизни въ весьма малой степени достается значительной части человѣчества, а иногда и вовсе не достается, и благодаря этому многія существованія погибаютъ, не смотря на то, что, по видимому, снабжены всѣми данными къ успѣху. Но если обстоятельства,

которыя общество покуда еще не умѣетъ устранить, часто дѣлаютъ подобную погибель неизбѣжною, то все таки нѣтъ надобности самому обществу сочинять такія обстоятельства. Неблагоразуміе родителей, неопытность самаго начинающаго жизнь или отсутствіе внѣшнихъ случаевъ къ выбору настоящаго призванія и присутствіе, напротивъ, случаевъ, наталкивающихъ на несимпатичное занятіе, обрекаютъ множество мужчинъ на то, чтобы всю жизнь дурно и съ отвращеніемъ дѣлать одно, тогда какъ есть множество другихъ вещей, которыя они могли бы дѣлать хорошо и съ наслажденіемъ. Но противъ женщинъ этотъ приговоръ произносится самымъ закономъ и обычаями, равносильными закону. То, чѣмъ въ непросвѣщенныхъ обществахъ бываетъ цвѣтъ кожи, раса, вѣроисповѣданіе или, если дѣло идетъ о завоеванной странѣ, національность для нѣкоторыхъ мужчинъ, является полъ для всѣхъ женщинъ. Онъ ихъ разъ навсегда исключаетъ отъ всѣхъ почти почетныхъ занятій, кромѣ тѣхъ, къ которымъ никто кромѣ нихъ неспособенъ, или тѣхъ, которыхъ другіе не считаютъ достойными себя. Страданія, возникающія отъ подобныхъ причинъ, обыкновенно встрѣчаютъ такъ мало со-

чувствія, что немного есть лицъ, понимающихъ какая огромная сумма несчастія каждую минуту производится сознаніемъ загубленной жизни. Это будетъ встрѣчаться все болѣе и болѣе часто, по мѣрѣ того какъ усовершенствованіе образованія создаетъ большій разладъ между понятіями и способностями женщинъ и сферою дѣятельности, которую общество предоставляетъ имъ. Если подумать о томъ, какое положительное зло наносится лишенной своихъ правъ половинѣ человѣческаго рода этимъ самымъ лишеніемъ, во первыхъ въ видѣ утраты самого возвышеннаго и облагораживающаго разряда наслажденій, далѣе, въ видѣ устали разочарованія, неудовольства жизнію — нельзя не сознать, что изъ всего, чему слѣдуетъ мужчинамъ научиться для того, чтобы вести борьбу противъ неизбѣжныхъ несовершенствъ людской доли на землѣ, ничему такъ ненужно имъ учиться, какъ наукѣ не прибавлять къ страданіямъ, причиняемымъ самой природой, страданій, причиняемыхъ ихъ ревнивыми предразсудками и узкими стѣсненіями. Ихъ пустыя опасенія только дѣлаютъ то, что на мѣсто воображаемыхъ золъ становятся настоящія, худшія тѣхъ, потому что каждое стѣсненіе, налагаемое на свободу

дѣйствіемъ любаго человѣка, далѣе того, что̀ требуется, чтобы дѣлать ихъ отвѣтственными за свои дѣйствительные поступки, изсушаетъ главный источникъ человѣческаго счастія и лишаетъ родъ человѣческій неизмѣримаго количества всего того, что̀ дѣлаетъ жизнь дорогою каждому отдѣльному человѣку.